ЗАПИСКИ

РУССКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГРУППЫ В С.Ш.А.

ТОМ V

VOLUME V

TRANSACTIONS

OF THE ASSOCIATION OF RUSSIAN-AMERICAN SCHOLARS IN U S A

NEW YORK 1971

VOLUME V TRANSACTIONS OF THE ASSOCIATION OF RUSSIAN-AMERICAN SCHOLARS IN U S A

F. M. DOSTOEVSKY

1821 - 1881

Most of the following articles on F. M. Dostoevsky were given in some form as lectures at the SYMPOSIUM ON DOSTOEVSKY at Hunter College on April 3, 1971. The symposium was organized by the Association of Russian-American Scholars in conjunction with the Russian Division of Hunter College. Professors Arseniev, Campbell, Krugovoy, Levitsky, Natov, Poltoratzky, Popluiko, and Seduro lectured.

The Association of Russian-American Scholars expresses its gratitude to Professor Filia Holtzman and Professor Alex Alexander of Hunter College for their interest and assistance in the organizing of the Symposium. We also extend our gratitude to the Hunter College School of Social Work for kindly allowing us to use its auditorium.

ЗАПИСКИ

ТОМ V

TRANSACTIONS

VOLUME V

NEW YORK 1971

EDITOR-IN-CHIEF

Constantine Belousow, *Former Dean, International University*

EDITORS

Eugene Alexandrov, *Queens College*
Nicholas Arseniev, *Professor Emeritus, St. Vladimir's*
Alexander Bogolepov, *Professor Emeritus, St. Vladimir's*
Helena Fedukowicz, *New York University*
Waclaw Fedukowicz, formerly *Columbia University*
Richard Haugh, *Iona College*
Sergei Pushkarev, *Yale University*
Alexis Scherbatow, *Fairleigh Dickinson University*
Boris Unbegaun, *New York University*
George Vernadsky, *Professor Emeritus, Yale University*

ASSISTANT RUSSIAN EDITOR

Nikolai Lupinin

We wish to express our gratitude to the Humanities Fund, Inc., New York whose generous grant made the printing of this book possible.

The Board of Directors

Library of Congress Catalog No 67-29613

TRANSACTIONS IS PUBLISHED BY THE ASSOCIATION OF RUSSIAN-AMERICAN SCHOLARS IN USA,
85-20 114th Street, Richmond Hill, N. Y. 11418

The editors disclaim responsibility for statements, either of fact or opinion, made by contributors.

CONTENTS

I. *F. M. DOSTOEVSKY (1821-1881)*

Nicholas Arseniev, THE CENTRAL INSPIRATION OF DOSTOEVSKY 7
Magda Campbell, DOSTOEVSKY AND PSYCHOANALYSIS . . . 18
John Dunlop, DOSTOEVSKY'S *POOR FOLK* RECONSIDERED . . 29
Richard Haugh, DOSTOEVSKY AND HAWTHORNE? 38
George Krugovoy, THE EUCLIDIAN PRINCIPLE IN DOSTOEVSKY'S NOVELS (in Russian) 60
Sergei Levitsky, THE HIERARCHICAL STRUCTURE OF DOSTOEVKY'S NOVELS (in Russian) 64
Nadine Natov, SOME PLOT INVARIANTS IN THE WORKS OF F. M. DOSTOEVSKY AS A MEANS OF EXPRESSION OF HIS IDEAS 79
Arcadi Nebolsine, SIMULTANEITY OF GOOD AND EVIL: THE CASE OF LEBEDEV 93
Nikolai Poltoratzky, BERDYAEV AND DOSTOEVSKY 105
Anatoly Popluiko, EINSTEIN AND DOSTOEVSKY (in Russian) . . 109
Vladimir Seduro, THE CONTROVERSY OVER DOSTOEVSKY IN THE 1960s IN SOVIET DOSTOEVSKY STUDIES 125

II. *SOURCES OF RUSSIAN HISTORY*

Nicholas Itsines, A RESPONSE OF PATRIARCH JOHN CALECAS TO THE METROPOLITAN OF RUSSIA IN 1339: TRANSLATION AND COMMENTARY 181
Nikolai Lupinin, A LETTER FROM TSAR ALEXEI TO NIKON: COMMENTARY AND TRANSLATION 184
Nikolai Lupinin, INTRODUCTION TO AND COMMENTARY ON AN UNPUBLISHED LETTER OF V. I. LENIN TO THE MEMBERS OF THE POLITBURO 187
Vladimir Danilov, TRANSLATION OF AN UNPUBLISHED LETTER OF V. I. LENIN TO THE MEMBERS OF THE POLITBURO . . 190

III. *ARTICLES ON RUSSIAN CULTURE AND HISTORY (in Russian)*

George Vernadsky, A HISTORY OF RUSSIAN SCHOLARSHIP: THE EIGHTEENTH CENTURY 232
George Guins, COMMUNISM AND SUPER-CAPITALISM IN THE MIRROR OF LAW 252
Eugene Spectorsky, THE SPIRITUAL HERITAGE OF THE 19th CENTURY 253

IV. *ASSOCIATION NEWS* . . . 261

Editorial and Subscription Office
85-20 114th Street
Richmond Hill, N. Y. 11418

I. *ДОСТОЕВСКИЙ 1821 - 1881*

Н. С. Арсеньев, ЦЕНТРАЛЬНАЯ ТЕМА ТВОРЧЕСТВА ДОСТОЕВСКОГО 7
Магда Кэмпбелл, ДОСТОЕВСКИЙ И ПСИХОАНАЛИЗ 18
И. И. Дэнлоп, БЕДНЫЕ ЛЮДИ ДОСТОЕВСКОГО 29
Р. В. Хаук, ДОСТОЕВСКИЙ И ХАУФОРН 38
Ю. Г. Круговой, «ЭВКЛИДОВ МЕТОД» В КОМПОЗИЦИОННОМ И ФИЛОСОФСКОМ ЗАМЫСЛЕ ДОСТОЕВСКОГО 60
С. А. Левицкий, ОБ ИЕРАРХИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ РОМАНОВ ДОСТОЕВСКОГО 64
Н. А. Натова, ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРИЕМЫ ДОСТОЕВСКОГО, КАК ВЫРАЖЕНИЕ ЕГО ИДЕЙ 79
А. С. Небольсин, ОДНОВРЕМЕННОСТЬ ДОБРА И ЗЛА: ЛЕБЕДЕВ В «ИДИОТЕ» 93
Н. П. Полторацкий, БЕРДЯЕВ И ДОСТОЕВСКИЙ 105
А. И. Поплюйко, ЭЙНШТЕЙН И ДОСТОЕВСКИЙ 109
В. И. Седуро, ДОСТОЕВСКИЙ В РОССИИ СЕГОДНЯ 125

II. *ДОКУМЕНТЫ ИЗ РУССКОЙ ИСТОРИИ*

Н. Атсинис, ОТВЕТ ПАТРИАРХА ИОАННА КАЛИКАС МИТРОПОЛИТУ ВСЕЯ РУСИ, 1339 181
Н. Лупинин, ПИСЬМО ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА ПАТРИАРХУ НИКОНУ 184
В. Данилов, НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО ЛЕНИНА ЧЛЕНАМ ПОЛИТБЮРО, 1922 Г. 187

III. *СТАТЬИ О РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ И ОБЩИЕ СТАТЬИ*

Г. В. Вернадский, ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ НАУКИ В РОССИИ В 1725-1920 ГГ. 195
Г. К. Гинс, КОММУНИЗМ И СВЕРХКАПИТАЛИЗМ В ЗЕРКАЛЕ ПРАВА 234
Е. В. Спекторский, ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ XIX ВЕКА 253

Из жизни Русской Академической Группы в США. 261

THE CENTRAL INSPIRATION OF DOSTOEVSKY

*by Nicholas Arseniev**

I

There is a complexity in Dostoevsky that often baffles and even misleads the reader — this astounding blend of high-strung, often chaotic, hysterical and unruly emotionality breaking suddenly forth from the depths of the subconscious on the one hand, and on the other, the underlying, all-permeating lucid consciousness and purposefulness and the high mastery of his work. And this is not an external, purely artificial mingling of discordant, mutually exclusive elements — it is the vision, the awareness of a deeply rooted dynamic process, of an organic unity of life, full of conflicts and contradictions that serve to emphasize the underlying unity of this living stream. And there are moreover sudden glimpses — sometimes an overwhelming vision — of an Ultimate Reality, seen beyond and also through the painful struggles and contortions of life.

II

We know Dostoevsky's picture of life. Is it not rather distressing? — this misery, this abyss of moral depravity, these savage chaotic feelings, that break forth from the depths of the unconscious and suddenly take hold of man and bring him to the brink of the precipice; and the injustice and cruelty that loops from all corners of life, and then all this uniting in the great symphony of suffering? And add to this the inexorable march of Death taking hold of everything and sweeping everything away into nothingness. The truth of these facts cannot be disputed, but is this picture not too one-sided, is it not stressing too much the dark aspects of the

---

*NICHOLAS ARSENIEV, former Professor at the Universities of Moscow, Sarateff, Königsberg, and Warsaw, is *Professor Emeritus* of St. Vladimir's Seminary. He is the President of the Association of Russian-American Scholars.

world while there is so much enjoyable in life? The answer to this is: "Yes, if I were a flower or a cow. But how can I, a human being, enjoy anything in the face of inescapable Death?"[1] But let us make abstraction of our personal destiny, let us concentrate our thoughts on the "future harmony," the "future happiness of mankind," of which the political and social utopias are so fond to speak. "Well," says the author of the letter, "let me die — let only mankind remain forever: this would be anyhow a comfort to me. But all our planet is not eternal and the space of time granted to all mankind is only a short moment, just as in my own case. And let even mankind arrange its life on earth in the most reasonable, joyful, holy and just manner — what does this matter? Everything will turn to zero tomorrow."[2] This harsh accent of despair is present at the background of Dostoevsky's critical analysis of the world's situation and makes it incompatible with all cheap utopian answers of revolutionary-minded world reforms. What is required is a radical solution, out of the depth of the problem and of the reality of things (if there is any). This makes Dostoevsky's talent so "cruel" (as the known Russian critic, Michailovsky, of a revolutionary-utopian cast of mind, called it in his famous article consecrated to Dostoevsky one year after Dostoevsky's death). But is the "cruelty" of Dostoevsky really so cruel? Is it not honesty? Is it not the price which honesty pays to Truth, be it so uncomfortable to us or so contrary to our illusions? And what does "cruel" mean in this context? Cruel to whom? Here we come to a very crucial and central point in Dostoevsky's work and in his whole outlook. Yes, he wanted to be "cruel" — *out of compassion.* Cruel to us, the readers in order that we should be taken, overwhelmed by compassion — towards all those who suffer, or even towards all that lives, because we are all connected with one another in our common fate and common suffering, like waterdrops in the ocean.[3] He wanted us to share in our souls — consciously and with a burning feeling — the suffering of the unhappy, of those who are left alone, who are trampled down *(The Humiliated and the Outraged* is a characteristic title of one of his works), who are in prey of despondency, of despair or of the dark daemonic powers that ascend from the abyss of ours souls

---

[1]See the "Letter of a Suicide" in *The Diary of a Writer* (1876).

[2]See "Prigovor" ("The Verdict") in *The Diary of a Writer* (October, 1876).

[3]The ideal of a moral solidarity of invisible spiritual links between men is dear to Dostoevsky. All things are like an Ocean — so he makes Zossima in *The Brothers Karamazov* say: "All is fluctuating and is in mutual contact, you touch at one spot, and there is a repercussion at the other end of the world."

— the disorderly savage passion of hatred, of boundless lust, of pride and wild defiance that bring us to the brink of the precipice.[4] But in the first place his concern is for those who are unhappy, who look for pity, who cry for pity and do not receive it. We have to feel with them, to give them our compassion, to share their suffering (be it in the depths of our hearts). And this is the starting point of Dostoevsky's answer. And he calls this problem, and his attempt to answer it, the "most realistic subject of all."[5]

III

Dostoevsky had simply *no choice.* He had to do what he did. It was the inner compulsion of his genius; it was certainly also deeply rooted in his whole life, in his biography. He was profoundly shaken, yea — *struck* by his vision and his experience, by all the antecedents of his life. And he felt himself compelled to "dig", to dig further, to dig to the bottom. And then a massive, a weighty and well founded picture presented itself to his mind, imposed itself upon him in its (seeming) hopelessness. But Dostoevsky, faithful to this calling as a seeker of Truth, had no choice, he *had* to picture it, to present it to us. But not only in order to get rid of it by an act of "creative exteriorization" of his vision (a kind of aesthetic self-redemption?), not only because of that but *because he felt* also that this was his mission, his calling, his duty. He did not revel in "cruel" pictures simply for cruelty's sake and the reason for the gloominess of his vision is not the insufficient progressiveness of his political outlook (as has been sometimes hinted by his critics). On the contrary, he was deeply and actively interested in social justice and social reforms. But he dug deeper. He believed that the matter lay deeper. We have to give not only justice to our fellow-man, but also our compassion, which is *a part of ourselves* in *loving self-surrender,* in order to answer the challenge of the problem. And this was clearly seen by those who came into nearer moral contact with him during his lifetime, especially during the last decade of his life — the epoch of the highest final maturity of his genius and his outlook. So a young proof-reader, Miss Pochinkovsky, who worked in the printing office where Dostoevsky was publishing (in 1873) his *Diary of a Writer,* speaks with deep emotion in her

---

[4]See his famous article "Vlas" in *The Diary of a Writer* (1873).

[5]See *Letter 663* (May 19, 1879): "I do not know any subject more realistic than those"; «не знаю ничего реальнее именно вот этих тем».

very remarkable *Memoirs*[6] (published much later) of the conversations she had with Dostoevsky on problems of religious and moral purport. She was deeply impressed by his wonderful, inspired personality, burning with a moral enthusiasm under the cover of a certain external sulkiness and even curtness, and so regardful and kind at the same time. She refers with warm thankfulness to those deeply stirring conversations: "Who knows — it was he perhaps who tore away from all our usual conceptions of life and pierced our souls with a living pity and compassion for all that suffers, so that everything which is ailing, is down-trodden and humiliated became near and akin to us." This is also the meaning of those so weighty, so emphatic words in his *Idiot*: "Compassion is the chief — and perhaps the only — law of human existence". How strange, yea — how exaggerated this seems to sound! But the word "law" should probably be understood here in the sense of "norm" and there it expresses one of the most cherished and profound convictions of Dostoevsky. Compassion is the most precious and beautiful, the greatest, yea — the redeeming force of human existence. It points to a still higher background, to another plane of departure — to the irruption of another Reality. It is more than a purely moral statement concerning the highest value in human life — is it not already a *vision* of something that transacts it? — the vision of the Highest Reality underlying the world's existence and giving sense to it?

IV

We have already seen that there seems to be a kind of redeeming quality in compassion, even in our human compassion. And that is so, according to Dostoevsky, because there is the redeeming force of a boundless self-dedicating Compassion, of Divine Love that entered the world. This is not only Dostoevsky's central yearning, but also his central vision and central inspiration. He "cannot live". without God.[7] But at the same time Ivan Karamazov gives utterance to Dostoevsky's own perplexities and misgivings. Ivan cannot accept this world created by God with all its reigning injustice and suffering. "Not God does he deny," but the world created by him "he cannot accept." What Ivan Karamazov is here

---

[6]See V. A. Timofeeva, (O. Pochinkovskaya) "A Year's Work under a Great Writer," in *Istoriciskij Vestnik* (February, 1904), 488-542.

[7]See the February 1876 entry in *The Diary of a Writer*. "I am an incorrigible idealist. I am in quest of the Holy, my heart is athirst... I am so made that I cannot live without the Holy."

saying is, according to Dostoevsky, the highest expression of atheism that he ever met with.[8] It gives to a certain extent utterance to his own penetrating vision of the world's condition.

The answer — the only satisfactory answer according to Dostoevsky — is not a theoretical one; it is a subjugating fact, it is a Reality. It is the fact of the Divine Love that irrupted into our world and "poured itself out"[9] into the abyss of our suffering and death, and dereliction. *Crucified Love* — this is the answer, the key issue of the famous discussion "Pro and Contra" between the two brothers, and it marks the "summit" according to Dostoevsky himself[10] (along with the chapter "Cana of Galilee") of his whole work and his religious testimony.

But there comes also Ivan's answer to his brother's confession of faith — Ivan's prose poem "The Legend of the Great Inquisitor." How can we believe in Christ? The old inquisitor, the projection to a certain extent of Ivan's own personality, had sometime believed in Christ, but he gave up this faith as also his Faith in God. It was beautiful, but also so unpractical and so unacceptable to enlightened, sophisticated persons (inspired by the "Wise Spirit", the "Prince of the World"). But out of compassion for the immense majority of this miserable flock — those weaklings so timorous, so limited in their outlook, so violent and frivolous in their passions, so silly and so childishly dependent (oh, they deserve contempt much more than pity) — so out of pity for them one has to conceal the bitter Truth (of ultimate Nothingness) and continue to preach the Message. Let those miserable "cattle" believe at least in a Life Eternal, in a life to come. But *if* even there were a Life Eternal (in which the Inquisitor no longer believes), if there ever were such a Life, it would be not for those dependent, miserable "cattle." One should, according to the Inquisitor, continue to preach Christ to them as the great comfort and hope — out of pity mixed with contempt for them — without believing either in Christ or in Salvation. That is the tragedy of the Inquisitor. But this sophisticated, atheistic compassion is acceptable neither to Alyosha nor to Dostoevsky. For *Truth* alone possesses the power of Salvation.

And again and again the question arises — how can we believe? how can we attain Truth? Is there any external, logical, palpable proof of the Ultimate Truth? And what is the answer at the end

---

[8]See his known words in his *Notebook*.

[9]An expression from St. Paul (*Phil.* 2:7) and the hymns of the Orthodox Church.

[10]See his *Letters*.

of "The Legend of the Great Inquisitor," or in the dream of Versilov in *The Adolescent,* or in the famous "Cana of Galilee"? There seems to be no final, convincing, decisive answer save one — the *Encounter* with God. We have to meet Him.

The encounter with God as conquering Love is the center and root of Dostoevsky's faith and his ultimate inspiration and testimony. So it was in the Primitive Christian Message; it was the witness of the Presence among them. Especially rich in such episodes is the Gospel of Luke. There is, for example, the scene of the "miraculous fishing." "Depart from me, O Lord! I am a sinful man" — exclaims Peter, "for a fear came over him and all that were with him."[11] The centurion says to Jesus: "I am unworthy that Thou shouldst come under the roof of my house, but say one word and my boy will be healed."[12] And there are those striking stories of sudden inner reversals, of change, of renewal of mind. A woman of sinful life, led by a sudden, half-conscious impulse, wants to honor the great Prophet by anointing His feet. When she comes to the house of the rich Pharisee where Jesus is partaking of the meal, she suddenly loses her composure and starts crying so vehemently that she bewets His feet with her streaming tears, wipes them with her hair, and starts kissing His feet. All that came over her quite suddenly, probably in a quite unpremeditated way — and only then does she pour the precious balm over His feet.[13] And similarly the rapacious, wealth-loving publican Zacchaeus greets Him on the threshold of his house: "Behold, Lord, the half of my goods I give to the poor, and if I have defrauded anyone, I will restore it fourfold."[14] For he was a changed man.

In His Presence there was also communicated the sense of overwhelming grace, of greatness, of kindness, of Holiness and Compassion in humility. And then came the terrible crisis of the Passion and the Crucifixion and His disciples were frightened and fled, leaving him alone; only His Mother, her kinswomen, and the Beloved Disciple remained at the foot of the Cross. Then came the Resurrection. They did not believe at first. He appears to them and shows His hands and His feet and the wounds thereon, and the unbelieving Thomas exclaims: "My Lord and my God."[15] Personal contact, encounter. The whole preaching is summed up by

---

[11] *Luke* 5: 8-9.
[12] *Luke* 7: 6-7; *Matthew* 8:8.
[13] *Luke* 7: 36-50.
[14] *Luke* 19:8.
[15] *John* 20:28. Compare Jesus' dialogue with the man born blind and healed by Him in *John* 9: 35-38.

John in a decisive, "classical" way as testimony of the encounter: "That which we have heard, which we have seen with our eyes, which we have looked upon, and our hands have handled, of the Word of Life . . . We have seen it, and bear witness, and shew unto you that Eternal Life which was with the Father, and was manifested unto us."[16]

This is the core of their preaching, its center, its essence, its content. This is also the core and essence of the experience of Dostoevsky. He is struck by an overwhelming tenderness[17] and trembling admiration and grateful responsive love when he contempiates the Love that has poured itself out — to the end, until death — upon the Cross. He is "conquered" by it, as was Paul.[18]

V

Let us recall only a few short quotations which make evident to us the "Christocentric" character of Dostoevsky's religious experience[19] and — more than that — of his general outlook, of his philosophy of life (even his conception of a nation's religious destiny). Do not these passages suddenly flash up before our eyes and illuminate the whole bulk of his work with a new, all-revealing meaning. Such passages are to be found throughout his greatest masterpieces, but also in his essays, in his *Notebooks,* in his numerous drafts, and in many of his letters. The ultimate meaning of his great books, invisibly present behind the moving scene of action, makes in some passages a sudden inrush into the reality before our eyes — so it is in *The Possessed* or, with immense forcefulness, in *The Brothers Karamazov.*

---

[16] *1 John* 1:1-2.

[17] See his words — "with jealous love" ("s revnivoy luboviu") in his famous letter to Mrs. Fonvizina in 1854.

[18] See *Philippians* 3:12.

[19] I should like to mention a few books which can be of great help to the study of Dostoevsky's religious experience. See N. O. Lossky, *Dostoevsky and His Christian Outlook* (In Russian) (New York: Chekhov Publishing House, 1953) — this book, rich in information, deserves the highest praise. See also Eduard Thurneysen, *Dostoevsky,* trans. from the German by K. R. Crim (Richmond: John Knox Press, 1964); V. Ivanov, *Dostoevsky,* trans. by N. Cameron (New York: Noonday, 1957); N. Arseniev, *Dostojewskis Ringen um Gott* (Wernigerode, 1925); the chapter in *Russische Literatur der Neuzeit und der Gegenwart in ihren geistigen Zusammenhängen* (Mainz, 1929) and in *Zeitschrift für systematische Theologie* (1943) and in *Die geistigen Schicksale des russischen Volkes* (Graz: Verlag Styrid, 1966); see also in Russian, N. Arseniev, "Smysl tvorchestva Dostoevskago," in *Iz zhizni dukha* (Warsaw, 1935); see the chapter on Dostoevsky in *Iz russkoy kulturnoy i tvorcheskoy tradicii* (Frankfurt: Verlag Possev, 1959); and "Dukhovnye osnovy tvorchestva Dostoevskago," in *Vozrozhdenie* (January, 1970), 53-68.

There are at the beginning of this development (which starts with especial force after his release from prison) certain accents of doubt, of uncertainty, engulfed by a stream of burning but still half-conscious faith — or rather of a sense of being conquered, as Paul, by a moral Beauty and Greatness, and Perfection, and Courage, and Love which is greater than ours. And there are tones of a joyous and manly self-surrender mingled with accents of an immense tenderness, glowing admiration, and loving loyalty. If even "they" (the opponents of Christ) succeeded in proving that Christ was mistaken, that Christ is "outside of Truth," "well," says Dostoevsky, [19a] "I would prefer to remain with Christ than with Truth." I think this phrase could be paraphrased in the following way: "I would prefer to be with Christ (outside of *your* Truth) than with you and your Truth without Christ." This comes close to the words of Paul: "But we preach Christ crucified, a stumbling block to Jews and foolishness to Gentiles, but to those who are called... Christ the power of God and the wisdom of God."[20] Christ is *more* than your Truth; this is the note of joyous "defiance" which we meet also in some of the famous notes in his intimate *Notebooks*. The letter of the year 1854 begins still with a confession of religious doubts and struggles. But its conclusive sentence, in spite of the "agnostic" form, is a confession to Him who has conquered his heart and laid his hand upon him and given a new meaning to his life.[21] For — to emphasize this again and again — the faith of Dostoevsky is not a bookish one, not a theoretical solution of philosophical difficulties, not the fruit of dialectical exercises — it is absolutely fundamental for his entire being; he knows nothing more decisive for the being of man and the world. It is organically connected with his highest aspirations, hopes and emotions — it is the power of Love which takes hold of him and inspires him with new courage and new forces.

"There is in the world only *one* positively beautiful personality — Christ," so Dostoevsky writes to his niece, S. A. Ivanov, on January 1st. 1868. "The coming of this infinitely, boundlessly beautiful person is in itself certainly an infinite miracle; he sees the meaning of the whole Gospel of John concentrated in the Incarnation.[22] And in full accordance therewith are the famous words written by him a few years later in his draft for one of his great novels — *The Possessed*. "The whole thing consists in this question:

[19a] *Letter to Madame Fonvizina*, 1854).
[20] *1 Corinthians 1:* 23-24.
[21] See *Letter 663* to K. P. Pobedonostzev.
[22] See *Letter 294*.

can one be a civilized man; that is, a European, and believe — I mean believe unconditionally in the divinity of the Son of God, Jesus Christ — because the whole faith consists only in this." And a few words further: "The Source of life and of Salvation from despair and the condition for the existence of the whole world is contained in only these three words: The "Word became Flesh."[23]

This passage is now very well known and has been often quoted. But one cannot quote the whole subterranean, unobtrusive and hidden inspiration which permeates so much of his work, and which is only from time to time gleaming forth in words. But then sometimes it suddenly breaks through in an enraptured confession of faith of one of Dostoevsky's heroes. Such explicit passages abound in the famous chapters ("Pro and Contra," "The Russian Monk," and "Alyosha") in *The Brothers Karamazov.* It is characteristic that Dostoevsky emphasized many times to some friends and acquaintances the decisive purport of these passages for his entire life's work — for that mission which, according to his conviction, he was sent to fulfill. He feels that with all his weaknesses, his shortcomings and inadequacies he has a task assigned to him. He "trembles" at his responsibility and asks himself and others whether he has succeeded in this decisive, "culminating point" of all his work.[24]

Christ and the Russian people — this is a subject and a problem most closely and intimately connected with the center of Dostoevsky's religious and moral inspiration as well as his passionate love for his people. Again it is *compassion* and the immense feeling of compassionate love which makes here an irruption into his concern for the destiny of his people. Is the Russian people worthy to preach the message of Christ to the world? Dostoevsky's answer is full of hesitations, of doubts, even of contradictions. Sometimes, but more sporadically, there is a one-sided affirmation not only of the high mission of the Russian people to be the bearer of His message and to serve the Truth of Christ, but also of a religious quality of this people, somehow inherent. "For this people carries God in its heart," says Zossima. But on the other hand, along with the recognition of this high calling, there is also often an acute

---

[23]See the drafts to *The Possessed.*

[24]See *Letter 660* (May 10, 1879) to N. A. Lubimov, written while he was writing the decisive chapters of *The Brothers Karamazov.* He writes: "The blasphemies of my hero will be refuted in a most solemn way in the next section. I am working on it with trembling and deepest reverence." See also his letter (May 19, 1879) to K. P. Pobedonostzev. In another letter to N. A. Lubimov (June 11, 1879) he writes that the entire novel is being written for the sake of this ("Pro and Contra") central scene.

sense of the unworthiness of the Russian people, a deep and lucid insight into the abyss of sin, of moral degradation, of sloth and even of the cruel savagery which sometimes is hidden in the bottom of the peoples' soul along with features of admirable kindness and goodness. This insight into the baffling, terrifying polarity of the Russian soul[25] which often runs through the depth of its inner life and forms the "abysmal" character of its temptations — terrible, seducing, in its insurrection against God and God's moral laws. The catastrophic, "daemonic" (*The Possessed*!) character of this infatuation has been felt more than Dostoevsky had foreseen and predicted. But there is also the regeneration, the possibility, the hope, the certainty of its moral regeneration and salvation — undeserved, a gift of the compassion and mercy coming from on high. "A great Thought and a great Will will come over it from on high (as it was with the raving daemoniac) and all those daemons will be cast out. But the sick man will be healed and sit at the feet of Jesus."[26]

The answers to different problems oppressing Dostoevsky — the destiny of man, of society, nation, people, world, and of the entire creation — these answers coincide for him. They are given for him in the reality of boundless Compassion as the ultimate, decisive word and the sense of all existence, triumphing over Death and Evil.

Similar problems and questions continue to oppress us now in these our times as well. Dostoevsky is, strange to say, perhaps more "up to date," more "contemporary" to us than it is usually admitted.

---

[25]On the contradictions in the soul of the Russian people, see "Vlas" in *The Diary of a Writer* (1873).

[26]See *The Possessed*, III, 7, 2.

Н. С. Арсеньев

«ЦЕНТРАЛЬНАЯ ТЕМА ТВОРЧЕСТВА ДОСТОЕВСКОГО»

Докладчик говорил о невероятной напряженности, насыщенности, конденсации картины страдания, зла, разложения и падения духовного, и одержимости — картины всего ужаса мира в творчестве Достоевского. Эта — м.б. на первый взгляд преувеличенная и однобокая-картина мира ставит основную проблему страдания и зла во всей ее заостренности, глубине и силе. Все социальные реформы — многим из них Достоевский глубоко сочувствует — являются недостаточным ответом. Ответ соответствующий радикальности проблемы — может быть дан только из *самых глубин бытия* (если таковые есть) — *из бытия Божия*. Это есть центр всего, в этом центральная проблема и центральная вера Достоевского. Но как совместить ее с несправедливостью, повидимому, и с безсмысленностью страдания, жестокости, насилия, царящих в мире? ("Pro" и "Contra"). Ответ Достоевский видит только в *реальности страдающего Бога,* в реальности божественной, себя отдающей Любви, вошедшей в мир и сошедшей в самые глубины страдания нашего и добровольно излившейся — даже до смерти — и заполнившей Собой, своим Присутствием, своим отданием Себе пропасть оставленности нашей. Как это доказать? — Нет другого доказательства, как только во *встрече с Ним* в глубинах нашего бытия, в реальной мистической встрече с Ним, потрясающей и покоряющей и истеляющей душу. Таков опыт самого Достоевского, и он многократно *свидетельствует* о нем.

DOSTOEVSKY AND PSYCHOANALYSIS

*by Magda Campbell, M.D.**
New York University

Dostoevsky's most complex personality, life full of events and the numerous heroes in his novels, each of whom alone is a psychological study in depth, per se, always fascinated psychiatrists, psychoanalysts, and psychologists.

Ever since Freud's study on Dostoevsky which appeared in 1928, analytic papers have been written about this great writer himself, his work, his characters and even of the dreams described in his novels. I will limit my topic mainly to Freud's paper, for two reasons. First, it was one of the earliest and remains one of the most important. Second, it is most interesting how one intellectual giant wrote about another one. When Freud thinks as a psychologist, he gives a brilliant picture of Dostoevsky's personality and explains some of the relationships existing between his life and the figures in his novels. When he writes as a moralist about Dostoevsky, he fails entirely. He fails, because of his lack of understanding of the struggling, suffering man, the Christian, the great Russian, who in his anguish was striving for ideals and searching for the meaning of life for himself, for Russia, for mankind.

Dostoevsky was born 150 years ago; psychoanalysis began with Freud some 70 years later.

Psychoanalysis started as a method of investigating mental processes. Psychoanalytic theory, which arose from psychoanalysis, is concerned with both normal and abnormal mental development and functioning in man. Today, it has become part of human psychology. Psychoanalysis has been called depth-psychology, because of its concern with the unconscious mental processes, which significantly influence and even determine man's thoughts, actions, and behavior in general. Before Freud, psychical almost always meant conscious;

---

*MAGDA CAMPBELL is Assistant Professor of Psychiatry, New York University School of Medicine.

Freud found, that unconscious, rather than conscious mental processes dominate both the so-called normal and abnormal psychic life. This is one of the major principles of psychoanalysis, the other being psychic determinism. This latter means, that each psychic event is determined by the psychic events which preceded it. Thus, nothing happens by chance: our thoughts, actions and even dreams can be explained by our past.

There is ample evidence of these two principles of psychoanalysis in Dostoevsky's life and in his writings, including his notebooks. Dostoevsky himself must have had some awareness of this. He writes "I don't know why you consider the possession of reason, i. e. of consciousness, the highest of the possible forms..."[1]

Freud's first analytic paper came years after Dostoevsky's death. The study on Dostoevsky appeared in 1928, almost 50 years after Dostoevsky died, 11 years before Freud's own death. Thus, it appeared at a time when Freud fully developed his psychoanalytic theories and when Dostoevsky was long known and recognized not only as a great writer but also as one of the great psychologists of all time. The study was entitled "Dostoevsky and Parricide." It was to be a preface to *Die Urgestalt der Brueder Karamasoff,* which was one of the supplementary volumes to the complete German edition of Dostoevsky's works.

Freud begins this paper as follows: "Four facets may be distinguished in the rich personality of Dostoevsky: the creative artist, the neurotic, the moralist and the sinner. How is one to find one's way in this bewildering complexity?... Before the problem of the creative artist analysis must, alas, lay down its arms."[2]

Freud questions Dostoevsky as a moralist and as a man of morals: "After the most violent struggles to reconcile the instinctual demands of the individual with the claims of the community, he landed in the retrograde position of submission both to temporal and spiritual authority, of veneration both for the Tsar and for the God of the Christians, and of a narrow Russian nationalism — a position which lesser minds reached with smaller effort. This is the weak point in that great personality.... The future of human civilization will have little to thank him for.".

Freud further discusses the basis of Dostoevsky's masochism and sense of guilt and classifies him as an "instinctual character."

---

[1]Fyodor Dostoevsky, *The Notebooks for the Possessed,* edited by Edward Wasiolek (trans. by Victor Terras) (Chicago: University of Chicago Press, 1968).

[2]Sigmund Freud, "Dostoevsky and Parricide," (1928) in *Collected Papers,* Vol. V (New York: Basic Books, 1961), pp. 222-242.

He also questions the epileptic nature of Dostoevsky's seizures and discusses at length the differential diagnosis between hystero-epilepsy or affective epilepsy and the so-called organic or true epilepsy. He concludes, that it is "extremely probable" that Dostoevsky's seizures were hysterical, and that it was in this form that his neurosis expressed itself. He explains the meaning of the death-like seizures, of which Dostoevsky suffered since childhood, as a "self-punishment for a death-wish against a hated father."

According to Freud, the sense of guilt stems from the nature of the relationship of the boy to his father. In this study, he refers to his own work, *Totem and Taboo,*[3] and says, parricide, that is the murder of the father by the sons in sexual rivalry over the females, "is the principal and primal crime of humanity as well as of the individual. It is in any case the main source of the sense of guilt..." Here Freud gives an account of the Oedipus complex, which is, in his own words, one of the corner-stones of psychoanalysis. The Oedipus complex is the ambivalent relation of a boy to his father: he loves his father and at the same time he hates him, because he sees him as a rival and tries to get rid of him. The jealousy and hatred of the father result in fear of retaliation, of punishment for these feelings and wishes, by castration. Out of this fear, the boy represses his wish for the mother. However, this wish remains in the unconscious and it forms the basis of the sense of guilt. This is, to quote Freud, "the normal fate of the so-called Oedipus complex." Freud adds, "it must be of importance as an accidental factor whether the father who is feared in any case, is also especially violent in reality. This is true in Dostoevsky's case..." Then, Freud refers to the fact that Dostoevsky's father was murdered by his serfs when Dostoevsky was 18 years of age: "Now, it is a dangerous thing if reality fulfills such repressed (death) wishes." Freud feels that the attacks Dostoevsky experienced since childhood, only after his father's death "assumed an epileptic character; they still undoubtedly signified an identification with his father as a punishment, but they had become terrible, like his father's frightful death itself."

The individual's relation towards authority is also based on the father relation. Freud elaborates on how the guilt feeling toward his own father determined Dostoevsky's attitude toward the secular authorities and God.

In considering Dostoevsky's last and chief novel Freud points out that three of the masterpieces of literature of all time — the

---

[3]Sigmund Freud, *Totem and Taboo,* trans. by James Strachey (New York: W. W. Norton and Co., 1950).

Oedipus Rex of Sophocles, Shakespeare's *Hamlet* and Dostoevsky's *The Brothers Karamazov* — deal with the same subject, parricide. Here follows a beautiful, brief discussion on these three works of art and of their heroes, all of whom wonderfully fit Freud's theories.

Freud ends his study with Dostoevsky's passion for gambling, tracing back the roots of this symptom into early childhood, and explaining what gambling meant to Dostoevsky: "... another method of self-punishment."

I have endeavoured to give the essence of Freud's study. The fact that Freud dealt with some aspects of Dostoevsky brilliantly and with some others arbitrarily, was recognized by Theodore Reik[4] and more recently by others.[5] Actually, in a letter to Reik in April, 1929, Freud accepted some of Reik's criticisms.[6]

Where then may one question Freud's view of Dostoevsky?

First, there is Freud's treatment of Dostoevsky as a creative artist. Although he acknowledges Dostoevsky as such and calls *The Brothers Karamazov* one of the three masterpieces of literature of all time, Freud still says: "The creative artist is the least doubtful: Dostoevsky's place is not far behind Shakespeare." He treats this aspect of Dostoevsky only in two brief paragraphs in a rather lengthy article.

Secondly, alongside the brilliant psychodynamic formulation of Dostoevsky's personality, Freud, rather arbitrarily, calls Dostoevsky's seizures hysterical, when in fact Dostoevsky's seizures were diagnosed as epileptic.

Thirdly, Freud says that Dostoevsky's reaction to his father's death was the turning point of his neurosis. One questions, if this may be absolutely so. Why couldn't the turning point be his imprisonment and exile? It seems, that 8 or 9 such years would make a tremendous impact on anyone's life and personality. Although inner reality may be essential, outer reality cannot be entirely ignored.

---

[4]Theodor Reik, "The Study on Dostoevsky," *Thirty Years with Freud,* trans. by Richard Winston (New York: International Universities Press, 1949), pp. 158-176.

[5]See G. M. Davidson, "Dostoevsky and the Perennial Drama of Man," *Psychiatric Quarterly Supplement,* XXXVII (1963), 88-105; Fritz Schmidl, "Freud and Dostoevsky," *Journal of the Amercian Psychoanalytic Association,* XIII (1965), 518-532.

[6]Reik, *op. cit.*

Fourthly, Freud states, that Dostoevsky has chosen criminals, "violent, murderous and egoistic characters" for his novels because of "the existence of similar tendencies in his own soul." Isn't it possible, that again, Dostoevsky's imprisonment and exposure to criminal individuals, murderers, political prisoners, had at least something to do with the choice of the material in his writings — after the exile — since we know that the subject of his stories and the tone was quite different before, than after Siberia. Although it is accepted by many psychologists today that man's fate is determined greatly by his innate drives, parents, and the first 4-5 years of life experiences, one still cannot ignore the events which take place in the next decades of life, although to some degree, many later happenings are predetermined by the first few years.

Freud wrote: "... the mental mechanisms which produce the symptoms of illness are equally present in normal mental life, that the same uniform law embraces both the findings of research into neurotics or psychotics cannot be without significance for our understanding of the healthly mind,"[7] and "... even the highest achievements of the human spirit must bear a demonstrable relation to the facts found in pathology..."[8] However, in his letter to Theodor Reik, Freud says of Dostoevsky: "I might also have charged against him (Dostoevsky) that his insight was so entirely restricted to the workings of the abnormal psyche."[9] Dostoevsky's answer to this could have been from his *Notebooks*: "Tolstoy, Goncharov, thought they were describing the life of the majority; in my opinion, what they were describing were the lives of some exceptions... while mine (the underground type) is the life of the general rule. Future generations will find that out, as they will be more objective, and the truth will be on my side... I have been the only one to bring out the tragedy of the underground, which consists of suffering, self-laceration, and awareness of a better (life) coupled with the impossibility of attaining it..."[10]

Fifthly, Freud says that Dostoevsky was submissive to secular authorities. It seems as if he was forgetting that Dostoevsky, in 1846, at the age of 25, after he was recognized as a writer, joined a group of revolutionaries and radicals, and as a result of

---

[7]Sigmund Freud, "Two Encyclopaedia Articles (1922) (A) Psycho-Analysis," *Collected Papers*, Vol. V (New York: Basic Books, 1961), pp. 107-130.

[8]Sigmund Freud, "Four Prefaces (C) Psychoanalysis and Religious Origins (1919)," *Collected Papers*, Vol. V (New York: Basic Books, 1961), pp. 92-97.

[9]Reik, *op. cit.*

[10]Fyodor Dostoevsky, *The Notebooks for A Raw Youth*, edited by Edward Wasiolek (trans. by Victor Terras) (Chicago: University of Chicago Press, 1969).

his activities in this group, he was arrested in April of 1849. He was charged with activities against church and state and condemned to death in December of the same year. He spent 4 years of his life in Siberian penal servitude and another 4 years in enforced military service. It was not until 1859 that he was recalled from exile by Tsar Alexander II. Dostoevsky, of course, was never a true revolutionary. He was more of an utopian. However, as he grew older, he became more accepting of authority. Actually, in his later life and novels, he was increasingly more tolerant and willing to listen to the new ideas in Russia.

Sixthly, Freud says: "The moralist in Dostoevsky is the most readily assailable.... A man who alternately sins and then in his remorse erects high moral standards lays himself open to the reproach that he has made things too easy for himself. He has not achieved the essence of morality, renunciation." Theodor Reik, in his critical review of Freud's study on Dostoevsky, wrote: "... while once upon a time renunciation was the sole criterion of morality, it is now but one of many. If it were the sole criterion, then the upright middle-class philistine, to whose shabby imagination submission is natural, and to whose blunt senses renunciation is easy, would be morally far greater than Dostoevsky... we must perceive that morality resides in the struggle with the instinctual forces... In the light of human frailty, Freud's moral program would seem superhuman to Dostoevsky."[11] Freud adds: "He (Dostoevsky) reminds one of the barbarians of the great migrations... Ivan the Terrible behaved in exactly this way; indeed, this compromise with morality is a characteristic Russian trait."

I do not know of any nation or people whose characteristic trait is absolute morality without compromise — or even of such an individual — saints are no exceptions! Freud, as a psychologist, saw Dostoevsky as an individual and explained the inner relation between Dostoevsky's life and that of his characters; the struggle between elemental, instinctual forces or drives and the conscience — as eternal dialectics. However, Freud failed to see that Dostoevsky was not only an individual, but also part of a vast nation, which also had a very specific, unique history, culture and even geographic location — called Russia. And it is only if we take all these factors into consideration, that we can understand Dostoevsky. Reik said of him: "We children of another age, which appears as a progressed one to simpler spirits, are no longer capable of fully understanding

[11]Reik, *op. cit.*

the psychology of the Russian people of this period. No one who has not grown up in this cultural milieu and has not early undergone the profound influence of Christianity can project himself into the feelings of these people."[12] As Berdyaev writes: "The inconsistency of the Russian spirit is due to the complexity of Russian history, to the conflict of the Eastern and Western elements in her. The soul of the Russian people was moulded by the Orthodox Church... But in the Russian soul there remained a strong natural element, linked with the immensity of Russia itself, with the Russian plain. Among Russians Nature is an elemental power... The nature-pagan element entered even into Russian Christianity. In the typical Russian two elements are always in opposition — the primitive natural paganism of boundless Russia, and an Orthodox ascetism received from Byzantium, a reaching out towards the other world..."[13]

Finally, while reading Freud's study on Dostoevsky, one wonders if there was any feeling of rivalry on Freud's part. Theodor Reik wrote: "Should he (Freud) not have given recognition to another aspect (of Dostoevsky), that of the great psychologist... Ours is a time when every mediocre psycho-therapeutic practitionner thinks the psyche is an open book to him — and every lowly assistant at a neurologic clinic who has read Freud with happy carelessness and thorough misunderstanding believes he knows the human mind up and down. In such a time as this, we feel, it would be fitting that one of the greatest psychologists should salute the poet who was one of his great precursors..."[14] In his reply to Reik, Freud wrote: "You are also quite right in your assumption that I do not really like Dostoevsky, despite all my admiration for his power and nobility. That comes from the fact that my patience with pathological natures is completely exhausted in my daily work. In art and life I am intolerant toward them."[15]

Perhaps, then, Freud was indeed somewhat envious of Dostoevsky. In this connection we may see a parallel in Tolstoy's opinion of Shakespeare. For Tolstoy tells himself that he read and re-read repeatedly Shakespeare's works in several languages in an effort

---

[12]*Ibid.*

[13]Nicolas Berdyaev, *The Origins of Russian Communism,* trans. by R. M. French, Ann Arbor Paperbacks (Michigan: University of Michigan Press, 1960), p. 8.

[14]Reik, *op. cit.*

[15]*Ibid.*

to understand him, but he found they were "insignificant and immoral."[16]

However, Dostoevsky and his novels were and remain a treasure chest for psychoanalytic studies. Freud himself wrote in 1919, referring to Rank's work on incest complex: "Otto Rank... has produced evidence of the surprising fact that the choice of subject-matter, especially for dramatic works, is principally determined by the ambit of what psychoanalysis has termed the Oedipus Complex. By working it over with the greatest variety of modifications, distortions and disguises, the dramatist seeks to deal with his own most personal relations to this emotional theme."[17] There is only a subtle suggestion of this in Dostoevsky's stories written before his arrest. However, in the novels written after his exile, this becomes more and more evident. It is more covert in *Crime and Punishment,* less so in *A Raw Youth,* and by the time Dostoevsky got to *The Brothers Karamazov,* we see something reminiscent of Freud's *Totem and Taboo.* In this last novel of Dostoevsky, all four sons, in some way take part in their father's death, and the rivalry over the same woman is very explicit too. *The Gambler* is a superb study of this psycho-pathology. *Crime and Punishment* remains the deepest analysis of guilt and confession. In his letter to Katkov in September 1865, Dostoevsky wrote: "This is a psychological account of a crime... Despite the fact that crimes of this kind are done with great difficulty, that is, the criminals (almost always) leave clues that are crudely apparent, traces, etc. (and they leave a great deal to chance, which almost always trips them up)... (legal) punishment for a crime frightens a criminal much less than we think (the lawmakers in part) because the criminal himself (morally) demands it."[18] In this novel we find a perfect example of obsessive confession, the mechanism of which was described some 60 years later by Theodor Reik.[19] Freud regards deep-seated wishes, which are unacceptable during the waking life, as motive forces for the formation of dreams: this is one of the corner-stones of his teaching. Dreams are numerous in Dostoevsky's writings. He must have had a deep

---

[16]Leo Tolstoy, "Shakespeare and the Drama," (1906), trans. by Aylmer Maude, *The Works of Leo Tolstoy,* Centenary Edition, Vol. 21 (Oxford: Oxford University Press, 1937), pp. 307-383.

[17]Sigmund Freud, "Four Prefaces (C) Psychoanalysis and Religious Origins (1919)," *Collected Papers,* Vol. V (New York: Basic Books, 1961), pp. 92-97.

[18]Fyodor Dostoevsky, *The Notebooks for Crime and Punishment,* edited and translated by Edward Wasiolek (Chicago: University of Chicago Press, 1967).

[19]Theodor Reik, *Geständniszwang und Strafbedürfniss* (Leipzig: Internat. Psychoanalyt. Verlag, 1925).

understanding of this phenomenon, for the young Dolgoruky of *A Raw Youth* says, horrified: "Accursed dream! I swear that until that loathsome dream nothing like that shameful idea had ever been in my mind. There had never been even an unconscious dream of the sort (though I had kept the "letter" sewn up in my pocket, and I sometimes gripped my jacket with a strange smile). How was it all this came to me so complete? It was because I had the soul of a spider! It shows that all this had long ago been hatching in my corrupt heart, and lay latent in my desires, but my mind dared not consciously picture anything of the sort. But in sleep the soul presented and laid bare all that was hidden in the heart, with the utmost accuracy, in a complete picture..."[20] Actually, this whole novel is, among other things, a perfect illustration of what is happening today between the older and younger generation, at all levels in our society.

These are only a few of the many psychological phenomena and insights found in Dostoevsky's writings. One can see how such works invited study by Freud and other psychoanalysts. However, some, as Freud, failed to understand Dostoevsky as a man with a unique background, and therefore the ideas and ideals, including the religious ones, and the dialectics, he expressed through his heroes.

Maybe this was due to the fact that both Freud and psychoanalysis are products of the 19th century, the century of individualism and Helmholtzian materialism. Those were the times when it was thought that science and technology will change the world — for the better. Freud believed in this function of the scientific Weltanschauung.

Today, we see the failures and results of a life being dominated by materialism, science and technology. In those parts of the world where man no longer has to struggle for his daily bread, where, as Dostoevsky predicted a century ago, technology does "turn stones into bread,"[21] there is a great deal of dissatisfaction and despondency in the young people. This youth is, more than ever, searching for ideals, for light. Dostoevsky knew this would happen: ".... without science, without bread, life is possible — only without beauty it is impossible,"[22] he wrote. Science and the

---

[20]Fyodor Dostoevsky, *A Raw Youth,* trans. by Constance Garnett (London: William Heinemann, 1916).

[21]*Ibid.*

[22]Fyodor Dostoevsky, *The Possessed,* trans. by Constance Garnett (London: William Heinemann, 1913).

technology of today, do not give us beauty, ideals. Psychoanalysis, a scientific discipline, does not give these, either.

Maybe more powerful and more timeless than science, is creative art. Creative art illuminates reality. Dostoevsky, the struggling, suffering man, the creative artist, the dreamer, the visionary, left us with a great light. His books illuminate civilization and give us hope.

Perhaps we can say then of Dostoevsky, as one great Englishman said of another: "He was not of an age, but for all time!"[23]

[23]Ben Jonson, *To the Memory of My Beloved, the Author Mr. William Shakespeare: and What He Hath Left Us.*

*Резюме доклада проф. психиатрии М. Кэмбелл на тему:**

ДОСТОЕВСКИЙ И ПСИХОАНАЛИЗ.

Достоевский не только выдающийся художник, но и тонкий психолог. Созданные им типы более убедительны, чем люди в жизни. Жизнь — это отношение человека к окружающей его среде. Говоря о Достоевском, как психологе, нельзя не сказать несколько слов и об основателе психоанализа Фрейде. Последний написал свою работу о Достоевском в 1928 г., т.е. почти 50 лет после его смерти. Он разобрал Достоевского, как художника, неврастеника, моралиста и грешника. Его выводы могут показаться убедительными, но фактически Фрейд многого в Достоевском не понимал вследствие того, что не знал и не ощущал настоящие условия жизни русского человека из-за: 1, непонимания христианства, 2, незнания и непонимания русского народа и его истории, 3, вследствие отсутствия понимания православия, как его понимал и чувствовал Достоевский, 4, он дал неправильное объяснение его эпилепсии и азартности, 5, взявши несколько примеров из Братьев Карамазовых, он объяснил и поведение остальных персонажей тяжелыми условиями детства Достоевского.

Несмотря на это, даже Фрейд признавал, что художественный и изобразительный талант Достоевского такой силы, что выведенные им лица не укладываются в рамки простого психоанализа.

---

*Резюме составил для отчета о симпозиуме К. Г. Белоусов.

DOSTOEVSKY'S POOR FOLK RECONSIDERED

*by John Dunlop**
Oberlin College

On a May night in 1845 Fyodor Dostoevsky went to see a fellow Petersburg student who was, like himself, an enthusiast of literature. Together the two spent virtually the entire night reading and discussing Gogol's *Dead Souls*. When Dostoevsky returned home, it was four o'clock and "as light as day." As he looked out his window into the warm night, suddenly to his "intense astonishment" the bell rang, and in rushed Grigorovich and Nekrasov "in an absolute ecstasy." Earlier on the same day Dostoevsky had given the manuscript of his epistolary novel *Poor Folk* to Grigorovich who had agreed to look it over with Nekrasov. "We can tell from ten pages," the two critics had said to each other as they fingered the unknown writer's manuscript. Instead of ten pages they found themselves reading the work through in a fit of excitement. Then, having finished it in the small hours of the morning, they set off to congratulate the newly-discovered talent, exclaiming, "What does it matter if he is asleep? We'll wake him up. This is more important than sleep!"

The next day Nekrasov passed the manuscript on to Belinsky, the dean of contemporary critics. By evening Belinsky too was in "an absolute fever of excitement." "Bring him here," he shouted. "Bring him here as soon as possible!" When Dostoevsky had been produced, Belinsky solemnly pronounced him an artist and declared, "To you as an artist the truth is known and open, it has come to you as a gift; cherish your gift, then, and remain true to it, and you will be a great writer!" This moment, Dostoevsky later claimed, was the most wonderful in his life. "In prison, remembering it, I felt my spirit grow stronger. Even now I still remember it with delight."[1]

---

*JOHN DUNLOP is an Instructor of Russian Literature at Oberlin College.

[1]Cited from Jessie Coulson's *Dostoevsky: A Self-Portrait* (London: Oxford University Press, 1962).

This account from Dostoevsky's January, 1877 issue of *A Diary of a Writer* recreates, with perhaps some forgiveable hyperbole and embellishment, the reception of his first novel by the Petersburg cultural elite of the day. In the light of what Dostoevsky was eventually to produce, Nekrasov's and Belinsky's raptures may seem excessive. It is our opinion, however, that the two critics were not so very wide of the mark. A work of very high literary quality had in fact been produced. The purpose of this brief study shall be to justify this last remark.

Firstly, one should observe something quite obvious: *Poor Folk* represents a trenchant investigation of the role of the city in forming and deforming human personalities. The sullen, brooding presence of the city on the northern swamps pervades the whole novel much as it does Dostoevsky's later masterpiece *Crime and Punishment.*

Life in the city is contrasted to that in the rural countryside. The heroine of *Poor Folk,* Varvara, has come to the city from the country where she spent her "golden childhood." "When we left the country," she remembers in a letter to the novel's major protagonist, Makar Alekseevich, "it was a clear, warm, brilliant day; the work of the fields was over; huge stacks of wheat were piled up on the threshing-floors and flocks of birds were calling about the fields; everything was so bright and gay...."[2] Together with her family Varvara passes from a world dominated by nature and the natural rhythm of life to the man-made world of Petersburg and an artificial rhythm of life. "As we came into the town we found rain, damp autumn chilliness, muggy greyness, sleet and a crowd of new, unknown faces, unvelcoming, ill-humored, angry.... We had scarcely a relation or intimate acquaintance.... People came to us on business pretty often. Usually they quarrelled, shouted and made an uproar."

Even the damp and chill of Petersburg, for which one might think to indict the elements, are actually the result of man's activity. For St. Petersburg is the "fantastic city" which Peter the Great chose to build on the swamps.

Varvara's father, basically a good man, is first reduced to a carping, irritable tyrant and then extinguished by the city; hounded by creditors he dies swiftly and unexpectedly. Soon Varvara's mother suffers a similar fate.

Makar has a similar experience of the city. Going out, for

---

[2]All quotations, with a few minor changes, are from the translation of *Poor Folk* by Constance Garnett in Fyodor Dostoevsky, *The Gambler and Other Stories* (New York: Macmillan, 1923), pp. 132-244.

example, early one morning to borrow some cash from a moneylender, he encounters the normal Petersburg formula of rain and sleet. Wrapping himself more tightly in his overcoat, he plunges on past "anxious and preoccupied" pedestrians indifferent to his existence. "A gang of workmen, grinning all over" shove him as they pass. When an "unfeeling" policeman, "filtering his words through his teeth," informs Makar that he has arrived at the moneylender's, the poor copyist is set upon by a mangy dog barking madly. Eluding the dog, Makar reaches the house "more dead than alive" only to stumble into a woman straining milk. After bearing a fusillade of curses, he finally penetrates to the moneylender's. The latter, a "grayheaded man with thievish eyes, in a dressing-gown with a cord around his waist," listens to Makar's request and firmly refuses.

Sullen faces, curses, angry barking dogs — these are the staple components of Dostoevsky's city.

Closely linked to the theme of the city is that of poverty. For the author of *Poor Folk* the poor man lives in a world totally different from that of his rich or well-off counterpart. The front stairs of Makar's rooming house pass muster, but the back staircase "winds like a screw" and is damp and dirty. Steps are broken and the walls are so greasy one's hand sticks to them. Not only does Makar's domicile offend the eyes and sense of touch, it also assails the nostrils. Attempting to describe the all-pervasive odor, Makar observes, "At first it makes an unfavorable impression, but that is of no consequence; one has only to be a couple of minutes among us and it passes off and you don't notice how it passes off, for you begin to smell yourself, your clothes smell, your hands smell and everything smells..." Finches, however, cannot survive in the air — "The naval man is just buying his fifth — they can't live in our air...."

Makar's room is actually only a partitioned section of the kitchen. "Our kitchen," he exudes, "is big, roomy and light. In the mornings, it is true, it is rather stifling when they are cooking fish or meat and splashing and slopping water everywhere, but *in the evening it is paradise.*"

Poverty afflicts its victims with horrors of sight, smell, touch and sound. It also almost inevitably turns one's fellow men against oneself. When Makar, for example, begins to disintegrate and fails to keep up his appearance, the various lackies and servants who had previously treated him with obsequious respect turn against him. Snegirev, the porter at his place of employment, refuses him a brush to take the mud off his clothes. Faldoni, his landlady's servant, declines to go on errands for him.

Far poorer than Makar is Gorshkov, a totally indigent lodger with a wife and children. Gorshkov is described as a "pitiful, decrepit" individual whose knees, hands and head constantly shake. He is "timid, afraid of every one and sidles along edgewise." Poverty has instilled an eerie stillness into the Gorshkov household. "It is always still and quiet in their room," Makar reports, "as if no one were living there. There is no sound even of the children. And it never happens that the children frolic and play...." Gorshkov has been so wounded by poverty that he can barely bring himself to accept a glass of tea from Makar: "I offered him some tea. He refused from politeness, refused for a long time, but at last he took a glass. He would have drunk it without sugar and began apologizing again when I tried to persuade him that he must have sugar; he argued for a long time, kept refusing, but at last put the very smallest lump of sugar in his glass, and began declaring that his tea was extremely sweet."

Pokrovsky Sr., the father of Varvara's deceased true love, Peter Pokrovsky, has been reduced to a similar timidity by poverty. His periodic visits to his son are a form of torture, mixed with parental joy. "When I had sufficiently cheered and reassured him," Varvara recalls, "the old man at last ventured to come in, and very, very quietly, very, very cautiously opened the door, first poked in his head, and if his son nodded to him and the old man saw he was not angry, he moved stealthily into the room, took off his overcoat and his hat, which was always crushed, full of holes and with a broken rim, hung them on a hook, did everything quietly, noiselessly; then cautiously sat down on a chair, never taking his eyes off his son, watching every movement...." Poverty and lack of human dignity have reduced Pokrovsky Sr. to a state of permanent cringing. He brings to mind the image of an oft-whipped dog.

To show the extent to which the opinion of others about us (and even our own self-opinion) is determined by the degree of our material well-being, Dostoevsky arranges a miniature resurrection of Makar, Gorshkov and Pokrovsky Sr. At Makar's office his olympian superior, His Excellency, unexpectedly makes him a gift of a hundred rubles. Makar is instantly metamorphosed and all immediately see him in a new light. "My whole fate has changed and everything has changed for the better," he writes Varvara. "The landlady has become more amenable... even Faldoni has become prompter." Makar even chooses to project his euphoria into the Petersburg gloom, "It is nice to be alive, Varinka! Especially in Petersburg."

When Gorshkov wins his court case and suddenly finds himself

a man of means, he too is transfigured. "We all flocked to congratulate him," Makar reports, "He was greatly touched by our action, he bowed in all directions, shook hands with all of us several times. It even seemed to me as though he were taller and more erect. . . ." Pokrovsky Sr. is also temporarily resurrected when he manages to obtain sufficient funds to buy his son a birthday present. Varvara recalls, "On the festive day he appeared exactly at eleven o'clock, coming straight from liturgy in a decently mended swallow-tail coat and actually wearing a new waistcoat and new boots...." Thus, in his first novel Dostoevsky probes the question of human poverty, showing the extent to which the opinion of others and, tragically, our own opinion of ourselves depends on the state of our external well-being.

In its treatment of the theme of poverty *Poor Folk* also contains an acid denunciation of the rich and well-off who ignore the plight of the poor. On Gorokhovoy Street Makar watches the rich glide by in "gorgeous" carriages whose windows "shine like mirrors" and which are adorned with "silk and velvet" and boast footmen "wearing epaulettes." Inside the carriages he glimpses ladies — "perhaps countesses and princesses" — who are marvellously dressed. "It would be interesting," he ruminates, "to get a closer view of princesses and ladies of rank in general; it must be very nice; I have never seen them; except just as today, a passing glance at their carriages."

He sees a little boy begging. People rudely pass him by; they have "no time" for him. "Go away, go along!" they shout. To the beggar's plea for assistance "for Christ's sake" the indifferent rich respond by sweping by and mumbling "God will provide." "Rich people," Makar philosophizes, "don't like the poor to complain aloud of their harsh lot, they say they always disturb them, they are troublesome. Yes indeed poverty is always troublesome; maybe their hungry groans hinder the rich from sleeping!"

Yet despite his unsparing criticism of the indifferent rich, Dostoevsky's analysis always treats *individuals,* never classes. He consciously avoids stereotyping characters (partially, perhaps, as a result of his well-known literary revolt against Gogol's "marionettes"). All indications, for example, would lead us to expect that Makar's superior, His Excellency, is a coarse tyrant indifferent to humanity. However, when Makar literally lies grovelling at his feet looking for a button which has just torn loose from his coat, His Excellency does not, as we would expect, administer the *coup de grâce* but rather makes Makar an extraordinarily generous gift. "Yes, Varinka," Makar reports ecstatically, "I'm not the only one he has treated so graciously. I am not the only one

he has befriended, and he is known to all the world for the goodness of his heart. His praises are sung in many quarters, and tears of gratitude are shed. An orphan girl was brought up in his house.... He installed a son of a widow in some office and has done a great many other acts of kindness."

The varied complexity of the *dramatis personae* of *Poor Folk* is, in fact, one of the work's strong points. Of the novel's characters only Ratazyaev, the cynical hack writer who is Makar's literary "model", is represented as rather one-dimensional. Like the "seminarian" Rakitin in *The Brothers Karamazov* (who is also a hack), Ratazyaev seems beyond even the possibility of moral regeneration. The novel's other "negative" characters all reveal seeds of potential moral betterment. Thus, Anna Fyodorovna, Varvara's childhood tormentor, is portrayed as a complex hybrid of spite and altruism. "Anna Fyodorovna was a spiteful woman.... At first she was fairly nice to us, but afterwards she began to show her real character as soon as she saw we were utterly helpless and had nowhere to go. Later on she became very affectionate to me, even rather coarsely affectionate and flattering...." As Varvara wonders at Anna Fyodorovna's complexity, so Makar seeks to grasp the character of his landlady who torments her indigent tenants yet generously cooks Gorshkov's dinner celebration herself, prompting him to remark, "Our landlady is a good-natured woman in a way." Even Varvara's brutish suitor Bykov has a kind of coarse forthrightness about him.

As for Makar himself, one may discern two strands leading from him into Dostoevsky's later works. On the one hand, he is in kernel form the "underground man" questioning the rationality and justness of existence. On the other hand, he is the first fruits of Dostoevsky's quest for a "beautiful man" (prekrasnyj chelovek) who can serve as a model of life for others. At times he raises Job's cry of agony over the suffering about him, and at times he gives way to petty vanity and is offended at the lack of respect accorded him by others. In her letters Varvara sees him as a kind of Biblical Man of Sorrows, calling to mind the prophet Isaiah's vision of the suffering Servant. "If one takes all another person's troubles so to heart and sympathizes so intensely with everything," she writes, "it is bound to make one very unhappy.... Life will be a misery to you, since you are forever grieving and being miserable over other people's troubles."

Varvara herself evidences considerable complexity of character. She is the first of Dostoevsky's "weak hearts", incapable of surmounting the afflictions of her existence. She is both generous and somewhat selfish. She is more realistic and at times (especially

in literature) more perceptive than Makar. Yet the loss of her bucolic "golden childhood" and of her true love, Peter Pokrovsky, have crippled her will and rendered her incapable of living. Her marriage to Bykov and abandonment of the broken Makar are a final manifestation of this incapacity.

At the philosophical level Dostoevsky uses *Poor Folk* as a vehicle for raising the question of undeserved human suffering, the question of Job.

As he lies dying young Peter Pokrovsky tries to indicate something terribly important to Varvara. "For a whole hour," she recalls, "he was uneasy, kept grieving over something, trying to make some sign with his chill hands and then again beginning pitifully to entreat me in his hoarse hollow voice; but his words were disconnected sounds and again I could make nothing of them ...At last I guessed what he wanted. He was begging me to draw up the window curtain and open the shutters. No doubt he wanted to look for the last time at the day, at God's light, at the sunshine."

Varvara draws back the curtain to reveal a "dawning day as melancholy as the poor failing life of the dying man. There was no sun. The clouds covered the sky with a shroud of mist; it was rainy, overcast, mournful. A fine rain was pattering on the window-panes.... The pale daylight scarcely penetrated into the room and hardly rivalled the flickering flame of the little lamp lighted before the icon. The dying man glanced at me mournfully, mournfully and shook his head; a minute later he died."

The symbolism is clear. At the moment of death Pokrovsky is mocked by a universe indifferent to his wishes. The feeble icon lamp offers no consolation. Makar and Gorshkov are similarly mocked. Makar receives one hundred rubles from His Excellency; a broad highway of success seems to open up before him. But at the very moment of his triumph Bykov is already knocking at Varvara's door. Gorshkov, after giving a dinner in honor of the restoration of his good name, lies down for a little rest... and dies.

The seeds of the famous *bunty* (i.e. spiritual rebellions) of Ippolit in *The Idiot* and Ivan Karamazov in *The Brothers Karamazov* are present in Makar's cautious questionings in *Poor Folk*. Like Ivan Karamazov, Makar indicts the universe for the seemingly unrequited suffering of the meek and especially of children. In *The Brothers Karamazov* Dostoevsky, by then a convinced Christian, provides a potent philosophical antidote to Ivan's tirade in the utterances of Staretz Zossima and the actions of Alyosha Karamazov. In *Poor Folk* no convincing antidote is provided for Makar's rebellion, though it is worthy of note that both he and Varvara are described as religious and regular churchgoers. "Every position

in the lot of man," Makar writes, "is ordained by the Almighty. One man is ordained to wear the epaulettes of a general while it is another's lot to serve as a titular councillor; it is for one to give commands, for another to obey without repining, in fear and humility. It is in accordance with man's capacities; one is fit for one thing and one for another, and their capacities are ordained by God Himself." This is, of course, not theodicy but a quiescent acceptance of life as it is. We are far indeed from the conscious defense of faith of Zossima or the direct contact with "other worlds" (a favorite term of the late Dostoevsky) experienced by Alyosha Karamazov.

Elsewhere in *Poor Folk* Makar revolts against an acceptance of things as they are. "I know my dear," he writes Varvara, "that it's wrong to think like this, that it is free-thinking; but to speak honestly, to speak the whole truth, why is it that fate, like a raven, croaks good fortune for one still unborn, while another begins life in the orphan asylum.... It's a sin, my darling, a sin to think like that, but sometimes one cannot help sin creeping into one's heart...." Contemplating Varvara's degraded and desperate state, Makar asks, "Why should it be like that?" This question represents the cornerstone of his rebellion.

Much has been written about the role of "literature" in *Poor Folk*.[3] Although Dostoevsky was to crystallize his views on art considerably later in his 1861 article "Mr. -bov and the Question of Art," his first novel shows quite clearly the direction his thought was taking on this question. All that is seedy and condemnable in the literature of the 1840's is parodied in the figure of Ratazyaev, the prolific hack and author of such pulp classics as *Italian Passions* and *Yermak and Zuleika,* and in his literary disciple, Makar. "Sometimes he (Ratazyaev) writes five chapters a day," Makar reports in admiration, "and he gets three hundred rubles a chapter." Ratazyaev is unabashedly greedy — he writes for money. "What is honor, old man," he tells Gorshkov, "when one has nothing to eat? The money, the money's the thing, old man, thank God for that!" Makar tries to imitate Ratazyaev's florid style to the extreme detriment of his own writing.

Makar also picks up his literary theory from Ratazyaev and his associates. "Literature is a fine thing," he writes, "I learned that from them the day before yesterday. A profound thing, strengthening men's hearts, instructing them.... Literature is a picture, that is, in a certain sense, a picture and a mirror; it's the

---

[3]See Victor Terras, *The Young Dostoevsky (1846-1849)* (The Hague: Mouton, 1969), *passim.*

passions, the expression, the subtlest criticism, edifying instruction and a document. I gathered all that from them."

Thus in his first work Dostoevsky savagely parodies the textbook definitions of the art of hypocrites who write for money. Varvara, whose taste in literature dwarfs that of Makar, rejects Ratazyaev's writing as "nonsense" and sends him a copy of Pushkin's *Tales of Belkin.* As her taste in literature bests Makar's so too does her style, which is unaffected and lyrical.

Critics have made much of the fact that Makar is moved to tears by Pushkin's "The Stationmaster" and disturbed and irritated by Gogol's "The Overcoat." Gogol's Akaky Akakevich so resembles Makar that the latter complains bitterly, "Why it's a book of an evil tendency, Varinka, it's untrue to life, for there cannot have been such a clerk." Yet (and this is not so often pointed out) Pushkin's Samson Vyrin it "The Stationmaster" also reminds Makar of himself: "It's natural. You should read it, it's natural. It's living! I've seen it myself; it's all about me.... It's the general lot, Varinka dear, it might happen to you or me." Makar's anger against Gogol, of course, reveals his hidden vanity. It is, however, also possible that Dostoevsky is using Makar's reaction to Gogol and Pushkin to hint at the superiority of the latter over the former. Gogol depresses; Pushkin inspires and instructs. It is also significant that Ratazyaev has a special distaste for Pushkin whom he dismisses as "old-fashioned." Ratazyaev's distaste is obviously the highest possible recommendation.

To conclude, Dostoevsky's first novel *Poor Folk* is an extraordinarily rich and interesting work. One well understands why Grigorovich and Nekrasov decided not to wait before going to congratulate its young author, Fyodor Dostoevsky.

DOSTOEVSKY AND HAWTHORNE?

*by Richard Haugh**
Iona College

One of the popular topics in the recent study of Comparative Literature is that of Dostoevsky and Hawthorne.[1] The purpose of this brief study is to show that the alleged basis of comparison between the two great 19th century writers, Fyodor Dostoevsky (1821-1881) and Nathaniel Hawthorne (1804-1864) is superficial, quite contrived, and rather illegitimate.[2] In fact, seldom have two writers been so essentially different. Their world of fiction should be approached from a *contrastive* rather than a *comparative* perspective.

I

Did Hawthorne influence Dostoevsky? Hawthorne's works were translated, surprisingly, into Russian shortly after their English publication. *The Scarlet Letter* (1850), which primarily concerns us here, was translated into Russian in 1856 and published in

---

*RICHARD HAUGH, formerly Assistant Professor of English and Literature at the Academy of Aeronautics, is now the Faculty of Iona College in the Department of Religious Studies.

[1]We refer here to the two pioneering articles because they (1) initiated the comparison, and (2) they contain the important alleged "comparative" elements. See Vladimir Astrov, "Hawthorne and Dostoevski as Explorers of the Human Conscience," *New England Quarterly,* XV (1942), 296-319; and Clarence A. Manning, "Hawthorne and Dostoevsky," *Slavonic Review,* XIV (1936), 417-24. See also F. O. Matthiessen, *American Renaissance: Art and Expression in the Age of Emerson and Whitman* (London: Oxford Press, 1968), pp. 343 ff.

[2]Our criterion of a serious "comparative" study is two-fold. First, it should be capable of establishing an authentic influence either on the writer in question or the latter's influence on others. Secondly, if there is no direct influence, it should be able to unearth independent similarities of style, structure, or idea.

Sovremennik.[3] But the very fact that Hawthorne's works were accessible to Dostoevsky does not establish the fact that he either read Hawthorne or was influenced by him. Dostoevsky never mentioned Hawthorne in any of his writings, a fact which by itself proves nothing,"[4] although the *argumentum ad silentium* is noteworthy, especially when one considers the astonishingly breathless and sweeping statement by Vladimir Astrov, who suggests that Dostoevsky's entire religious transformation was the direct result of his reading Hawthorne's *The Scarlet Letter*. Astrov writes:

> These new experiences took rather a long time to crystallize into definite insights and images. Dostoevski's biographers have sometimes wondered why his writings remained so long, as it were, ideologically vague and neutral. Only in the *Notes from Underground* (1863), and especially in *Crime and Punishment* (1866), did his new religious and moral attitudes come into full shape. Then, as it happened, Dostoevski's main ideas showed such a remarkable kinship with the problems and solutions of *The Scarlet Letter*... that the assumption of his acquaintance with Hawthorne appears natural and well-nigh inescapable. ... The inference seems, therefore, plausible enough that F. M. Dostoevsky did read the main novels of Hawthorne... the meeting with Hawthorne's ideas seems to have deeply fertilized Dostoevski's moral consciousness and his psychological imagination.[5]

We maintain that Hawthorne, even if Dostoevsky had read his works, could not have influenced Dostoevsky in any essential way; this position we seek to substantiate in this brief study.

II

There are, of course, certain comparative aspects, albeit rather insignificant. First, both 19th century novelists were interested in utopianism.[6] Secondly, both wrote novels which treated the problems

---

[3]*Sovremennik* also published *The House of the Seven Gables* in 1852; in 1853 it published "The Snow Image," "The Birthmark," and "Rappaccini's Daugther." Hawthorne's novel, *The Marble Faun*, appeared in *Russkoe Slovo* in 1861.

[4]Dostoevsky never mentioned Edgar Allan Poe either but Dostoevsky authored an anonymous article on Poe in *Vremia*, according to Astrov. See V. Astrov, "Dostoevsky on Edgar Allan Poe," in *American Literature*, XIV *(March*, 1942), 70-74.

[5]Vladimir Astrov, "Hawthorne and Dostoevsky as Explorers of the Human Conscience," *op. cit.*, 298.

[6]On Hawthorne's interest in utopianism see the chapter on the Brook Farm in A. F. Tyler's *Freedom's Ferment: Phases of American Social History* (Minneapolis: University of Minnesota Press, 1944), pp. 175-185; H. Wish, *Society and Thought in Early America* (New York: McKay, 1950), pp. 459ff.

of conscience, sin, and guilt *(The Scarlet Letter* and *Crime and Punishment),* although the very nature and essence of these problems is different. And, thirdly, both were interested in a certain discrepancy between the intellect and the heart; they both distrusted the intellect. Here, however, we think the comparison ends.

III

Those who attempt to prove that Dostoevsky and Hawthorne "shared substantially the same underlying philosophy,"[7] see the greatest similarity in the two novels, *The Scarlet Letter* (1850) and *Crime and Punishment* (1866). Are such novels comparable?

RASKOLNIKOV AND DIMMESDALE

Is the Puritan minister, Arthur Dimmesdale, comparable with Rodion Raskolnikov? One critic writes that Dimmesdale is "racked and torn by tortures worthy of Raskolnikov, as he tries to maintain his self-assurance and to atone for his sin in every way other than confession... Salvation must come for him, as for Raskolnikov, from confession."[8] But objectively the situation is precisely the reverse. Raskolnikov confesses and yet experiences no *penitent* guilt. Dimmesdale feels the guilt and refuses on principle to confess. Having confessed to Sonya, having symbolically bowed and kissed mother earth, and having finally confessed to the police, Raskolnikov nevertheless still "intellectually" holds to his idea,[9] an idea which permits the extraordinary individual to overstep all "moral" barriers which, according to the deepest logic of his relativistic idea, have after all only a sociological and not a metaphysical origin. Raskolnikov's only regret is that he was not "extraordinary" enough to bear totally the consequences of his action.[10]

Even here, however, there is a difference. Hawthorne outgrew his utopianism; Dostoevsky's political utopianism grew into a profound spiritual utopianism which was based on the repentance of all. While it is true that Dostoevsky's apokatastatic dream sometimes expressed itself non-eschatologically, it must be admitted that Hawthorne has no such vision.

[7]Manning, "Hawthorne and Dostoevsky," *op. cit.,* 420.

[8]*Ibid.,* 418f.

[9]Dostoevsky, *Crime and Punishment,* Epilogue II. (The English text used throughout is that of Constance Garnett). "But he did not repent of his crime..." Sentenced to Siberia, he still finds his "actions... not so blundering and grotesque..."

[10]*Ibid.* "It was only in that that he recognized his criminality, only in the fact that he had been unsuccessful and had confessed it."

Although experiencing moments of instinctive, existential guilt,[11] Raskolnikov's "repentance and renewal" come only *after* his various confessions and is the result of the confluence of the following: (1) his isolation from others;[12] (2) Sonya's influence and faithfulness; (3) the atmosphere of Lent;[13] and (4) his terrifying nightmare and its concomitant vision. It is, therefore, inaccurate to claim that Dimmesdale must *confess* as did Raskolnikov. Dimmesdale, the "subtle, but *remorseful hypocrite,*"[14] will not confess before men on principle.[15]

> The heart, making itself guilty of such secrets, must perforce hold them, until the day when all hidden things shall be revealed. Nor have I so read or interpreted Holy Writ, as to understand that the disclosure of human thoughts and deeds, then to be made, is intended as a part of the retribution. That, surely, were a shallow view of it. No; these revelations, unless I greatly err, are meant merely to promote the intellectual satisfaction of all intelligent beings...[16]

Dimmesdale is incapable of grasping the purgative and ontologically essential aspects of confession; for him the final, universal confession finds its purpose only in satisfying the curiosity of the intellect.

Not only is the very nature of their guilt and repentance different but the very nature of their sin or crime also differs radically. Raskolnikov's crime is rooted in a metaphysical view of the world; he murders because of his idea. It is precisely in this central area

---

[11]There are numerous examples of this. For example, to Polenka he states: "Polenka, my name is Rodion. Pray sometimes for me, too." His conversations with Sonya presuppose instinctive feelings of guilt; and, of course, nowhere are the feelings of guilt more apparent than in the dreams, especially his being a child witness to Mikolka's brutal slaying of his horse.

[12]Dostoevsky, *Crime and Punishment,* Epilogue, II: "What surprised him most of all was the terrible gulf that lay between him and all the rest."

[13]The efficacious role of the atmosphere of Lent in Dostoevsky is seldom taken seriously. It is more than fortuitous that Raskolnikov undergoes his religious metamorphosis during and directly after Lent. (Markel, the brother of Zossima in *The Brothers Karamazov* experiences his spiritual regeneration during Lent also).

[14]Nathaniel Hawthorne, *The Scarlet Letter,* XI. (All quotations from Hawthorne are taken from the Centenary Text).

[15]This principle is theological and stems from the thought of the Reformation with its stress on the individual and God, resulting *de facto* in the minimizing of the role of the community. This principle is ultimately rooted, as is much Reformation thought, in Augustine of Hippo (354-430). Strikingly absent in the thought of Augustine is a cosmic perspective. He was more interested in the soul's direction toward God. See his *Soliloquies* I, 2, 7 and II, 1, 1.

[16]Hawthorne, *op. cit.,* X.

of the novel that Dostoevsky's creative skill reaches its height of spiritual perception. His perceptive creativity reveals Raskolnikov's crime as the result of an intellect uprooted from its natural, spontaneous source, an intellect which is only sporadically in contact with the life-giving symbol of the heart. The final repentance of Raskolnikov flows from those streams of existence which are in contact with the "heart," that symbol of the fountain of life. From the subconscious realm of dreams, from the instinctive desire for others, from the spontaneous respect for loyalty and self-sacrifice (in this case, of Sonya), from the aching existential anguish and guilt of an ontologically disoriented life, and probably from that strange, mysterious, and mystical atmosphere of Lent — from these areas flow the emotive forces to which he finally surrenders his intellect and its demonic creation with the result that "life . . . step(s) into the place of theory."[17]

It is different with Dimmesdale. While conceding that Hawthorne intended to portray Dimmesdale as one who also was too abstract and too aloof from the concerns of the human heart, we would nevertheless contend that the source of Dimmesdale's transgression is not the intellect; his transgression is not abstract, it is not metaphysically inspired. Dimmesdale's sin is precisely rooted in the symbol of the heart and is the result of a misguided desire for the love and contact of another person; as such, of course, it is a perversion of personal relations. One essential difference is that there is nothing hypocritical about Raskolnikov. While Dimmesdale, in accordance with his Calvinistic faith, knows he has broken an extrinsic law even though he too thought it had a "consecration of its own," Raskolnikov accepts his idea as good. Although Raskolnikov's idea alienates and destroys and in itself is a perversion of the deepest laws of human existence, he believes it is good. In the execution of his crime Raskolnikov affirms the idea he has come to accept and believe in; in the committing of his sin Dimmesdale hypocritically betrays his Calvinistic faith.

Raskolnikov's idea, replete with earth-shaking consequences, expresses the logical conclusions of any serious philosophy of relativism. Raskolnikov shakes his fist at the moral and ontological structure of being and finds that his idea leads to moral bankruptcy. Dimmesdale's transgression is incomparable; it is on a totally different scale. Dimmesdale himself views his transgression as slight.

---

[17]Dostoevsky, *Crime and Punishment,* Epilogue, II.

> We are not, Hester, the worst sinners in the world. There is one worse than the polluted priest! That old man's revenge has been blacker than my sin. He has violated... the sanctity of a human heart. Thou and I, Hester, never did so.[18]

The moment Raskolnikov entertains the heinous idea and accepts it as his own[19] is the moment of the *real* crime and punishment.[20] The punishment is simultaneous with the crime because he commits himself to something which is not simply contrary to the laws of society *but is so precisely because it is in essence contrary to the ontological structure of human nature.* Because he accepts into the depths of his being something so essentially contrary to it, his own being begins to decompose. His punishment comes in the form of inner torment, of anguish and guilt which he experiences in the deepest recesses of his existence. Suffering existential agony without penitent guilt, Raskolnikov chips away at the positive substance of his being with each new step along his new path. Dimmesdale's sin is quite unlike Raskolnikov's and even the nature of his self-imposed penance is qualitatively different. Dimmesdale, readily admitting his minor guilt, prescribes his own punishment which is the consequence of his intellectual understanding of the relationship between God and man. With Dimmesdale the sin of the heart is punished voluntarily through the guidance of the intellect; with Raskolnikov, the metaphysical sin of the intellect is involuntarily punished by the depths of existential guilt and alienation.

In both novels the community views these characters differently. The community sees Raskolnikov as he really is and there is nothing hypocritical about him. There are moments when Raskolnikov is spontaneously kind and this is readily acknowledged. There is, however, the other Raskolnikov, the one who tries to control or smother the natural, spontaneous side of his character, the one who attempts to govern his life by his intellect and its idea. Razumihin informs, and quite objectively, Raskolnikov's mother and sister about Raskolnikov.

> I have known Rodion for a year and a half; he is morose, gloomy, proud and haughty, and of late — perhaps for a long time before — he has been suspicious and fanciful. He has a noble nature and

---

[18]Hawthorne, *op. cit.*, XVII.

[19]The origin of thoughts interested Dostoevsky. Raskolnikov himself questioned the origin of his idea: "How loathsome it all is! ... And how could such an atrocious thing come into my head?"

[20]Raskolnikov's crime as the acceptance of the idea is quite illustrative of Christ's teaching of the *interiorization of the law.* See *Matthews* 5:21-22, 27.

> a kind heart. He does not like showing his feelings and would rather do a cruel thing than open his heart freely. Sometimes, though, he is not at all morbid, but simply cold and inhumanly callous; it's as though he were alternating between two characters. Sometimes he is fearfully reserved! He says he is so busy that everything is a hindrance, and yet he lies in bed doing nothing ... He never listens to what is said to him. He is never interested in what interests other people at any given moment. He thinks very highly of himself and perhaps he is right... he loves no one and perhaps he never will...[21]

In *The Scarlet Letter* the community considers Dimmesdale as "the godly youth," "the saint on earth."[22] In the eyes of the community few have attained the vertiginous heights of Dimmesdale's sanctity: the "purity of his thought" when he preached was "like the speech of an angel."[23] Hawthorne himself is quite aware that there is something radically wrong in the community, for its principles of judgment breed and then nourish hypocrisy. It must not be forgotten that it is Hawthorne, not the community in the novel, who describes Dimmesdale as the "subtle, but remorseful hypocrite."[24] Indeed, is it not Hawthorne's purpose, and arguably not a very profound one, to show that the Puritanical community is inevitably hypocritical?

For Dimmesdale guilt finally leads to public confession but only when he is already "dying." For Raskolnikov confession brings him closer to the acknowledgment of his inner guilt which in turn leads to repentance. He repents and lives;[25] Dimmesdale confesses and dies.

SONYA AND HESTER

Is there really a profound similarity between Sonya and Hester? One critic writes that they are "both sinners... and flout the judgment of the world... and seem unaware of the extent of their

---

[21]Dostoevsky, *op. cit.*, III, 2.
[22]Hawthorne, *op. cit.*, XI.
[23]*Ibid.*, III.
[24]*Ibid.*, XI.
[25]We reject Konstantin Mochulsky's interpretation of Raskolnikov. Responding to the last lines of *Crime and Punishment*, Mochulsky writes: "The novel ends with a vague anticipation of the hero's 'renewal.' It is promised, but it is not shown. We know Raskolnikov too well to believe this 'pious lie'." See K. Mochulsky, *Dostoevsky*, trans. by M. A. Minihan (Princeton: Princeton University Press, 1967), p. 312. If Mochulsky's interpretation is correct, then the entire novel collapses into meaninglessness. The difference between Dostoevsky's *Notebooks* and his finished product is the result of the final, creative effort of an inspired writer.

transgression."[26] This applies to Hester but not to Sonya. Sonya is very aware of the extent of her transgression. After becoming a prostitute, Sonya returns, gives the money to her step-mother, lies on the bed with her face to the wall, and weeps and shudders. It is precisely the essence of Sophia's wisdom that she considers herself a transgressor and feels it; yet she remains spiritually unpenetrated by the atmospheric life of prostitution.[27] If Sonya (restricting ourselves to only one example) "flouts the judgment of the world," why is she so terribly uneasy and distressed when Raskolnikov asks her to sit with his mother and sister? Raskolnikov tells her: "I said just now to an insolent man that he was not worth your little finger... and that I did my sister honour making her sit beside you."[28] And what is Sonya's response? "Ach, you said that to them! And in her presence?... Sit down with me! An honor! Why, I'm... dishonorable... Ah, why did you say that?"[29] This is neither the language nor attitude of one who "flouts the judgment of the world."

Sonya is lowly, humble, intellectually certain of nothing but intuitively and experientially certain of the ontological necessity of God's existence.[30] Hester is proud and intellectually sure, especially at the end of *The Scarlet Letter*. When she finally returns to New England, Hester becomes a quasi-prophetess; people flock to her with all their "sorrows and perplexities," begging for her counsel.[31] And what does she tell them? "She assured them... of her firm belief... that a new truth would be revealed, in order to establish the whole relation between man and woman on a surer ground of mutual happiness."[32] This assuredly is far from the spirit of Sonya. For Sonya believes an "old" truth and surrenders herself for others in self-sacrificial love. Intellectually simple but spiritually wise, Sonya's "old" truth is deep, comprehensive, universal and cosmic; Hester's "new" truth limits itself to the social order. Sonya is much too intellectually humble to proclaim with assurance "a new truth". Her "old" truth is capable not only

---

[26]Manning, *op. cit.*, 419.

[27]Raskolnikov understands this well, realizing Sonya has three future possibilities if she remains a prostitute: (1) real prostitution, i.e. surrendering and accepting into her inner being the total dimension of prostitution; that is — "to sink into depravity which obscures the mind and turns the heart to stone"; (2) suicide; and (3) insanity. See *Crime and Punishment*, IV, 4.

[28]*Ibid.*

[29]*Ibid.*

[30]*Ibid.*

[31]Hawthorne, *op. cit.*, XXIV.

[32]*Ibid.*

of unifying man and woman but of unifying the entire cosmos. Sonya is the living witness of one who approaches that love which is "patient and kind... not jealous or boastful... not arrogant or rude...," that love which "does not insist on its own way... is not irritable or resentful... does not rejoice at wrong... which bears all things, believes all things, hopes all things, endures all things."[33] For Sonya there is a path; she could never say with Hester "there is no path to guide us out of this dismal maze."[34]

Hester hates Chillingworth. "Yes, I hate him... He betrayed me! He has done me worse wrong than I did him." Sonya loves Katerina Ivanovna, at whose suggestion and request she became a prostitute. "Love her? Of course... Ah, you don't... If you only knew... You know nothing, nothing about it... She is so unhappy... ah, how unhappy." Not Hester, but rather the force of a *deus ex machina,* is the cause of Dimmesdale's final confession. Sonya's influence, however, directly contributes to Raskolnikov's final repentance. Hester's advice to Dimmesdale minimizes his guilt and responsibility. "What we did had a consecration of its own. We felt it so! We said so to each other! Hast Thou forgotten it?" Sonya fully realizes the tragic dimensions of Raskolnikov's transgression, acknowledging his responsibility and begging him to confess and be reconciled with the earth he has defiled.

The external condition of the apparent suffering of Hester is caused by an act of adultery which necessarily entailed the betrayal of her husband. The inner suffering of Sonya is the result of her immense self-giving for others in an extraodinary kenotic act. Hester appears not to bear that "inner suffering" and at times seems proud of her adultery. At this point our opinion is shared by another critic:

> Hester's... innermost self... did not condemn her. Her conscience remained clear... she did not believe either him (Dimmesdale) or herself deserving of damnation. To her mind their "legally" forbidden relationship had a "consecration" of their own. It was almost as if a new moral law... had obtained sway over her mind. She felt herself no degraded, because she seemed to belong to some other culture — "unchristianized," or no more Christian.[35]

Although there are many essential differences between Sonya and Hester, the scope of this study has permitted us to call at-

---

[33]I *Corinthians* 13:4-7.
[34]Hawthorne, *op. cit.,* XIV.
[35]Astrov, *op. cit.,* 306.

tention to only a few. The most essential difference which must be stressed is that Hester does not feel the guilt and shame when she *is* morally wrong, while Sonya *feels* the guilt and shame when the "sin" has not really spiritually penetrated her existence.[36] This illustrates the pride of Hester and the humility of Sonya.

SVIDRIGAILOV AND CHILLINGWORTH

"Did Dostoevsky ever draw a more tragic figure?" than Chillingworth asks one critic,[37] claiming that Chillingworth becomes a "mere Svidrigailov." Actually, all Dostoevsky's negative characters are more tragic than Chillingworth. In fact, Dostoevsky was incapable of drawing a character like Chillingworth because the latter is the passive object of a cosmic determinism quite foreign to Dostoevsky's world of spiritual freedom. Precisely because his acts are determined by a mysterious fate, or a "dark necessity",[38] Chillingworth's tragic aspect is undermined and diminished. Chillingworth is arguably one of the most negative characters in Western literature; he is Iago-like but without the Shakespearean dimension which makes Iago's evil real and tragic — freedom.[39]

The very life and death of both Svidrigailov and Chillingworth are different. Chillingworth "had made the very principle of his life to consist in the pursuit and systematic exercise of revenge."[40] Svidrigailov had rooted his existence in sensualism. Chillingworth becomes progressively worse, and *not of his own will.* The fact in the novel is that he was mysteriously committed to the slow, pernicious destruction of another man's life; there is no remorse and in such fated evil activity his very existence becomes so parasitical that at the death of Dimmesdale "all his strength and energy — all his vital and intellectual force — seemed at once to desert him."[41] Within the year of Dimmesdale's death "unhumanized" Chilling-

---

[36]Raskolnikov thinks to himself: "What held her up — surely not depravity? All that infamy had obviously only touched her mechanically, not one drop of real depravity had penetrated to her heart." *Crime and Punishment,* IV, 2.

[37]Manning, *op. cit.,* 419.

[38]For the textual evidence see *The Scarlet Letter,* XIV.

[39]See *Othello* I, iii, 319-331; see also Edmund's interesting comment on freedom in *King Lear* I, ii, 115-129. Shakespeare glimpses, we think, the same core of personal spiritual freedom which became a center of Dostoevskian dialectics.

[40]Hawthorne, *op. cit.,* XXIV.

[41]*Ibid.*

worth "shrivelled away... like an uprooted weed that lies wilting in the sun."[42]

Svidrigailov becomes more "humanized" as his end approaches. Having lived only for selfish sensual pleasures, and allegedly being responsible for other's deaths, Svidrigailov begins to respond to the inner promptings of the "heart" precisely when he is about to rape Dounia. Upon hearing the tone of finality in her declaration that she could never love him, "there followed a moment of terrible, dumb struggle in the heart of Svidrigailov."[43] Later, when already at that wooden hotel in that "God-forsaken place," Svidrigailov recalls "how at that instant (with Dounia) he felt almost sorry for her, how he had felt a pang at his heart."[44] Even in his last dream there is enough of something positive in Svidrigailov, enough of the core of human nature which enables him to feel disgust, especially toward the last dream of the five year old child whose facial appearance suddenly transforms itself into the face of a French harlot. The corrupt Svidrigailov can still experience the dream as a *horror*: "There was something infinitely hideous and shocking in that laugh, in those eyes, in such nastiness in the face of a child."[45] Svidrigailov, unlike Chillingworth, realizes the sickening vanity of his principle of life — corruption has penetrated his being so deeply that even innocent children appear corrupt and sensual — and yet the years wasted in corrupt sensualism leave him too powerless to begin the extremely arduous task of extricating himself from his bondage to sensualism and self-concern. Svidrigailov approaches his end in despair, disgust, and perhaps sorrow. Chillingworth remains callous. Svidrigailov does not deny his own responsibility for his life. Chillingworth feels no responsibility, stating: "I am... a fiend! Who made me so?"[46]

IV

Not only are the characters essentially different in Dostoevsky and Hawthorne but there is also a more important, a far deeper element of difference between them — atmosphere, an atmosphere which presupposes and reflects an interpretation of reality fundamentally and historically different — Puritan New England and Orthodox Russia.

---

[42]*Ibid.*
[43]Dostoevsky, *op. cit.*, VI, 5.
[44]*Ibid.*, VI, 6.
[45]*Ibid.*
[46]Hawthorne, *op. cit.*, XIV.

Although many have claimed that Hawthorne favored Puritanism,[47] others, including Hawthorne's wife, son, and closest friends, have rejected such a statement.[48] The correct position, we think, is the following:[49] (1) Hawthorne did in fact reject and despise many aspects of Puritanism,[50] excepting its ironic involvement[51] in the struggle for American political freedom; and (2) his novels, precisely because he chose to write about Puritan New England, exude the atmosphere of Puritanism. If one reads Hawthorne carefully, it is not difficult to detect a mocking Hawthorne, a Hawthorne who holds the sombre Puritanical gloom in contempt, a Hawthorne who describes Puritans as "stern-visaged men" and "unkindly-visaged women," a Hawthorne for whom Puritanism is a "lump of lead." It is his own rejection of Puritanism and his artistic use of Puritan New England which account for that "power of blackness in him,"[52] that morbidity, and that pessimism which permeate his fiction.

---

[47]James Russel Lowell called him a "Puritan Tieck"; others claim he shared certain Puritan beliefs such as predestination — see A. Cowie, *The Rise of the American Novel* (New York, 1948), p. 356; A. Warren, *Nathaniel Hawthorne: A Biography* (New Haven, 1948), pp. 244ff; A. Turner, "Hawthorne and Reform," *New England Quarterly*, XV (1942), 708.

[48]For example Carl Van Doren writes ("What is American Literature?" in *The Viking Portable Van Doren*, p. 590): "He had little Puritanism left in him. Dealing with many of its problems, he reached his own verdicts." Yvor Winters *(In Defense of Reason*, p. 174) writes that "he had turned his back upon the excessively simplified conceptions of his Puritan ancestors."

[49]The best article on this specific topic is Joseph Schwartz, "Three Aspects of Hawthorne's Puritanism," *New England Quarterly*, XXXVI (June, 1963), 192-208.

[50]It is noteworthy that Hawthorne was raised a Unitarian, not a Calvinist. Hawthorne rejected both Calvinism (calling it a "lump of lead") and Unitarianism (calling it a "feather"). In his short story "The Celestial Railroad" it is Unitarianism which is satirized. On Hawthorne's religious attitudes see F. O. Matthiessen, *op. cit.*, pp. 193ff; Edward Wagenknecht, *Nathaniel Hawthorne: Man and Writer* (New York: Oxford University Press, 1961), pp. 172-201; and Hyatt H. Waggoner, *Hawthorne: A Critical Study* (Cambridge: Belknap Press of Harvard University, 1963), pp. 12-15; 141; 214ff; 258-264.

[51]Ironic because Puritanism was thoroughly deterministic; is it not ironic that a system of thought which deprived man of any spiritual and hence ultimate freedom should concern itself with the quest for political freedom?

[52]Herman Melville used this expression in reference to Hawthorne, writing that the "great power of blackness in him derives its force from its appeals to the Calvinistic sense of Innate Depravity and Original Sin, from whose visitations, in some shape or other, no deeply thinking mind is always and wholly free." See Matthiessen, *op. cit.*, p. 190.

THE SOURCE OF THE POWER OF BLACKNESS

The expression, "the power of blackness," describes a certain ethos which pervades not only the works of Hawthorne but much American literature in general.[53] In this sense American literature is unique; early America was the only country with an indigenous Calvinistic culture.[54]

Because of the brevity of this study we restrict our concern to only two areas within Calvinistic thought, two areas which however account for one aspect of the radical difference between the atmosphere in the novels of Hawthorne and Dostoevsky — determinism and the results of original sin, especially in reference to the child-theme. These aspects of the Calvinistic vision of man are rooted in the thought of Augustine of Hippo (354-430), whose indirect but substantial influence on American literature has never been fully evaluated. Augustine taught an absolute predestination and a total depravity of human nature.[55] Although his doctrine of man was never fully accepted by the Roman Catholic Church, the leaders of the Reformation, Martin Luther (1483-1546) and John Calvin (1509-1564), fully embraced the darkest elements in Augustine's doctrine of man. In fact, John Calvin, the Father of Calvinistic Puritanism, was so heavily influenced by Augustine that in his *Institutio Christianae Religionis* alone he quotes Augustine more than 4100 times.[56] Transmitted by John Calvin, the Augustinian doctrine of man found its way into America along with her earliest settlers, contributing greatly to the shaping of the American mind.[57]

Contrary to a common but uninformed view, Augustinian thought is ultimately deterministic.[58] Mankind consists of two

---

[53]See Harry Levin, *The Power of Blackness: Hawthorne, Poe, Melville* (New York: Vintage Books, 1960).

[54]The situation with, for example, Scotland is different because its literature was much more English than indigenously Calvinistic.

[55]Augustine did not, as is often claimed, develop his doctrine of man in the heat of the Pelagian controversy but rather very early in his ecclesiastical life. See *Sermon* 214:3; *De libero arbitrio,* III; and the pivotal work, *De quaestionibus ad Simplicianum,* II. See his own statements about the early development of his doctrine in *De dono perseverantiae,* 52; *De praedestinatione sanctorum,* 8; and *Retractions,* II, 1.

[56]See L. Smits, *Saint Augustin dans l'oeuvre de Jean Calvin,* 2 vols. (Assen: van Gorcan, 1957).

[57]See Perry Miller, *The New England Mind,* 2 vols. (Boston: Beacon, 1961). These volumes are unequaled in excellence.

[58]Although Augustine distinguished between freedom and free choice, and although he speciously claimed that man sinned voluntarily, in the totality of his thought salvation is determined by the arbitrary and absolute will of God. Freedom is only a psychological reality because the Divine Will mysteriously and irresistibly attracts those whom it has decreed as elect.

classes — the elect and the reprobate. The cause of the election of the elect and the damnation of the reprobate is ultimately the eternal, mysterious Decree of the Divine Will. The elect, deserving in no way their election, witness eternally to God's gratuitous Mercy; the reprobate, deserving damnation because of the total depravity of human nature, witness eternally to God's Justice.[59]

Fallen in Adam, mankind became totally depraved, capable of being referred to as a "lump of sinners," a "lump of sin," a "lump of iniquity," a "lump of wrath," a "lump of death," a "lump of perdition," a "lump of damnation," a "lump of disgust," a "lump of the damned," and a "lump of just damnation."[60] Children naturally belong to the realm of Satan[61] and all unbaptized children are justly given over to the damnation of perdition.[62]

It must be stressed that Augustine's doctrine of man departs radically from Greek Patristic and earlier Latin Patristic thought. It is precisely this departure from a common Christian understanding of man which ultimately separates the atmosphere of Hawthorne's fiction from that of Dostoevsky — Hawthorne inherited the Augustinian-Calvinistic atmosphere while Dostoevsky inherited the atmosphere of Eastern Christianity.

Admittedly in the hands of John Calvin and the Calvinists Augustine's doctrine of man became more severe, more sombre, and more frightening. To feel the *reality* of this atmosphere in its *living context* it is enough to quote from a sermon by one of the "greatest" American theologians, Jonathan Edwards (1703-1758).[63]

---

[59]Although Augustinian thought is at times infralapsarian, the logics of his thought place the cause of reprobation in the Divine Will. Thomas Aquinas and John Calvin understood this well and interpreted Augustinian thought this way. See Thomas Aquinas, *Summa Theologica,* I, question 23 and John Calvin, *Institutio Christianae Religionis,* III, xxi-xxiv.

[60]*massa peccati (De div. quaest. ad Simpl.* I, I; *Sermon* 22:9; 301, c. 6; *Ep.* 194:14, etc.); *massa luti (De divers. quaest.* 83, etc.); *massa peccatorum (In Ps.* 70; *Sermon* 1:15, etc.); *massa iniquitatis* (Ibid., etc.); *massa irae (Sermon* 22:9; 293:8, etc.); *massa mortis (Ep.* 188:7, etc.); *massa perditionis (Ep.* 214:3; *Sermon* 26:17; 71:3; *In Joh. Ev. Tract.* 109:2; *Enchir.* c. 92; 90; *De pecc. orig.* c. 29, n. 34; c. 31, n. 36; *Contra duas ep. Pelag.* 1. II, c. 7, n. 13; *Contra Jul.* 1. V, c. 4, n. 14; etc.); *massa offensionis (Ep.* 194:4); *massa originis vitiatiae atque damnatae* (Contra Jul. 1. IV, c. 8, n. 46); *massa tota vitiata* (Op. imperf. c. Jul. 1, I, 136); *massa damnabilis* (Serm. 165:9; *Ep.* 194:30, etc.); *massa damnata (De civ. Dei* 1. XIV, 26; *Ep.* 190:9; *Ep.* 194:23; *Enchir.* c. 27, etc.); *massa iustae damnationis (Ep.* 190:12, etc.). Augustine used other expressions such as *conspersio damnata (De pecc. orig.* 31, etc.) and *damnabilis stirps (Ep.* 190, 11, etc.). It is noteworthy that one reason God elected only a small portion of the rotten mass of humanity, according to Augustine, is to show his utter indifference to number. See *Ep.* 190.

[61]See *De Nupt.* 1, 23.

[62]See *Op. Imp.* 6, 31; *De Pecc. Mer.* 2, 25; *De Pecc. Orig.* 2, 18.

[63]For a bibliography on Edwards see Ralph G. Turnbull, *Jonathan Edwards the Preacher* (Michigan: Baker, 1958).

There is nothing that keeps wicked men, at any one moment, out of Hell, but the mere pleasure of God... I mean his sovereign pleasure, his arbitrary will... The bow of God's wrath is bent, and the arrow made ready on the string, and justice bends the arrow at your heart, and strains the bow, and it is nothing but the mere pleasure of God... that keeps the arrow one moment from being made drunk with your blood... he looks upon you as worthy of nothing else, but to be cast into the fire; he is of purer eyes than to bear to have you in his sight; you are ten thousand times so abominable in his eyes as the most hateful venomous serpent... there is nothing you can do to induce God to spare you one moment. That God will execute the fierceness of his anger, implies that he will inflict wrath without any pity: when God beholds the ineffable extremity of your case, and sees your torment to be so vastly disproportioned to your strength, and sees how your poor soul is crushed and sinks down, as it were into an infinite gloom, he will have no compassion upon you... there shall be no moderation or mercy... he will have no regard to your welfare, nor be at all careful lest you should suffer too much ... God will be so far from pitying you when you cry to him... that he will only laugh and mock... If you cry to God to pity you, he will be so far from pitying you in your doleful case, or shewing you the least regard or favour, that instead of that he'll only tread you under foot: and tho' he will know that you can't bear the weight of omnipotence treading upon you, yet he won't regard that, but he will crush you under his feet without mercy; he'll crush out your blood, and make it fly... He will not only hate you, but he will have you in the utmost contempt; no place shall be thought fit for you, but under his feet, to be trodden down as the mire of the streets... and then will God call upon the whole universe to behold that awful majesty and mighty power... you shall be tormented in the presence of the holy angels, and in the presence of the Lamb.[64]

Much American literature echoes these lines.[65]

---

[64]From Jonathan Edwards' sermon, "Sinners in the Hands of an Angry God," preached at Enfield, Connecticut on July 8, 1741. In connection with Edwards' Calvinism it should be noted that he wrote a lengthy volume in which he tried to prove: (1) that *determinism* is compatible with moral responsibility; (2) that moral responsibility *logically requires determinism;* and (3) that the *denial of determinism* is self-contradictory. The original title of this volume was *A Careful and Strict Enquiry into the Modern Prevailing Notions of that Freedom of Will Which Is Supposed to be Essential to Moral Agency, Vertue and Vice, Reward and Punishment, Praise and Blame.* We reject the interpretation of this work, "the most powerful piece of sheer forensic argumentation in American literature," by Perry Miller, *Jonathan Edwards* (Toronto: William Sloane Associates, 1949), pp. 254ff; James Carse, *Jonathan Edwards and the Visibility of God* (New York: Charles Scribner's Sons, 1967), pp. 45-64; and Edward H. Davidson, *Jonathan Edwards* (Boston: Houghton Mifflin, 1966), pp. 127-145. We recommend the perceptive article by Arthur E. Murphy, "Edwards on Free Will," *Philosophical Review,* (April, 1959), pp. 181-202.

[65]See for example the famous poem by Michael Wigglesworth, "The Day of Doom," (1662) — especially lines CLVII-CLXXII — which New England

If the ultimate source of the atmosphere in Hawthorne's works is Augustine of Hippo, the vision of man in the works of Dostoevsky is inspired by Eastern Christianity. Dostoevsky's idea of freedom and his preoccupation with the innocence of the child and the spontaneity of human nature are ultimately rooted in the Eastern Christian tradition. For those who are unfamiliar with the thought and spirit of Eastern Christianity it is often difficult to grasp Dostoevsky's affinity with Eastern Christianity. The French scholar Henri de Lubac accurately presents our position:

> Dostoevsky's type of genius is at once profoundly human... and profoundly Christian; he is human *because* he is Christian... His Christianity is genuine; it is, at bottom, the Christianity of the Gospel, and it is this Christianity which... lends so much depth to his vision of man... Dostoevsky was a child of Orthodoxy. Theologians of his own country may not have been wholly satisfied as to the correctness of his beliefs. But it would be risking a grave mistake in the interpretation of his work to forget that *he breathed the atmosphere* of Orthodoxy and profoundly assimilated its spirit.[66]

---

children were required to memorize along with the catechism. Most Colonial literature reflects the Calvinistic milieu, while Unitarianism and Transcendentalism are understandable only as reactions to Calvinism. Many authors, for whom Calvinism was anathema, ultimately fall back on the philosophical assumptions of Calvinism in interpreting their own characters. For example, Herman Melville in his *Billy Budd* can understand Claggart's evil only in terms of determinism: "Then would Claggart look like the man of sorrows. Yes, and sometimes the melancholy expression would have in it a touch of soft yearning, as if Claggart could even have loved Billy but for fate and ban." (18); "Now... such an one was Claggart, in whom was the mania of an evil nature, not engendered by vicious training or corrupting books or licentious living, but born with him and innate, in short 'a depravity according to nature.' "(11); "With no power to annul the elemental evil in him, tho' readily enough he could hide it; apprehending the good, but powerless to be it... a nature like Claggart's... what recourse is left to it but to recoil upon itself and like the scorpion for which the Creator alone is responsible, act out to the end the part allotted it." (13) The later works of Mark Twain are also only understandable within the context of a rebellion against Calvinism and its cultural milieu (see "The Five Boons of Life," "Was It Heaven? or Hell?", "The Mysterious Stranger," and the recently published *Letters from the Earth).* The same cynical rebellion pervades Edgar Lee Masters' *Spoon River Anthology* (1915) — see for example the epitaphic stories of Wendell P. Bloyd, Yee Bow, Calvin Campbell, Roger Heston, Lyman King, Rev. Abner Peet, Amos Sibley, and Louise Smith in the *Spoon River Anthology.* For the change from *Calvinistic determinism* to *biological, sociological and psychological determinism* see the chapter "Determinism in Literature" in H. S. Commager's *The American Mind* (New Haven: Yale Press, 1950).

[66]Henri de Lubac, *The Drama of Atheist Humanism,* Meridian (New York: World Press, 1967), p. 187 and 237.

Eastern Christianity does not regard humanity as totally depraved.[67] Recognizing mankind as ill, Eastern Christianity sees this very illness as relative — there is illness and evil but there is also health and goodness. In fallen humanity freedom, although weakened, still exists and man is still the architect of his spiritual life and destiny. Indeed Eastern Christianity cannot conceive of man without his possessing in the very depth of his being a spiritual freedom. So foreign was such thinking to St. Gregory Nazianzos that he termed any deterministic philosophy as "monstrous reasoning."[68] Eastern Christianity always considered the process of salvation as synergistic, *always assuming the Divine initiative.*[69] The correct notion for Eastern Christian thought is that God at every moment and in every way is pushing, *not forcing,* each person to goodness; but in order for this *push* to be effective man must welcome and co-operate with it. The Augustinian stress on the Power and Decree of God is radically different from the Eastern stress. In Eastern Christian thought it is impossible for God to save a man who does not want salvation, and it is impossible despite God's omnipotence precisely because the omnipotence of God in Eastern Christian thought can never be considered apart from the plenitude of Divine Perfection. To state the Eastern position in the language of the Augustinian-Calvinistic milieu it is precisely God's Will that man possess spiritual freedom. It is

---

[67]See Justin *Dialogue with Trypho,* 88; *First Apology,* 10; 61; 28; Tatian, *Address to the Greeks,* 8, 11; Theophilus, *Ad Autolycum,* 2:21, 24, 25, 26, 17, 27; Athenagoras, *A Plea Regarding Christians,* 24; Irenaeus, *Adversus* haereses, II, 35, 5; III, 18, 1; 18, 7; 22, 4; 23, 1, 2; 23, 8; IV, 4, 3; 22, 1; 33, 4; 37, 1, 4; 38, 1, 2, 3, 4; 41, 2; V, 1, 3; 2, 1; 6, 1; 15, 3; 16, 1, 2, 3; 17, 3; 19, 1; 21, 1; 27, 2; 28, 4; 34, 2; 41, 2; Clement of Alexandria, *Stromateis,* 1, 17; 2, 3; 2, 4; 4, 13; 4, 23; 6, 12; 6, 13; Origen, *On First Principles,* 1, 8, 1; 3, 1, 1-3, 1, 8; 3, 1, 10; 3, 1, 12; 3, 1, 17; 3, 1, 15; 3, 1, 19; 3, 1, 20; 3, 1, 21; 2, 10, 3; Cyril of Jerusalem, *Catechesis,* 2, 7; 2, 5; 13, 2; 4, 19; 2, 1; Gregory of Nyssa, *Oratio Catechetica,* 5; 6; *De virginitate,* 12; *De infantibus qui praemature abripiuntur;* Gregory Nazianzus, *Oratio,* 45, 8; 45, 12; 39, 9; 14, 25; 37, 21; *Basil the Great, Hom.* 9, 7; 9, 9; *Homilia dicta tempore famis et siccitatis,* 8, 7; John Chrysostom, *In Genes. hom.,* 19; *in Rom. hom.,* 12; *hom. in ps. 51; in Heb. hom.,* 12; *in Rom. hom.,* 16; *in Joh. hom.,* 17; John Cassian, *Conference,* XIII; John Damascene, *De Fide Orthodoxa,* II, xii and xxx.

[68]See St. Gregory Nazianzos, *Oration,* 37, 13-15.

[69]Eastern Christianity is not Pelagian. If the term "semi-Pelagian" means man takes the first step to God, then Eastern Christianity is most emphatically *not* "semi-Pelagian." Eastern Christianity recognizes that grace initiates, accompanies, and completes all that is good, but it rejects absolutely any notion of an irresistible grace. See the often unread and mostly misunderstood work by St. John Cassian — *Conference XIII;* see also the good study on Cassian by Owen Chadwick — *John Cassian* (Cambridge: University Press, 1968), pp. 110-136.

the very Will of God not to overpower man, not to *force* a man to come to the good. This free co-operation of man in the process of his salvation is assumed in the theology, the ascetical writings, and the liturgical texts of Eastern Christianity. In the understanding of Eastern Christianity the results of the fall of mankind were seen ontologically and not juridically.[70] While Augustine and Calvin stressed a God of Wrath whose justice demands the existence of hell,[71] Eastern Christianity has stressed the Love of God whose forgiveness extends to all who will receive it.[72]

V

THE LITERARY DIFFERENCE
DETERMINISM AND FREEDOM

That determinism which weaves its way so consistently through American thought is the real source of Chillingworth's actions. When Hester challenges him to purge himself from the hatred "that has transformed a wise and just man to a fiend," he responds:

> It is not granted me to pardon. I have no such power as thou tellest me of. My old faith, long forgotten, comes back to me, and explains all that we do, and all we suffer. By thy first step awry, thou didst plant the germ of evil; but since that moment, it has all been *a dark necessity.* Ye that have wronged me are not sinful, save in a kind of typical illusion; neither am I fiend-like, who have snatched a fiend's office from his hands. *It is our fate.*[73]

With Hawthorne there is not only a general tendency to make use of determinism but also, when decisions are possible, there is a de-emphasis of the personal element and responsibility in the

---

[70]The "original sin" led to suffering and death precisely because sin is a dissolution of human nature, a process of decay which can only lead to the direction of non-existence. Since man turns from the source of life, he ontologically directs himself toward death. The favorite Augustinian notion of "sinning in Adam" must be seen as a "sinning with" rather than "in" Adam.

[71]The Augustinian influence is shockingly apparent in the poetic vision of Dante in Canto III of his Inferno — Justice moved the Divine Power to create hell: "Giustizia mosse il mio alto fattore; fecemi la divina potestate, la somma sapienza e il primo amore." In Eastern Christianity hell is the logical result of spiritual freedom — that is, there will be some who will not want goodness; hell is not the creation of God.

[72]As Jonathan Edwards' sermon typifies a certain Calvinistic ethos so does the sermon attributed to St. John Chrysostom and read every Easter typify a certain ethos of Eastern Christianity.

[73]Hawthorne, *op. cit.*, XIV.

process of decision-making. With Dostoevsky,[74] on the contrary, the idea of freedom is at the center of his philosophy of life, and moments of decision fill the pages of his works. "For Dostoevsky the theme of man and his destiny is in the first place the theme of freedom... freedom is the centre of his conception of the world... his hidden pathos is a pathos of freedom."[75] Whereas Chillingworth is a helpless, passive object of an inexorably determined fate, the center of the drama in *Crime and Punishment* concerns Raskolnikov's free acceptance of that idea whose origin disturbs him. It is noteworthy that Sonya, realizing fully for the first time that Raskolnikov is a murderer, falls on her knees before him, stating: "What have you done — what have you done to yourself?"[76] This most interesting but often overlooked statement is noteworthy in two respects. First, it acknowledges that Raskolnikov is responsible for his actions and thoughts. Secondly, it presupposes an ontological perspective of evil — that is, that the greatest victim of evil is the perpetrator. In words that echo the spiritual literature of Eastern Christianity Sonya exclaims with empathy: "There is no one — no one in the whole world now so unhappy as you!"

HUMAN NATURE AND THE CHILD

The Augustinian-Calvinistic doctrine of a totally depraved humanity is personified in *The Scarlet Letter* by the character of little Pearl, whose "perversity" is "ten-fold" that of other children,[77] whose "composition" knows "no law, no reverance for authority, (and) no regard for human ordinances."[78] Pearl, the "sin-born child," the "little elf," the "airy sprite," the "born outcast," the "imp of evil," the "emblem and product of sin" with a "fiend-like face full of smiling malice... so perverse... so malicious" and with her "unhuman laugh" contains within her "the bitterest hatred that can be supposed to rankle in a childish bosom..." and "all this enmity... (she) had inherited by inalienable right." So

---

[74]The English translation of Garnett is inaccurate in two texts. Marmeladov's statement "... such is my fate and I am a beast by nature" is misleading. The Russian text is: «но... такова уже черта моя, а прирожденный скот». Also the English translation in reference to Raskolnikov's seeing Lizaveta in the Hay Market is misleading." (it always seemed to him afterwards the predestined turning-point of his fate." In the Russian text the word «предопределением» is restricted by «как бы» and «каким-то».

[75]Nicholas Berdyaev, *Dostoevsky*, Meridian (New York: World, 1957), p. 67.

[76]Dostoevsky, *op. cit.*, V, 4.

[77]Hawthorne, *op. cit.*, VIII.

[78]*Ibid.*, X.

perverse is little Pearl that her mother, Hester, exclaims: "What is this being which I have brought into the world!" Hester "could not help questioning whether Pearl was a human child" because Pearl was so "like a thing incapable and unintelligent of human sorrow." So perverse is she that her own father, Rev. Dimmesdale, is uncertain whether she is "capable of good." "What, in Heaven's name, is she?" asks Chillingworth, "Is the imp altogether evil? Hath she affections? Hath she any discoverable principle of being?" The community considers this little child, whose "nature had something wrong in it," as a "witch-baby," as a "demon offspring," as a child of the "Prince of the Air." Pearl, unfortunately, is not the only "unhuman" character in the works of Hawthorne.[79]

Is such an atmosphere Dostoevskian? Assuredly not. For Dostoevsky the child-theme is almost a sacred subject.[80] In *Crime and Punishment* there is the unforgettable scene when Raskolnikov is a child. In Raskolnikov's dream of Mikolka Dostoevsky vividly portrays the innocence and the spontaneity of the child. The same center and bearer of existence, the person of Raskolnikov, is the simultaneous possessor of his present corrupt state of existence and ineluctably the retainer and bearer of all his past events, impressions, and attitudes. Beneath the surface of the corrupt, cynical adult is the simple, innocent goodness of the child. The child, who will soon lift as an adult the axe to slay human life, is utterly shaken as he sees the perverse brutality of Mikolka toward his "thin little sorrel beast" and is incapable of containing his grief. He shouts, he begs them to stop, he runs to them, he hits them, and finally he "made his way screaming through the crowd to the sorrel nag, put his arms round her bleeding dead head and kissed it, kissed the eyes and kissed the lips..."[81] Rather than the personification of an utterly depraved human nature as in Hawthorne, the child in Dostoevsky *spontaneously feels* and *intuitively knows* the good.[82]

It must not be forgotten that Dostoevsky did not imbibe that atmosphere in which human nature was considered a "lump of perdition," etc. Instead he imbibed an atmosphere in which fallen

---

[79]Among others see Beatrice in "Rappaccini's Daughter," and Hilda in *The Marble Faun.*

[80]See the excellent study by W. W. Rowe, *Dostoevsky: Child and Man in His Works* (New York: New York University Press, 1968).

[81]Dostoevsky, *op. cit.*, I, V.

[82]It is not accidental that Dostoevsky describes Sonya as "child-like." She attracts children. Svidrigailov, on the contrary, finds that "the children all ran away in indescribable terror." (VI, 6).

human nature, as nature, was considered good.[83] Dostoevsky heard children described as — "this spotless child," "this uncorrupted child," "this child most pure," "this blessed child," and "the citizen of Paradise. He heard them compared to "a pure little bird" because "they are not accounted sharers in life's evil."[84]

VI

CONCLUSIONS

First, there is no evidence that Dostoevsky ever read Hawthorne or was influenced by him.

Secondly, although there is an alleged similarity between the characters in Hawthorne and Dostoevsky, we find that these characters are essentially different. The origin, nature, and scope of Raskolnikov's transgression, the nature of his guilt and repentance, and the community's view of him — these separate him essentially from Dimmesdale. The cause and nature of Sonya's transgression and her attitude toward it, her humility and her influence on Raskolnikov — these qualitatively contrast her with Hester. And Svidrigailov's sensualism and Chillingworth's "unhuman" callous revenge differ. Although we were forced in this brief study to restrict our comparisons to three characters from *Crime and Punishment* and *The Scarlet Letter,* the essential difference is found in other characters also.

Thirdly, the greatest difference between Dostoevsky and Hawthorne is that of ethos, of atmosphere. The Augustinian-Calvinistic heritage, against which Hawthorne rebelled, and the spirit of Eastern Christianity account for the profound difference in the atmosphere of their respective works.

Finally, there are many other areas of difference which we could not touch upon in this brief study. For example, Dostoevsky was an interesting political thinker; Hawthorne cared little about political theory. Although it is true that Hawthorne was once interested in utopianism, he soon outgrew this interest while Dostoevsky's early political radicalism and socialism grew into

---

[83]Some Protestant interpretations of Dostoevsky which claim he viewed human nature as depraved, totally unreasonable, and incapable of good are quite mistaken. It is quite astonishing that a thinker such as Karl Barth could claim that without having read Dostoevsky he could not have written his *Commentary on Romans.*

[84]From the English translation of the Order for the Burial of a Child in the Eastern Orthodox Church.

a profound spiritual utopianism based on the repentance of all. Secondly, Dostoevsky was a great metaphysician. The ultimate questions of existence were Dostoevsky's chief concern and his works and his *Notebooks* abound with such seethingly urgent problems. Hawthorne's works and *Notebooks* lack any preoccupation with the central mysteries of human existence. Thirdly, it would be interesting to compare types in the works of both authors. For example, in Hawthorne there are no positive clergymen (excepting Rev. Dr. Burroughs who is characterized as a "most genial old clergymen... with nothing Calvinistic about him"). An interesting study would be to compare Father Zossima and Rev. Hooper in "The Minister's Black Veil." Fourthly, there is a cosmic dimension and a cosmic vision in Dostoevsky which is thoroughly lacking in Hawthorne. Fifthly, there is great humor in Dostoevsky which it is difficult to discover in Hawthorne. And lastly, Dostoevsky's "Romantic Realism" differs greatly from the stylistic technique of Nathaniel Hawthorne, the Romantic Allegorist.

We in no way wish to denigrate Hawthorne, who remains, in our opinion, a great American writer. It is precisely in a false comparison with a giant like Dostoevsky, a writer whose thought is immensely deeper and of vaster scope than Hawthorne's, a writer with whom few can compare, that Hawthorne's reputation illegitimately suffers.

«ЭВКЛИДОВ МЕТОД» В КОМПОЗИЦИОННОМ ПОСТРОЕНИИ И ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ЗАМЫСЛЕ РОМАНОВ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

*by George Krugovoy**
Swarthmore College

В своей знаменитой беседе с Алешей Карамазовым Иван (кн. V гл. 3) говорит об эвклидовых качествах человеческого познания. Оно не может выйти за пределы трехмерности кантовских категорий рассудочного или позитивистического, эмпирического понимания действительности. Поэтому человеческое познание существенно ограниченно и несовершенно. Но т.к. выйти за пределы, положенные законами мышления, человеку не дано, то ему не остается ничего другого, как полагаться исключительно на данные эмпирического и исторического опыта и систему логических умозаключений, если он хочет достичь более или менее удовлетворитлельного подобия объективной и общеобязательной истины. На основе этой интеллектуальной позиции Иван Карамазов в последующем развитии беседы возводит логически последовательную и рационально неумолимую систему умозаключений.

Вот эти выводы Ивана:

1) Бог не существует: безусловно, т.е. абсолютно, благой и разумный Бог не мог создать тот абсурдно-нелепый и фантастически злой и жестокий мир, в котором мы живем. Благой Бог, творящий злой мир, логически противоречит разуму. Он — вопиющее contradictio in adjecto. Поэтому Его нет. Если даже в полемических целях можно гипотетически допускать Его существование, то последовательный рациональный и опытный анализ показывает нелепость такой гипотезы.

2) Христос, как бы он не был нравственно и духовно прекрасен в личном плане, в плане социального бытия человечества —, увы, только фантаст. Он не понял подлинной природы человека и

*GEORGE KRUGOVOY is Associate Professor of Russian at Swarthmore College.

учил людей организовывать свою жизнь на основании принципов, на которых жизнь невозможно ни преобразовать, ни даже мало-мальски осмысленно и разумно устроить. Следовательно для разумного и эффективного построения социального бытия человечества Христос так же не нужен, как не нужен ему Бог.

И вот, несмотря на всю рационально неопровержимую логику аргументации Ивана, Алеша Карамазов тем не менее восклицает: «Поэма твоя есть хвала Иисусу, а не хула . . .» Такое впечатление выносит, однако, не только вымышленный персонаж романа, религиозный и ангелический Алеша, но очень часто и сам читатель. В этом, разумеется, и состояла главная задача Достоевского, художника и мыслителя. Целостное искусство опровергает, с точки зрения писателя, одностороннюю гордость рассудка. Чувство больше рассудка, жизнь больше диалектики.

Но если подобный эффект на читателя с самого начала опрелелял идейное и композиционное построение «Братьев Карамазовых», то перед литературоведом естественно возникает вопрос: какими художественными средствами, каким композиционным приемом достигает Достоевский желаемого им результата?

С моей точки зрения «эвклидову методу» в идейном и творческом методах Достоевского принадлежит исключительно значительное место. Что же понимал под этим методом Достоевский? Как и многие художественные образы и приемы в романах писателя, образ «эвклидова ума» двоится и ему присуща многоплановость. С одной стороны, в романе «Братья Карамазовы» эпитет «эвклидов» имеет строго ограниченное значение в смысле материалистической и позитивистической теории познания, как, впрочем, и теории познания критического идеализма Канта. Достоевский говорит о невозможности для человеческого ума в поисках объективной истины выйти за пределы трехмерных временно-пространственных отношений, в которые он поставлен. Так об этом говорит и сам Иван Карамазов: «если Бог есть и если он действительно создал землю, то, как нам совершенно известно, создал он ее по эвклидовой геометрии, а ум человеческий с понятием лишь о трех измерениях пространства».

Обычно этот самый очевидный аспект термина «эвклидов» и замечают и на этом останавливаются. Тем не менее познавательная и художественная функция термина не исчерпывается одним этим значением и именно здесь раскрывается его образная и гносеологическая многоплановость.

Дело в том, что собственно «эвклидова геометрия», которую мы все изучали в школе, в числе своих методов доказательства теорем, располагает методом «доказательства от противного». Когда Эвклид не был в состоянии доказать правильность той или

иной теоремы путем положительных и самоочевидных аксиоматических утверждений, он говорил — «допустим обратное...» И когда «обратное, противное» в своем логическом развитии доводило себя до абсурда, как внутренне-противоречивое, правильность теоремы уже не вызывала сомнений.

Именно этот метод «доказательства от противного» использует Достоевский для рационального обоснования положительных идей в рамках своего христианского сознания. Благодаря этому «эвклидов метод» и смог стать средством не только идеологической полемики с нигилизмом и материализмом 60-х и 70-х г.г., но и художественно-композиционным приемом, соопределяющим развитие сюжета романа.

В каждом из своих больших романов Достоевский как бы говорит и своим читателям и своим идейным оппонентам: допустим, что та или иная из модных рационалистически аргументированных теорий верна. Что из этого должно получиться, если эти теории будут претворены в жизнь? Каждый из романов писателя пытается разрешить один или несколько из таких вопросов.

В «Преступлении и наказании» исследуется идея нравственной относительности человекоубийства. Допустим, что убийство совершается во имя высших целей, а потому может быть оправданно...

В «Идиоте» обсуждается тема экзистенциального одиночества человека и абсурдности бытия, в котором конкретного Бога религии заменил абстрактный бог философского идеализма, фетишизм естественных наук с их безличными и общими для всех нерушимими законами природы или просто закон наживы.

В «Бесах» анализируются последствия экзистенциального и революционного своеволия.

В «Подростке» рассматриваются разрушительные последствия религиозно-национальной «беспочвенности», как ее понимал Достоевский, на жизнь семьи и общества в условиях России 70-х г.г.

В «Братьях Карамазовых исследуются логические и экзистенциальные последствия изгнания из человеческого сознания идеи «Бога» и идеи «бессмертия».

На страницах романов эти идеи художественно и логически доводятся до конца в рамках вымышленного повествования. Но катастрофические последствия этих идей в романах с одной стороны указывают на их экзистенциальную «ложность», а с другой стороны, экзистенциально исключая самих себя, они как бы подтверждают правильность положительных утверждений Достоевского по принципу — «Третьего не дано» tertium non datur.

Вымышленное повествование в рамках реалистического романа оказывается как бы художественной лабораторией, где проверяется «спасительность» или «безисходность» тех или иных философско-идеологических теорий. В этом и состоит, с моей точки зрения, «эвклидов метод» писателя и как метод философской полемики и как художественно-композиционный прием.

Как мы видим, в таком подходе Достоевского гораздо больше логической рациональности, чем мистики. Недаром писатель называл любимого им Алешу Карамазова реалистом, а не мистиком. Но дело в том, что «эвклидов метод» не противоречит «мистическому реализму» писателя. Больше того его очень легко можно сблизить с методом так называемого и существенно мистического «отрицательного богословия», которое, стараясь облегчить понимание тайн божества, говорит о том, ЧТО Бог не есть и ЧЕМ Он не может быть, если Он есть Бог.

Религиозный мыслитель Достоевский художественными средствами стремился показать, КАКИМ ЧЕЛОВЕК НЕ ДОЛЖЕН БЫТЬ, если он хочет быть или стать ДИТЯТЕЙ БОЖЬИМ, если он хочет реализовать в себе и в своей жизни образ Христа, т.е. стать Человеком в высшем и самом полном смысле, как его представлял себе Достоевский.

На протяжении всего своего творчества Достоевского мучили две главные и самые важные для него темы — тайна Бога и тайна человека. «Эвклидов метод» оказался одним из средств проникновения в эти тайны, которые для Достоевского оказались тайной Богочеловека.

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ ДОСТОЕВСКОГО

(Об иерархической структуре его романов)

*by Sergei Levitsky**
Georgetown University

Большинство русских и иностранных литературных критиков занимались Достоевским более как религиозным философом и психологом чем как художником. Я говорю именно о критиках, а не об историках литературы, целые толпы которых до сих пор тонут в море фактов из жизни и творчества великого писателя, — и будут еще долго тонуть в этом море.

Я сказал «более», — так как даже в самых философских исследованиях о Достоевском (например, в классических книгах Мережковского, Бердяева, Шестова, Лосского, Романо Гвардини и других) — рассыпано немало метких наблюдений и над формальной структурой его романов.

Кроме того, существуют по крайней мере две книги, в которых философский анализ тесно связан с исключительно ценным анализом формальной структуры его произведений. Я имею в виду книги — Вячеслава Иванова «Достоевский как мифотворец», и Н. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского». Помимо того, имеется, конечно, немало других работ, специально посвященных именно художественному мастерству Достоевского (например, статьи Леонида Гросмана).

Тем не менее, говоря в целом, можно сказать, что в деле формального анализа творчества Достоевского сделано гораздо меньше, чем в деле освоения и интерпретации его философско-психологического наследия.

Настоящая работа отнюдь не претендует на новизну. — Трудно в наше время сказать что-либо новое о Достоевском. Она является, тем не менее, новой попыткой анализа структуры

---

*SERGEI A. LEVITSKY is Associate Professor of Russian Literature at Georgetown University, Washingtown, D. C.

романов писателя, в тесной связи с философским и психологическим значением его творчества.

С этими оговорками приступим к теме:

Когда мы погружаемся в мир сознания Достоевского, у нас создается впечатление, что нам не хватает дыхания в этой сгущенной атмосфере, чреватой грозами и молниями. Не все могут выдерживать это высокое давление страданий и греховности. Не всем дано любить Достоевского. В своих произведениях он рисует темное подполье человеческой души, и этот темный мир подсознания лишь изредка озаряется проблесками солнца. Многие читатели поэтому инстинктивно отталкиваются от Достоевского. В самом деле, персонажи писателя, столь магически оживотворенные его гением, производят странное впечатление сочетания банальности и ирреальности, безумия и высшей мудрости. Во всяком случае, они не ведут себя как джентльмэны, как выразился когда-то один английский критик. В этом странном мире все возможно. Говоря словами самого писателя, «здесь берега сходятся и противоречия вместе живут». Конфликты страдания и жестокости, гордыни и смирения растут лавинообразно, кульминируя в трагедии.

Вячеслав Иванов был первым критиком, обратившим внимание на то, что Достоевский как бы бессознательно придерживался закона «единства действия, времени и пространства», — закона, на котором построены античные трагедии. Тот же Вячеслав Иванов метко назвал романы Достоевского «роман-трагедиями». Эта художественная форма («Роман-трагическая») обусловила собой своеобразие структуры его произведений, их коренную отличность от классических русских романов 19-го века. В самом деле, если мы будем мерить романы Достоевского традиционными мерками романов Тургенева, Гончарова, даже Льва Толстого, — то Достоевский может показаться больным и даже «жестоким талантом» (как он и был назван Михайловским).

Но, с другой стороны, было бы неестественным, если бы трагическое содержание было подано в элегантной форме, — как неестественны были бы могучие аккорды «Бориса Годунова» в моцартовски-стройной симфонии. Искусство имеет двух богов — Аполлона и Диониса — бога прекрасной формы и бога страдальческих мистерий.

В русской литературе этот дуализм ярче всего олицетворяется в контрасте между Пушкиным и Достоевским. Солнечный гений Пушкина, этого русского Аполлона, контрастирует столь резко с ночным гением Достоевского — русского Диониса. Именно этим контрастом объясняется тот факт, что Достоевский всю жизнь столь высоко почитал Пушкина и влекся к нему. — В

Пушкине он находил ту стихию светоносной гармонии, которой ему самому столь недоставало.

Во всяком случае, ночной мир Достоевского, озаряемый вспышками бенгальского огня его гениальных интуиций, должен быть понят иначе, чем дневные или вечерние миры большинства других русских великих писателей. Соответственно, его художество должно быть измеряемо и оцениваемо законами трагических мистерий, а не гармонической формы.

Романы Достоевского, в отличие от романов Толстого, развиваются не столько вширь, сколько вглубь. Это — путешествие в глубины человеческих душ или к вершинам человеческого духа, — путешествие, чреватое таким же опасностями, какими полны спуск в пропасти или восхождение, через крутизны, на горы или исследование пещер.

Герои Достоевского, по меткому замечанию Бердяева, только тем и заняты, что разгадывают себя и других. Большинство главных героев писателя — загадочны (особенно Ставрогин). В контраст этому, многие эпизодические лица нарисованы автором в их полной портретности (например, мадам Хохлакова или Лебедев).

По существу, романы Достоевского — психологические и философские трагедии. Это — «романы-трагедии», как это хорошо подметил и прекрасно проанализировал Вячеслав Иванов.

Сугубо психологический и трагический замысел романов Достоевского обусловил собой и их особую форму. — Они построены на нарастании трагической ситуации, достигающей обычно своего апогея к самому концу. Но, как художник, Достоевский отлично отдавал себе отчет в опасностях «пересыщения» драматизмом и трагизмом. Именно поэтому в романах Достоевского мы встречаем столько эпизодических лиц, вставных сцен, иногда немало жестокого своеобразного юмора, и нередко — почти протокольного реализма, в жанре которого ведется сюжетное повествование. (Особенно характерны в этом отношении «Бесы», где весь рассказ ведется от имени некоего анонимного и отнюдь не слишком глубокомысленного рассказчика, которому известны, однако, все нити сложного сюжета.)

Если Толстой рисует свои характеры часто на протяжении всей их жизни, причем мы воочию наблюдаем их созревание и постарение, — то Достоевский «подает» своих героев в самые критические моменты или периоды их жизни. Он как бы ставит своих героев в предельные, критические ситуации, заставляя этим самым раскрыться их до конца, до последних извивов души.

Писатель как бы экспериментирует со своими героями, подавая их под высоким атмосферным давлением, чуть ли не в

психологически-лабораторных условиях. Мережковский сравнивал в этом отношении романы Достоевского с опытами при крайне высоких или крайне низких температурах, когда воздух становится жидким, когда железо испаряется и т.д. Если бы Мережковский писал свой знаменитый труд в наше время, то он, несомненно, сравнил бы психологическую атмосферу романов Достоевского с процессами, совершающимися в атомных реакторах. Атомы души у Достоевского как бы расщепляются на мельчайшие психологические микро-частицы, причем иногда происходят своего рода «атомные взрывы душ».

Когда некоторые читатели упрекают Достоевского в нарушении жизненной, точнее, бытовой реалистичности, то они по-своему правы, хотя и не правы по существу.

Таких героев как Ставрогин или князь Мышкин, действительно, «не бывает» в условиях обычной жизни. Но эти образы, говоря словами писателя, «реальны в высшем смысле». — Они представляют собой *воплощение психологических возможностей,* редко реализующихся в нормальной, бытовой жизни. Это не исключает того, что, как художник, Достоевский, конечно, — реалист. Но опять таки он реалист «в высшем смысле». — Достоевский рисует не только и не столько эмпирическую действительность, сколько те психологические возможности, которые таятся в ней. Достоевский — художник безграничных душевных возможностей, — как во зле, так и в добре.

Все это, повторяем, обусловило собой особую структуру его романов. — Мы сказали уже, что его произведения развиваются не столько вширь, сколько вглубь. Попытаемся теперь уточнить эту параболу.

Некоторые критики уже давно обратили внимание на многопланность романов Достоевского, на наличие в них более внешних и более внутренних пластов. Одним из первых подчеркнул эту многопланность Вячеслав Иванов. Другой критик, Сергей Гессен, различает в романах Достоевского три основных плана — первый — внешний, сюжетный, построенный обычно на запутанной интриге, влкючая криминально-детективные хитросплетения. Далее — второй, более внутренний, психологический план, в измерении которого Достоевский производит головокружительные экскурсы в область глубин подсознания. В этом втором плане Достоевский занят — мало сказать, психологическим анализом, — он занят «психоанализом», (хотя сам психоанализ появился четверть века спустся после смерти писателя). Нечего и говорить, что в этой области Достоевский проявил гениальную проницательность, перевернув господствовавшие в его эпоху плоско-рационалистические представления о законах

душевной жизни. Недаром Ницше говорил, что Достоевский — «единственный психолог, у которого я мог чему-то научиться». Достоевский — один из глубочайших психологов всех времен.

Но глубинность Достоевского не исчерпывается одной психологией. В его романах наличествует еще один — третий, наиглубиннейший — метафизический, или, если угодно, мистический план. В этом сокровенном плане у Достоевского происходит живая диалектика идей, — мы понимаем это слово в платоно-гегелевском, а не в обычном «общественном» смысле. К этой области, еще более, чем к чисто психологической, применим известный афоризм Мережковского («Достоевский — тайновидец духа»). — Не только и не столько психология, сколько именно царство человеческого духа, с его божественными и сатанинскими возможностями, составляет главный фокус внимания писателя. Здесь писатель исследует мир платоновских идей, прослеживает их диалектику, и именно здесь происходит (говоря словами самого Достоевского) «касание мирам иным».

Этот глубиннейший, метафизически-мистический план доступен лишь лицам с философскими интересами и, главное, с известным мистическим опытом. Именно поэтому, думается, атеисты и агностики и, вообще, лица слепые в религиозно-философском отношении, никогда не смогут понять истинное значение творчества Достоевского.

Некоторые исследователи различают еще больше количество планов в структуре романов Достоевского. Так, профессор Зернов, например, говорит о наличии пяти таких планов. Мне это представляется ненужным усложнением вопроса.

Во всяком случае, несомненно, что в романах Достоевского наличествует, по крайней мере, три основных плана, причем более внешние пласты служат средством к выражению пластов более внутренних. По мере углубленного чтения произведений писателя, мы проникаем во все более внутренние пласты. Этим и подводится основание под метафору, что «романы Достоевского развиваются во-внутрь и вглубь».

Разумеется, наличие нескольких планов или пластов в романах Достоевского менее всего означает, что они «составлены» из этих пластов. Романы Достоевского представляют собой «единство в многообразии», и все три плана здесь со-существуют и взаимопроникают друг друга. Различать эти планы можно — и нужно — лишь в целях анализа структурных особенностей его творчества.

Хочется добавить еще несколько слов о структуре глубиннейшего, метафизического плана. — У Достоевского по большей части каждый герой является носителем и воплотителем своей

неповторимой и индивидуальной идеи — как это было тонко подмечено и превосходно проанализировано Н. Бахтиным в его замечательной книге «Проблемы творчества Достоевского» (1929). (Заглавие второго издания, выпущенного почти через сорок лет после первого — «Проблемы поэтики Достоевского» 1963).

Достоевский «проводит» в своих романах не одну определенную идею, а сразу несколько идей, со-существующих одна с другой и нередко противоречащих одна другой. При этом каждый герой выражает свою идею своим неповторимым «голосом». Именно поэтому Бахтин говорил о «многоголосости» произведений Достоевского и назвал его романы *«полифоническими»*.

Книга Бахтина о Достоевском, вообще, настолько замечательна как меткостью и тонкостью наблюдений автора, так и широтой синтеза, что мне придется сказать о ней несколько слов, разумеется, в рамках моей темы.

Бахтин обращает прежде всего внимание на то, что художественный и духовный мир Достоевского — не монистичен, а плюралистичен. Достоевский, по Бахтину, изображает «множественность самосознаний». Причем эти самосознания, то есть внутренние миры его героев, находятся в напряженном контакте друг с другом. Герои Достоевского постоянно ведут диалог друг с другом, причем даже внутренние их монологи построены диалогично, — «с оглядкой на чужой голос». В этом — отличие Достоевского почти от всех русских классиков. Толстой также изображал «множественность сознаний». (Например, князь Андрей и Пьер — два главных героя в «Войне и мире»). Эти герои иногда спорят друг с другом. Но между ними не происходит постоянного диалога — фактического или потенциального, как это имеет место у Достоевского.

Говоря словами Бахтина, — «в романах Достоевского как бы слышится согласованная многоголосость, гармоническая полифония». — «Не множество характеров и судеб в одном объективном мире», — продолжает советский критик, — «развертывается в его произведениях, но именно множественность равноправных сознаний с их мирами... сочетается здесь в единство авторского замысла»... «Главные герои Достоевского в самом творческом замысле художника, — не только объекты авторского слова, но и субъекты собственного, непосредственно значащего слова».

Романы Достоевского, по характеристике Бахтина, представляют собой «единство и разнообразии». Бахтин приводит, в конкретное подтверждение своего тезиса, красочную характери-

стику композиции романов писателя, данную Леонидом Гроссманом. Приведем отрывки из этой замечательной характеристики:

> ... Сочетать в едином художественном создании философские проповеди с уголовными приключениями, включить религиозную драму в фабулу бульварного романа, провести сквозь все эти перипетии авантюрного повествования к откровениям новой мистерии — вот какие художественные задания выступали перед Достоевским и вызывали в нем сложную творческую работу... Вот почему книга Иова, Откровение Святого Иоанна, евангельские тексты... своеобразно сочетаются здесь с газетой, анекдотом, пародией, уличной сценкой, гротеском и даже памфлетом...

Сам Бахтин уподобляет, в связи с этим, духовный мир Достоевского миру творца теории относительности — Эйнштейна. Бахтин добавляет, что «Достоевский так же 'перерос' монологический, обычный роман, как Эйнштейн перерос Эвклидову геометрию, заменив ее множественностью систем алгебраически-геометрического отсчета».

Само время у Достоевского, по аналогии со временем Эйнштейна, — относительно. Он то течет с томительной медленностью, то развивает бешеную скорость.

Как бы то ни было, между подходом к Достоевскому Бахтина и моим подходом в даной статье имеется одно существенное отличие. — Бахтин видит основные категории художественного мира Достоевского во «взаимодействии, со-существовании и диалогичности». Он рассматривает композицию романов писателя, так сказать, в горизонтальном разрезе.

Я же имею в виду вертикальный разрез творчества писателя. — Меня интересуют в данной работе, главным образом, иерархические планы романов писателя. При этом термин «полифоничность», столь удачно примененный Бахтиным в деле анализа композиционного своеобразия писателя, сохраняет свою значимость и для вертикального, иерархического анализа структуры романов Достоевского.

Эта «полифоничность» особенно видна в «Бесах», где Ставрогин, Кириллов, Шатов, отчасти Петр Верховенский, — являются носителями различных индивидуальных идей, обитателями различных духовных миров.

Как пламенно верующий христианин, Достоевский не разделял ни одной из идей этих «бесов» и выступал, конечно, обличительно против них. Но, как трагический и полифонический художник, он сумел сообщить индивидуальные оттенки не только «голосам» этих героев, но и обуревавшим их идеям.

В «Братьях Карамазовых» главным носителем идей сверхчеловечества является, конечно, Иван (ибо и Смердяков, и черт — лишь эманации идейного мира Ивана). Носителем противоположной идеи смирения и христианской любви является старец Зосима и, отчасти, его ученик Алеша.

В данном случае естественно было бы ожидать, что Достоевский «изобличит» Ивана, поскольку его сердце было, конечно, на стороне Зосимы и Алеши. Отчасти такое «изобличение» имеет место в романе. Все же, как художник, Достоевский и в данном случае сохраняет «вооруженный нейтралитет» и выражает идеи Ивана с их наиболее импрессивной, наиболее выгодной стороны.

В результате, не только образ Ивана получился гораздо ярче образов его положительных героев. — (Это — свойство не только Достоевского. «Ад» Данте также изображен сильнее, чем его «рай»). — Но и идеи Ивана изложены с бóльшим диалектическим искусством и большей духовной заманчивостью, чем разделяемые самим автором идеи старца Зосимы.

Достоевский обладал редким искусством «драматизации идей», и идеи Ивана Карамазова, Кириллова и Ставрогина более драматичны по своей природе, чем духовно-гармонические, христианские идеи старца Зосимы.

Так или иначе, перечисленные нами три основных плана романов Достоевского (сюжетный, психологический и метафизический) действительно наличествуют в творчестве писателя, составляя одну из характернейших особенностей его композиционного искусства.

Мы упоминали также, что более внешние планы романов служат у Достоевского средством к выражению планов более внутренних. В этом смысле (но только в этом) Достоевский может быть назван символистом. — Достоевскому чужды были, конечно, декадентские настроения, характерные для ранних символистов. Кроме того, он не был, конечно, поэтом. Но вполне законно проводить параллели между романами Достоевского и символической прозой («Мелкий бес» Сологуба, «Петербург» Белого). Характерно, что эти символические романы были написаны под несомненным влиянием Достоевского (хотя — далеко не его одного). Но, со всеми этими оговорками, Достоевский может быть условно назван символистом, если угодно — «трансцендентальным символистом».

С этим условным символизмом Достоевского связан ряд иных характерных особенностей его творчества. Загадочность главных героев в начале и «разоблачение» их в конце, необычайная динамика и быстрота действия, когда события, которые нормально заняли бы годы, происходят в течение нескольких недель, пере-

ходы от глубинного психологического анализа к американским темпам детективного кино-фильма, и многое другое.

Поскольку Достоевский — более художник неограниченных душевных возможностей, чем художник эмпирической действительности, — это обусловило собой и особую структуру времени у писателя. Прежде всего — нагромождение драматических ситуаций, иногда переходящее в некий «супер-драматизм». Это потребовало, так сказать, «сжатия времени». Метод «ускорения времени» был сознательно использован Достоевским. Время Достоевского — не равномерно текущее, математическое время, а скорее «творческая длительность» (durée) Бергсона. В этом, между прочим, один из контрастов между Марселем Прустом и Достоевским. У Пруста время сознательно замедлено, поскольку французский писатель занят «поисками утраченного времени». У Достоевского же замедленным бывает, повторяем, лишь начало действия, — в контраст бешеному развороту событий и душевных катаклизмов к концу.

Само пространство у Достоевского — скорее «кривое» пространство Лобачевского, чем классическое пространство Эвклида. В пространстве Эвклида параллельные линии никогда не сходятся, в то время как у Достоевского — слишком много невероятных совпадений (аналогично «схождению» прямых линий у Лобачевского).

Эти совпадения мало вероятны в бытовом смысле, но у Достоевского они тщательно продуманы — ему нужно было нередко «сопоставить» два разных духовных мира, чтобы получилась цепная реакция самообнаружения героев.

Вообще, установившееся в некоторых читательских кругах мнение о том, что Достоевский-де «берет содержанием, а не формой», что стиль у него «неряшлив», так как он писал часто наспех, и прочее, — все эти обывательские взгляды, снижающие значение Достоевского как художника, не выдерживают сколько-нибудь строгой критики.

Достоевский не только превосходно владел искусством занимательности. Он придавал прежде всего чрезвычайное значение художественной стороне своих произведений. Известно, что роман «Идиот» переделывался автором чуть ли не семь раз (причем «голова его обратилась в мельницу» — по его собственному гиперболическому признанию,) — и именно ради художественной его отделки и несмотря на сроки, которыми он был стеснен. Вообще, он был мастером своего дела именно как художник.

Нельзя же мерить искусство Достоевского меркой классического русского реализма — меркой Тургенева или Гончарова. Особые глубинные задания, которые ставил себе Достоевский,

требовали особых, по существу, фантастических, средств ради осуществления этих заданий.

Верно, что Достоевский писал часто наспех. Однако, он никогда почти не давал в печать вещи, недостаточно отделанные им художественно, хотя бы это стоило ему высокого нервного напряжения и бессонных ночей.

Нервный, иногда истерический стиль Достоевского вполне соответствует тому глубинно-напряженному содержанию, которое он хотел выразить. Можно только удивляться тому тонкому искусству, с которым он выполнял свои творческие замыслы, несмотря на то, что он столь часто ставил себя в невозможные положения в смысле сроков сдачи их в печать.

О «неряшливости» стиля Достоевского писали преимущественно неглубокие критики, вроде Скабичевского, которые вообще скользили по поверхности и которые раз навсегда были загипнотизированы реалистическим искусством Тургенева, Гончарова, Писемского и т.д. Достоевский, конечно, также реалист как художник, но, как он сам говорил, — «реалист в высшем смысле».

Думается, что одно из наиболее удачных определений того жанра, в котором писал Достоевский, было дано не так давно Синявским, который назвал его «фантастическим реализмом», (хотя сам Синявский не относил этого определения прямо к Достоевскому).

Проиллюстрируем теперь некоторые из изложенных выше тезисов.

Если брать второй, глубинно-психологический план романов писателя, то примеров проникновения в самые глубины подсознания героев можно привести сотни.

Но особенно запоминаются:

Процесс созревания идеи преступления в уме Раскольникова. Вспомним, как случайно подслушанный разговор, касавшийся интересовавшей его темы, дал уже созревшей теории «права на преступление» новый стимул.

Вспомним также поразительный факт, что сразу после убийства старухи, и даже впоследствии, Раскольников позабыл позаботиться о захваченных им драгоценностях. Даже когда к Раскольникову стучался дворник (а он думал, что это — полиция), он инстинктивно зажал в руке улики и так и открыл дверь дворнику, даже не потрудившись спрятать своего маленького «сокровища». Вспомним незабываемые диалоги между Раскольниковым и следователем Порфирием Петровичем, когда оба собеседника отлично знают, о чем идет речь, но говорят как будто о постороннем. Порфирий ведет с Раскольниковым тонкую и жестокую игру в «кошки-мышки», пока он, наконец,

не ловит свою жертву, доведя Раскольникова до последнего исступления.

А незабываемая сцена с разбитием князем Мышкиным китайской вазы в гостиной Епанчиных? — Ведь Аглая, в которую князь был тогда влюблен, заранее предупредила Мышкина, чтобы он вел себя по-светски на светском приеме, чтобы не делал лишних жестов и, например, не разбил любимой семейной китайской вазы. Князь же, воодушевленный своей идеей о братстве всех людей и о красоте, которая «спасет мир», — во время своего восторженного монолога продвигался все ближе к заветной вазе, пока, наконец, не задел и не разбил ее. На тему об этой разбитой вазе современный психоаналитик мог бы написать целый трактат о «хитрости подсознания». Здесь невольно вспоминается афоризм родоначальника экзистенциализма, Киркегора: «Страх подобен взгляду змеи; он околдовывает». Добавим от себя — околдовывает и тайно влечет к себе.

Этот невинный будто бы для непосвященных эпизод с князем Мышкиным тиат на своем дне тайны логики подсознания (логики противоречия, нарушение заветного запрета).

Но особенно глубокое проникновение в последние тайны души, в данном случае темной души, можно видеть в разговоре Марии Лебядкиной (хромоножки) со Ставрогиным. — Она лучше и глубже чем кто-либо видит трагическую раздвоенность души Ставрогина — между его высоким предназначением и тем ужасным состоянием, до которого он довел себя, будучи одержимым демоном иронии и бесом сверхчеловеческой гордыни. Идеального Ставрогина хромоножка называет «князем» и «соколом», а падшего — «филином» (птицей тьмы) и Гришкой Отрепьевым (самозванцем). Вот краткие выдержки из этого диалога, полного «тайновидения духа», в данном случае — темного духа: «Нет, не может быть, чтобы мой сокол филином стал. Не таков мой князь... Похож-то ты очень похож, может, родственник ему будешь... только мой ясный сокол и князь, а ты — сыч и купчишка... Говори, самозванец, много-ли взял? За большие-ли деньги согласился?.. Прочь, самозванец, я моего князя жена, не боюсь твоего ножа... Гришка Отрепьев... Анафема!»

Можно было бы продолжить чуть ли не до бесконечности подобные душепотрясающие сцены, в то же время магически приковывающие к себе внимание. Но в рамках нашей литературно-критической и философской статьи эти примеры должны играть роль лишь иллюстраций наших основных тезисов.

Вообще, у Достоевского столько сцен с психоаналитическим и экзистенциальным подтекстом, сцен, поданных с предельным драматизмом, — что одно приведение показательных примеров

и иллюстраций могло бы занять целый вечер. Моя же тема — развитие идеи об иерархической структуре романов Достоевского. Только поэтому я воздержусь от приведения дальнейших иллюстраций и приступлю и заключительной части. Философская мысль, вообще требует известной аскетики и воздержания от самых соблазнительных иллюстраций.

Выскажем теперь нсколько комментариев к третьему — высшему метафизическому плану романов Достоевского.

В настоящей статье было бы неуместно прослеживать диалектику идей в его произведениях. Это потребовало бы слишком много времени, и на эту тему написаны сотни книг и статей.

В данной статье мне хотелось бы подчеркнуть лишь функциональную роль этого метафизического плана в архитектуре произведений писателя, а заодно подчеркнуть значение Достоевского как религиозного художника. Ибо метафизический план романов Достоевского есть, в последней инстанции, план религиозный.

Еще в начале шестидесятых годов, в ряде статей, опубликованных в журналах «Время» и «Эпоха», а позднее также в «Дневнике писателя», Достоевский не раз развивал идею «христианского искусства», как высшего рода художества.

Но и само творчество писателя было, по своему духу, христианским искусством. Романы-трагедии Достоевского можно рассматривать как христианские трагедии. В отличие от античных трагедий Рока, романы Достоевского суть «трагедии свободы», трагедии подпадения человеческого «я» духовным соблазнам гордыни и сверхчеловечества. В спасительный противовес этим богоборческим идеям он выдвигал христианскую идею смирения: «Смирись, гордый человек».

Но, обличая все смертные грехи гордыни, Достоевский остается при этом прежде всего художником, а не становится проповедником. (Для проповедей он избрал себе форум на страницах «Дневника писателя»).

«Герои зла» (Ставрогин, Иван Карамазов и другие) изображены Достоевским изнутри, в полной мере художественной объективности — при том несомненном факте, что автор вложил в них многое от своего субъективного «я». Так, о Ставрогине он говорил, что этот образ у него «из души вылился». Мало того, идеи этих атеистических героев выражены с самой их выгодной, сильной стороны. Эти негативные идеи обладают огромной заразительной силой.

Интересно, между прочим, что в то время как большинство русских критиков и философов больше восприняло идеи князя Мышкина, Алеши и старца Зосимы, — большинство иностранных

критиков находилось более под впечатлением философии отрицательных героев Достоевского. Но даже Победоносцев выразил в свое время тревогу по поводу той силы и глубины, с которыми представлена атеистическая философия Ивана, и считал, что проповеди старца Зосимы — недостаточное противоядие против этих «опасных» идей.

Это лишний раз показывает, что несмотря на все свое, иногда фанатическое, православие, в своих художественных творениях Достоевский ни разу не погрешил против неписанного канона об «идейно-психологическом» нейтралитете взыскательного художника. Этот «вооруженный нейтралитет» — одна из самых характерных черт эстетики Достоевского. Достоевский никогда не выводил морали из трагедии — это, конечно, снизило бы трагический пафос его произведений.

Итак, Достоевский — трагический романист «par excellence». Но трагедия немыслима без катарсиса — без той смеси эмоций благоговения, надежды и страха, в которых Аристотель видел психологическую сущность катарсиса. Мало того, катарсис должен иметь освобождающий эффект.

Созерцание ужасов и катастроф, которыми как раз полны романы писателя, должно настроить душу читателя на высокий лад и, главное, должно дать ему чувство освобождения.

Достоевский инстинктивно знал этот канон трагического искусства и свято соблюдал его. Да иначе, без катарсиса, произведения Достоевского не имели бы того захватывающе-притягательного эффекта, которым они несомненно обладают.

Этот катарсис носит в случае Достоевского тройной характер. Прежде всего, это — катарсис художественный. — После душевных бурь, страстей плоти и духа, мучительных сцен, скандалов и катастроф, — к концу романов Достоевского чуткий читатель не может не ощутить чувства некоего высшего спокойствия. Достоевский умел выводить читателя из смертоносного потока времени к порогу Вечности, когда мы начинаем обозревать мальштрем событий и переживаний с точки зрения вечности, когда мы объективируем трагедию. Именно объективация трагедии приводит к тому освобождающему эффекту, о котором столь красноречиво говорил Аристотель в своей «Поэтике».

Второй аспект катарсиса можно было бы назвать высшим духовным удовлетворением от зрелища самонаказуемости зла. Все отрицательные герои Достоевского или погибают (духовно или физически), — Ставрогин и Смердяков вешаются, — или восстанавливают свою утраченную духовную гармонию (как Раскольников). Или, наконец, как в случае Ивана Карамазова,

они заболевают душевной болезнью, исход которой автор намеренно оставляет неясным.

Но это — лишь негативный катарсис.

Положительный же, третий и главный аспект катарсиса заключается в пламенной вере Достоевского в Христа как Богочеловека. Недаром писатель так часто употреблял выражение «сияющий образ Христа». И в одном из своих высказываний он прямо заявил: «Не мораль, не учение Христово спасут мир, а лишь вера в то, что Слово стало плотью».

Я имею в виду при этом не только личную, человеческую веру Достоевского в Христа, но прежде всего тот факт, что лучшие его произведения, особенно «Братья Карамазовы» проникнуты этой верой, которая просвечивает сквозь канонический текст романа. Об этом уповании на Христа говорят Алеша и старец Зосима. Пусть эти образы не так хорошо удались Достоевскому, как образы негативных героев. Все же Достоевский художественно обличает зло и возносит добро именно ради этой веры, которую не может не почувствовать сколько-нибудь чуткий читатель. Эта вера играет роль как бы незримого света, которым он освещает даже темные души своих отрицательных героев.

Христианство Достоевского не имеет ничего общего с сентиментальным сладкосердечием или с морализмом. Его вера не была слепой, она закалилась в «горниле сомнений». Он знал своих противников — атеистов слишком даже хорошо, ибо одно времея он был сам одним из них.

«Эти негодяи обвиняют меня в слепой и ретроградной вере в Христа, — писал он в одном из своих писем. — Этим олухам и не снилась та глубина отрицания, которую я вывел в «Инквизиторе». И они хотят учить меня!»

Христианство Достоевского — мистично и реалистично, каким христианство и должно быть. Его христианство было исполнено горения первых мучеников. Достоевский глубоко видел печать первородного греха в душе человека. Все же, сквозь грешное и бунтующее человеческое естество, он прозревал в человеке образ Божий.

Религиозно-мистический план составляет глубиннейшую и высочайшую сущность того, что мы назвали «метафизическим планом».

Здесь и происходит то «касание мирам иным», о котором говорил старец Зосима. Из этого плана и струится тот незримый свет, та незримая гармония, к которой столь страстно стремился всю жизнь Достоевский. — Недаром он сказал — «счастье не в наслаждениях любви, а в высшей гармонии духа».

Достоевский не достиг при жизни этой высшей гармонии духа. Его творчество прервалось на высокой патетической ноте — подобно «Неоконченной симфонии» Шуберта.

Вообще, он был более богоискатель, чем святой.

Но, говоря словами блаженного Августина, —

«Я не стал бы искать Тебя, если уже не нашел Тебя в глубине моего сердца».

Ибо «невидимая гармония прекраснее, чем видимая».

(Гераклит Темный)

ENGLISH SUMMARY OF PROFESSOR LEVITSKY'S ARTICLE

It is commonly recognized that Dostoevsky's works strike us by their might and their depth. This depth is not one-dimensional, it is structured. We can distinguish three basic dimensions of Dostoevsky's novels — the external, social level, with its complicated plot, then a deeper, psychological, even psychoanalytical level and, at last, the deepest level which can be characterized as metaphysical or mystical. These three levels are interwoven but discernible.

There is no doubt that Dostoevsky was one of the most profound psychologists of all times, and he anticipated many discoveries of modern psychoanalysis. Dostoevsky's genius is, however, not exhausted by his psychological significance. For he was primarily a "visionary of the spirit." And, philosophically speaking, between spirit and mind there exists no lesser distinction than between mind and body. Interestingly enough, Dostoevsky himself protested against a purely psychological interpretation of his works. The deepest, metaphysical level of Dostoevsky is essentially religious. Therefore persons with no religious background would never comprehend the ultimate meaning of Dostoevsky's creativity.

Dostoevsky's novels are essentially tragedies in the form of a novel. But tragedy is unthinkable with out a catharsis. Dostoevsky gives this catharsis in a threefold way — an artistic catharsis elevating us above the catastrophies he depicts, the moral catharsis (the self-punishment of evil), and ultimately a religious catharsis — his flaming faith in Christ.

Dostoevsky immerses us into the dark depths of untransfigured freedom, but he also elevates us into the heights of the spiritual world.

SOME PLOT INVARIANTS IN THE WORKS OF F. M. DOSTOEVSKY AS A MEANS OF EXPRESSION OF HIS IDEAS

*by Nadine Natov**
George Washington University

The purpose of this study is to demonstrate the unity of Dostoevsky-the-artist and Dostoevsky-the-thinker; Dostoevsky's work is approached in its entity of a profound philosophical idea and verbal mastery. To support this thesis and to show the invalidity of any attempts to oppose the thinker to the artist, still to be found among scholars and literary critics, an analysis is undertaken of several plot invariants in a number of Dostoevsky's works with a view to revealing some similar ideas of which those plot invariants became the vehicles.

It is hoped that the thesis of the inseparable unity of the philosophical and aesthetic aspects of Dostoevsky's craftsmanship, based on this analysis, will contribute to better understanding of the complex meaning inherent in some scenes that are found in several of his works.

I will confine this study to an analysis of the *three* most important plot invariants, namely: assembly of all the major protagonists in one place, the scene on the bridge, and the scene in the tavern.[1]

---

*NADINE NATOV, Associate Professor of Russian Literature at George Washington University, is the Executive Secretary-Treasurer of the North American Dostoevsky Society.

[1]Other possible invariants in Dostoevsky's works are represented by the scene in a gambling salon: *The Gambler, A Raw Youth,* or the scene of two rivals: Natasha and Katya in *The Insulted and Injured;* Nastasya Filippovna and Aglaya in *The Idiot;* Katerina Ivanovna and Grushen'ka in *The Brothers Karamazov,* or the numerous staircase scenes that sometimes take the shape of medieval miracles, "Schwellendialogue," partly discussed by M. Bakhtin in his book *Problemy poetiki Dostoevskogo.*

I

In all Dostoevsky's works, starting with *The Double,* these three major scenes move the plot, epitomize the major conflict and create appropriate conditions for bringing out the basic collision of irreconciliable ideas and divergent attitudes. It has to be pointed out specifically that in *The Double,* a comparatively short early story, Dostoevsky already demonstrated his craftsmanship in the way he worked out the three types of above-mentioned dramatic scenes.

The importance of the *assembly,* the gathering scene or *conclave* has been already pointed out by Leonid Grossman, Konstantin Mochulsky and several other scholars.[2] However these scenes have never been studied either in a comparative perspective or as vehicles of similar philosophical ideas.

The conclave scene is not only a literary technique that is typical of the structure of Dostoevsky's works, but it serves as the vehicle of an important idea — that of the hidden desire of certain protagonists to change or to attack and destroy an adopted way of life or an existing order of things, and to disturb the social and psychological equilibrium. The outcome of nearly all these gatherings is the opposite of what is expected: instead of a successful dénouement, the mass scenes engender new conflicts, make the situation more complex than ever before, and underline the inevitability of a final catastrophe.

One of the dominant ideas in all these scenes, revealing itself in one form or another, is that of a complete failure in human communication. The hidden wish to solve the immediate problems involving several of the protagonists, to find answers to the questions that plague them, and, through open-hearted discussion and friendly exchange of opinions, to restore, if not the harmony, at least some kind of unstable balance, in their lives, is never realized. Close analysis demonstrates that none of the conclave scenes accomplishes this purpose: the result deceives expectations and gives rise to new problems.

It should be noted that the conclave scenes nearly always, even amidst a tense, tragic situation, contain a comic element, approaching sharp satire or bordering on the grotesque.

---

[2]Leonid Grossman, "Dostoevsky khudozhnik" in the Collection "*Tvorchestvo Dostoevskogo.*" (Moskva: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1959), pp. 344-348. Konstantin Mochulsky,, *Dostoevsky* (Paris, YMCA Press, 1947), p. 356.

We find the conclave scene in *The Double*[3] (2 scenes: vol. I, pp. 246 and 369), in "A Bad Anecdote" (vol. IV, pp. 19-57), in *Uncle's Dream* (vol. II, pp. 372-399), in *The Village Stepanchikovo* (vol. II: 2 scenes: a tea gathering, part I, chapters 4, 5 and 7, and Namesday party, part II, chapters 3, 4 and 5, both with a highly dramatic stage effect, a typical "coup de théâtre"), in *Crime and* Punishment (vol. V pp. 393-423, where the mass funeral dinner becomes the structural center of the novel); *The Idiot* (four scenes: 1. at Ganya's: vol. VI, part I, chapters 9 and 10; 2. at Nastasya Filippovna's: chapters 13-16; 3. Prince Myshkin's birthday party: part III, chapters 4-7; 4. at the Yepanchins': part IV, chapters 6 and 7); *The Possessed* (also four scenes: 1. at Varvara Petrovna Stavrogin: vol. VII, part I, chapter 5; 2. the meeting: part II, chapter 7; 3. at Madame von Lembke: part II, chapter 10, subchapter 3; 4. the Fête: part III, chapter 1, and chapter 2, subchapter 3), and in *The Brothers Karamazov* (three scenes: 1. at the Monastery: Vol. IX, book I, chapters 2, 5 and 6; 2. at Mokroe: book VIII, chapters 7 and 8, and book IX, chapter 3; and 3. the trial: vol. X, book XII, chapters 1-14.)

The conclave scenes, which are highly theatrical, also frequently serve as a means of linking preceding events with subsequent ones, and thereby move the plot forward.

The Double offers two crucial mass scenes; both occur in the house of Olsufiy Ivanovich Berendeev, Golyadkin's former chief and benefactor. Having learned from the servant that the house has been forbidden to him, Golyadkin nevertheless penetrates into it, moved "as if by a spring," which suddenly, almost against his conscious will, dashes him into the midst of the ball. A comic effect dominates this scene: no one takes seriously Golyadkin's appeal to Olsufiy Ivanovich's fatherly heart or his assurances that there is his "right place."[4] In the most "solemn" moment, when Golyadkin thinks that the effect of his speech "was quite certain," the orchestra strikes up a polka. Forgotten for a moment, Golyadkin is still determined to break through the wall of non-acceptance, and he increases the risk of open scandal by inviting Clara Olsufyevna to dance with him. His being thrown out of the house, which adds to the comic flavor of that scene, turns out to be the beginning of his destruction.

In the second scene, when Golyadkin's insanity is already

---

[3]All the pages are indicated according to the 10-volumes edition of F. M. Dostoevsky *Sobranie sochinenii* (Moskva, Gosudarstvennoe Izdatel'stvo Khudozhestvennoi Literatury, 1956-58).

[4]F. M. Dostoevsky, vol. I, p. 246.

obvious, the Olsufiy Ivanovich's guests lure the insane clerk into the house. The catastrophe occurs at the moment when Golyadkin considers himself out of danger, accepted by this group which had rejected him for so long; for the first time he feels "reconciled with mankind and his destiny,"[5] and is filled with brotherly love. The poor victim, who has been evicted from life, realizes only too late that the friendly faces are worse than the indifferent glances of the guests at the first ball: — smiling benignly, the guests push Golyadkin into the carriage that takes him to an insane asylum.

The apparently light tone of the narration serves to intensify the discrepancy between the feelings and impressions of "our hero," as Dostoevsky keeps calling the unfortunate man, and the tragic truth of the situation. The people who have gathered around Golyadkin and whom he compares to "a family" — "just as it is in a family when someone is setting off on a long journey"[6] soon reveal themselves to be his bitter enemies who have only been waiting for the moment to get rid of him once and for all. The tragedy of incommunicability is further stressed by the fact that *no one,* not even the physician, has ever tried to talk to Golyadkin, to explain his error to him; mockery, disdain and cold indifference were all Golyadkin encountered.

The gathering situation was already worked out perfectly in *The Double* and constitutes a plot invariant in later works. The rich gamut of modifications of some elements of a plot invariant demonstrates the writer's inexhaustible imagination and the endless shades of difference in the moods, attitudes, passions and ambitions of man.

The conclave scenes in *Uncle's Dream* and in "A Bad Anecdote" are highly satirical and border on the grotesque. "A Bad Anecdote," a short story written in 1862, is an extended grotesque mass scene in which the artificial, "progressive" virtue of General Ivan Ilyich Pralinsky, his false "love of mankind" and his authoritarian, despotic, capricious wish to demonstrate his "humaneness" and to "make happy" his humble subordinate Pseldonimov by visiting with him, brings on the shameful downfall of the "benefactor" and "lover of humanity."[7]

The drunken general is a repulsively grotesque figure; equally grotesque are the victimized clerk Pseldonimov's misfortunes on his first wedding night. Here Dostoevsky does not spare bizarre details to depict the contrast between expectations and fulfilment of plans,

---

[5]Dostoevsky, Vol. I, p. 370.
[6]*Ibid.*, p. 372.
[7]Dostoevsky, Vol. IV, pp. 21-45.

which have been crushed by the ridiculous intrusion of the "progressiste" general. The poor people, who are celebrating the wedding and dancing merrily before the arrival of the uninvited visitor, do not want his condescension or his avowed "equal friendship." Instead of the "moral embracement" and mutual confidence and love that he hoped to achieve by his theory of humaneness toward subordinates, General Pralinsky is openly mocked and rejected by them. This scene has a similar meaning to that of both scenes in *The Double,* but the social reality has been reversed: Golyadkin was rejected and destroyed by the higher stratum of St. Petersburg civil service officialdom; General Pralinsky was mercilessly mocked by a very low social group.

In *Uncle's Dream* and in *The Village Stepanchikovo* — two other stories with a strong grotesque element, there is a new note. For instance, in *Uncle's Dream,* amidst a deliberately prepared and provoked scandal, the knot of tripartite intrigues is cut by the manifestation of Zina's genuine moral integrity. At the most crucial moment, when the town ladies are assembled around the old Prince and are furiously attacking Marya Alexandrovna Moskalyova in an attempt to humiliate her and break her power as well as her plans to marry her beautiful daughter Zina to the old Prince, Zina's pure voice disperses the mounting evil around her. By accepting the validity of the accusations and confessing her involvement in her mother's plans, Zina liberates herself from her mother's despotism, which she has helped to crush by her confession.

Whereas the Namesday party in *The Village Stepanchikovo,* the second major conclave scene (arranged, incidentaly, with a perfect sense of the theater) has, as an exception, a happy ending, the major conclave scenes in *The Idiot* and *The Possessed* contain forebodings of coming disasters and collapse of all efforts to resist evil. These two novels are very rich in conclave scenes; by manipulating the plot and modifying certain elements of the invariant situation, Dostoevsky achieves great variety: the basic hidden meaning in the conclave scenes differs greatly in the above two novels.

In *The Idiot* Prince Myshkin involuntarily provokes the explosion of the latent crisis in the three major gathering scenes. His interference in the events occurring around him is motivated by the desire to stop or, at least, to alleviate, the destructive passions and to save the ideal image of a human being.

Nastasya Filippovna has come to visit Ganya's family with the intention of testing her prospective fiancé and seeing how much humiliation he will accept to obtain the 75,000 roubles Totsky has

promised. The outcome of this visit is unexpected for all the participants. The slap in the face episode, which will also occur in the first conclave scene in Mrs. Stavrogin's drawing room in *The Possessed,* reveals Prince Myshkin's attitude and the significance of his appearance among people. He rushes up to protect Varvara, and, after being slapped by the furious Ganya, he worries not about his own humiliation, but about his offender's, about the shame and remorse that will later plague Ganya. Rogozhin's intrusion and his plan to buy Nastasya Filippovna from Ganya anticipates the next, decisive, scene at Nastasya's house, as well as the whole issue of the novel.

This second scene abounds in coup de théâtre: all the conventional ways af behavior are violated: like Zina in *Uncle's Dream,* Nastasya Filippovna exposes Totsky's machinations and rebels openly against his decision to marry her off to Ganya; Rogozhin intrudes in the aristocratic salon with his 100,000 roubles, which Nastasya Filippovna throws into the fire as a symbolic gesture of liberation from her old life. In this scandal, Prince Myshkin once again acts as a messenger of Good: he tries to save Nastasya Filippovna from an evil fate. However, instead of the "reasonable" dénouement one might expect, the situation is complicated and new problems are engendered. Nastasya Filippovna's pathetic words of farewell to Prince Myshkin and to her servants intensify her tragedy and augur her dramatic end: from now on she is situated between Rogozhin and Myshkin — between darkness and light, between damnation and salvation. With slight modifications, her flight to Rogozhin will be repeated at the end of the novel, in the crucial scene by the porch of her house a few minutes before the wedding ceremony for which preparations have been made in the church.

The conclave scene at Mrs. Stavrogin's house, in *The Possessed,* on that "fatal Sunday," has the same culminating significance. Nikolai Stavrogin appears here as the messenger of Evil; his reaction to the slap is the opposite of Prince Myshkin's: the episode in which he is slapped by Shatov discloses his demoniac pride and latent power of destruction. His appearance amidst the gathering in the drawing room of his mother puts an end to all hope of even temporary reconciliation of conflicting interests. The subjectivity of the people present in the drawing room is affected instantly by his strong affirmation of himself and his indifference to others, his attitude to them as to objects or tools to be used any way he can. Any possibility of attaining harmony is for ever destroyed. By superimposing his subjectivity on other people, Stavrogin destroys them metaphysically and, in several cases, physically. At the same

time, he creates the conditions for his own damnation. The scandal of the plurality of conflicting consciousnesses develops into open scandal in three other conclave scenes in the novel — the meeting at Virginskys' house, the reception at Mrs. von Lembke's home, and the most scandalous scene of all, the Fête,[8] and results in a public disaster, a fire, and a multiple murder in Zarechye.

The conclave scenes attain their highest point, in techniques and in dramatic power, in *The Brothers Karamazov,* which opens with the gathering in the Monastery and concludes with Dmitry's trial — the largest of all the conclaves.

The idea that the essence of rapport between the conciousness of individuals is *conflict* especially pervades the Monastery scene and is evident long before its actual beginning. Even the pretext for the "unfortunate gathering" is a false one: it was not penitence or a desire to solve their spiritual problems that moved the members of the Karamazov family to consult the Elder. It is upon the suggestion of Fyodor Pavlovich, who regarded the whole affair as a joke, that they have appealed to Elder Zossima to settle their financial dispute in his presence. Actually, old Karamazov had no intention of satisfying Dmitry's demands; he is pleased with the idea of challenging everybody and provoking an open scandal, while he himself hides behind the mask of the buffoon. The disclosure of the shameful details of the father-son rivalry and the intensity of passions involved render impossible any decent settlement. However, the dramatic outcome surpasses even the worst apprehensions.

In many aspects, the trial chimes with the Monastery scene and is its logical, artistic and metaphysical completion. The conflict between the consciousnesses of the protagonists is more profound and insoluble. Dmitry's wish to forgive his father "if he held out his hand" and to ask forgiveness, expressed at the very beginning of the Monastery gathering,[9] has turned into hatred and revulsion; his hopes that a miracle by Providence will save him in his despair are crushed. The farcical trial, staged by Fyodor Pavlovich Karamazov in the Monastery, has turned into a big legal trial, attracting the attention of the whole country; the unsolicited mock despositions have given way to sensational testimony. The evil spirit, which even the presence of Elder Zossima is unable to impede, gains the upper hand and defeats all attempts to resolve the conflict. The struggle between God and the devil in the hearts of men comes to a tragic end.

---

[8]Dostoevsky, Vol. VII; respectively: pp. 406-432; pp. 470-479; pp. 483-511 and 524-535.

[9]Dostoevsky, Vol. IX, p. 95.

II

Scenes on bridges, canal embankments or river banks play an important role in several of Dostoevsky's works. The first such scene appeared in *The Double,* in 1846. The key event in *White Nights* occurs on the embankment of a St. Petersburg canal. The crucial scene that divided the life of Netochka Nezvanova in two halves also takes place beside a canal.[10] Bridge scenes appear in *Crime and Punishment* and *The Possessed.*

In all these scenes, bridges and riverbanks are sites of crisis, which are turning points in the protagonist's life. As he crosses the bridge, he is, wittingly or unwittingly, destined to make an important decision or choice; he has crossed an invisible border and entered a new period of his life. The bridge leads him to spiritual purification and moral resurrection or else to irrevocable disaster. Thus, the crossing of a bridge acquired, in Dostoevsky's creative world, the significance of an image-symbol.

Golyadkin crossed a bridge and walked along the banks of the Fontanka at midnight "completely obsessed by his recent terrible downfall,"[11] after his expulsion from his chief's house. He is plagued by a sense of his moral annihilation, he feels that he has been "killed, killed entirely, in the full sense of the word" by the intrigues of his enemies. During his desperate flight through wet snow and howling wind, Golyadkin wants only to cease to be, he wants to vanish, to be engulfed by the darkness of the stormy night. The intensity of his self-negation augurs the disintegration of his mind and evokes the image of another. a different, self. As Golyadkin leans over the railing, peering into the black waters of the river, a stranger, his Double, emerges from the darkness. From that night on, the unhappy clerk will be persecuted by the horrible phantom of his own nightmare. His experience on the Fontanka banks, near the Izmailovsky Bridge, marks the beginning of his descent into a hell of delirium and madness.

The bridge scene in *White Nights* marks the beginning of a unique adventure in the life of another lonely St. Petersburg clerk, though the mood is essentially different from Golyadkin's fatal crossing of the bridge, which constitutes the climax of the story.

One white night, a young dreamer, walking home along a canal embankment, becomes involved in an unexpected incident. The departure of St. Petersburg's inhabitants to the countryside, which

---

[10]Dostoevsky, *Netochka Nezvanova,* Vol. II, pp. 120-123.
[11]Dostoevsky, Vol. I, p. 250.

he has observed while strolling through the city, has intensified his feelings of anxiety, arising from an acute sense of having been abandoned and forgotten by the whole world, and has stressed a semiconscious desire he has for change in his life. This state of mind has made him sensitive to other peoples' loneliness and suffering. While crossing the bridge, he sees a young girl standing by the canal railing, absorbed in her thoughts. Her obvious depression prompts the young dreamer to stop, and he hears her sobbing. By his expression of compassion and sympathy, the dreamer not only prevents a possible tragedy — he involves himself and the girl in an unforgettable adventure that will also determine their destinies: Nasten'ka will find happiness, while he, the dreamer, will be forever doomed to loneliness.

Bridge scenes are numerous in *Crime and Punishment.* Each time Raskolnikov crossed a bridge over the Neva River or canals it marked a different phase of his inner vacillation and, at each given moment, it defined his attitude toward himself and the outside world. The scene on the Nikolaevsky Bridge ends in his awareness of his irrevocable alienation from others and conscious separation from his own past, symbolized by his throwing the silver coin which he received from a compassionate woman into the water.[12] The scene on a canal bridge after his illness is decisive in the development of his idea of ending his life and of thus ending his unbearable inner debate.[13] Raskolnikov's will to commit suicide is paralyzed by the grotesque figure of a drunken woman, who passes close by him and throws herself into the filthy water. It is noteworthy that Raskolnikov, unlike the young dreamer of *White Nights,* does nothing to restrain the suicide, although he stood near her at the railing and observed her.

Another scene on a canal bridge not only marks the beginning of a major development in Raskolnikov's life, but also plays a decisive role in the ethical choice made by his sister and Svidrigailov.[14] After his unsuccessful talk with Dunya, Svidrigailov definitely gives up his last vague hope of starting a new life. At midnight, on his way "to America," he crosses the last bridge, the one that separates life from death.

In *The Possessed,* two consecutive bridge scenes become symbols of a "mental crime" — of Stavrogin's assent to a murder. The ambiance and the set of circumstances of these bridge scenes are in some ways similar to Svidrigailov's nocturnal experience. Cros-

[12]Dostoevsky, Vol. V, pp. 119-121.
[13]*Ibid.,* pp. 177-179.
[14]*Ibid.,* pp. 508-509.

sing the little bridge over the river, Stavrogin is repeatedly challenged by an evil spirit — his "devil," who appears this time as Fedka the convict. The first time, when he is crossing the bridge on his way to Lebyadkin's house, Nikolai Stavrogin rejects Fedka's implication that he may be of use to him.[15] The second time, he is crossing the bridge after the painful scene with his legal wife Marya Timofeevna, when she rejected him, because she was seized by horror at recognizing his authentic entity. The second encounter with Fedka materializes the idea of the knife that Marya Timofeevna thought she discerned in Stavrogin's hand. By throwing money to the convict, Stavrogin gives his consent to the projected murder of both the Lebyadkins.[16] By the symbolic gesture of throwing money to the murderer, Stavrogin assumes moral responsibility for the crime and makes his ethical choice: the issue of his struggle with the perverted, demoniac part of his ego has been decided.

From this brief analysis of bridge scenes, one can see very clearly how Dostoevsky used similar situations to express similar ideas and how he achieved a rich variety of plots by modifying some of the components of those situations.

III

The *scenes in the tavern* grow in importance and complexity, beginning with *The Double* and up to the climactic tavern scene in *The Brothers Karamazov*. A typical feature, common to all of them, is the explosive confrontation between two opposing philosophical or ethical attitudes. A most prosaic locale — a restaurant or even a third-rate tavern — intensifies the contrast between the ordinary and even vulgar aspect of everyday life and the protagonists' preoccupation with crucial, eternal problems.

There are two basic elements in several of these scenes — confession and bitter ideological struggle. Frequently, one of the protagonists presents an enigma for the other, as, for instance, Prince Valkovsky for the young writer Ivan Petrovich, Raskolnikov for Zametov, Versilov for Arkady, and Ivan Karamazov for Alyosha. Nearly all of the tavern scenes are sharp verbal duels: as he expounds on his theory of life or his ethical attitude, the one protagonist is not simply communicating his views to the other — he wants to destroy the other's convictions and to force his own

[15]Dostoevsky, Vol. VII, p. 275.
[16]*Ibid.*, p. 297.

views on him. He wants to transcend himself and to destroy the transcendence of the other.

The majority of tavern scenes have only two actors, two persons, who express and confront opposing philosophies: for instance, Prince Valkovsky and Ivan Petrovich in *The Insulted and The Injured;* two, though each time different, actors in the three tavern scenes in *Crime and Punishment* — Raskolnikov and Marmeladov, Raskolnikov and Zametov, and Raskolnikov and Svidrigailov; in *A Raw Youth* — Versilov and Arkady; and, finally, Ivan and Alyosha in the culminating scene of *The Brothers Karamazov.*

In *The Insulted and The Injured,* the scene in the restaurant on Bolshaya Morskaya is, as Mochulsky has pointed out, the first "philosophical conversation" in Dostoevsky's work. Mochulsky writes:

> For the first time, into the external action, the clash of events and battle of passions, there bursts forth in a fiery flood an inner action, a battle of ideas. Judgment of the apparent good is entrusted to the villain.[17]

Prince Valkovsky invites Ivan Petrovich, the young writer, to have supper with him and promises to *talk* during supper about things concerning Natasha — the person dearest to the writer. Valkovsky throws off his mask of benevolent father and "friend," and attemps by his mock confession to destroy his interlocutor's moral purity and integrity and to reduce him to a tool for his own purposes. To Ivan Petrovich's selfless love and noble humanity, Valkovsky opposes his own cynical egotism. He proudly proclaims his indifference and contempt for other people, declaring that his personality only, his own self is important to him: "All is for me, the whole world is created for me."[18] He has discarded all his obligations; his morals are: "everything in the world may perish, but not he."

Valkovsky was past master of the art of using people. Having Ivan Petrovich in his power, he displays moral sadism towards him. Valkovsky has forseen the young man's reaction to his "friendly confession"; he provoked it deliberately and, employing a specific language, tries to make his victim feel ashamed of playing a secondary part in the Natasha-Alyosha romance. Ivan Petrovich's refusal to conform to Valkovsky's calculations and to feel guilty of his "Schillerism," or in other words, of his moral integrity, puts

---

[17]K. Mochulsky, *Dostoevsky* (Paris: YMCA Press, 1947), p. 177; English translation by M. Minihan, American Edition, p. 215.

[18]Dostoevsky, Vol. III, p. 276.

an end to the game, but it does not change the situation. By means of threats, Valkovsky forces his will on the young man and makes him serve as a tool for his purposes by carrying his message to Natasha.

Two other tavern scenes in *Crimes and Punishment* — one in "Palais de Crystal"[19] and another on X-Prospect, where Raskolnikov meets Svidrigailov[20] — have the same flavor of sadistic enjoyment arising from the reduction of one interlocutor to a contemptible object of a stronger subjectivity.

In the person of the young police clerk Zametov, Raskolnikov challenges the whole system of investigation, the entire established moral and judicial code. By his mock confession, he anticipates and incites Zametov's reaction so that he may observe him and explore the potentiality of danger. "I have caught my cock sparrow! So you did believe it before, if now you believe it less than ever?"[21] he exclaims when Zametov betrays himself, suggesting that the police already had some suspicions.

Here, in "Palais de Crystal," Raskolnikov shows himself to be a strong enemy, a dangerous individual, sure of his superiority, contemptuously opposing his ego to others — to ordinary people, whom he openly mocks. Raskolnikov wins this ambiguous game he has initiated, partly, too, to test his own strength: at the moment when his and Zametov's eyes meet, he dominates the other and annihilates his subjectivity. Another thing, Raskolnikov has persuaded himself that he *can* tolerate his crime, and feels a foolish desire "to shout at *them,* to put out his tongue at them, to mock them, to laugh, and laugh and laugh!"[22] triumphing in the expression of his supremacy over them — the other, ordinary people of the mob. His challenge was too daring and too reckless — Zametov is confused and regards him as a greater enigma than before.

The disposition and essence of the components in the last invariant situation — the final encounter between Raskolnikov and Svidrigailov in the tavern on X-Prospect are very different. In the few days that separated these two tavern scenes, Raskolnikov underwent an important change: he lost his self-confidence, he ceased to believe in his theory, and this caused a breakdown of his strong-man attitude. Immediately after the last talk with the investigator, Raskolnikov rushes out to find Svidrigailov. He sensed that this man already had some hidden power over him.

---

[19]Dostoevsky, Vol. V, p. 166.
[20]*Ibid.*, p. 485.
[21]*Ibid.*, p. 173.
[22]*Ibid.*, p. 167.

Sitting opposite Svidrigailov in the tavern, Raskolnikov finds himself in the reverse position from the one he held in the conversation with Zametov. Now it is *he* who becomes an object for Svidrigailov, and it is Svidrigailov who treats him as Prince Valkovsky treated the young writer Ivan Petrovich. Like Valkovsky, Svidrigailov is contemptuous of Raskolnikov's "Schillerism"; he mocks Raskolnikov spitefully and, by confessing his secret life of vice, deliberately aiming to destroy Raskolnikov's pretensions of superiority and to convince him that they are of the same cloth: "And do you pretend to strength, too? Ha-ha-ha. You surprise me..."[23] He wondered how Raskolnikov, the double murderer, dared to blame him, Svidrigailov, for having caused two suicides and living in debauchery. They are both cynics — one frankly, the other still considering himself to be above others. Svidrigailov emerges triumphant from this last confrontation: Raskolnikov is forced to recognize the fact that he is ridiculous with his outcries and protests against Svidrigailov's depravity — his own acts are just as evil.

And, finally, the most celebrated of all the scenes in the tavern — Ivan Karamazov's profession de foi, expounded in the "Stolichny Gorod" tavern after he has made the decision to leave for Moscow.

Ivan, usually a solitary person, suddenly feels a need for a friend and disciple. Before departing, he wants Alyosha to *know* him; at the same time, he wants to get clearer insight into his brother's heart, to oppose his theory to Alyosha's convictions, and, possibly, to convert him. While expressing his views, Ivan is putting Alyosha to a test and ends his sentences with the affirmative question: "Is it not so? isn't it?"[24] After having told the story of the little boy tortured to death by the inhuman general, Ivan even compels Alyosha to pronounce a death sentence, letting Alyosha repeat after him that the monstrous general ought to be shot. Finally, Ivan openly proclaims his intention, saying: "I won't give you up to your Zossima."[25] But Ivan does not succeed: Alyosha's personality is stronger than Ivan had assumed. The failure to win his brother's mind and to proselytize him causes Ivan to hold to his theory more strongly than ever by declaring: "I won't renounce the formula 'all is permitted' "[26] Thus, any reconciliation of two such different outlooks as Ivan's and Alyosha' is impossible. Separation or death

---

[23]Dostoevsky, Vol. V, p. 492.
[24]Dostoevsky, Vol. IX, p. 293.
[25]*Ibid.*, p. 305.
[26]*Ibid.*, p. 331.

is the only way to avoid the potential conflict or alienation. The validity of Kantian antinomies has been confirmed by living life.

IV

Thus, an analysis of the above three typical *scenes* shows how Dostoevsky developed and perfected certain stable and at the same time changeable elements already present in his earlier works. It also shows how, as his ideas grew in intensity and depth, his favorite literary devices and plot invariants grew in importance and brilliance, enabling him to achieve perfect unity of creative thought and artistic imagery and expressiveness.

Надежда А. НАТОВА, доктор философии, ассоциэт профессор русской литературы и языка, Университет имени Георга Вашингтона, Вашингтон, О. К.

Тема доклада: «Некоторые сюжетные инварианты в произведениях Ф. М. Достоевского как выражение его идей».

В докладе рассматривается художественное и идейное значение некоторых приемов сюжетосложения, повторяющихся во многих произведениях Достоевского, как сцены массовых сборищ, сцены в трактире и сцены, происходящие на мосту или на набережной канала.

Сравнительный анализ таких сюжетных инвариантов и модификаций, которым подвергаются их отдельные элементы, показывает, что эти сцены представляют собою не только эффективные художественные приемы, но и условия создания наиболее подходящей обстановки для выражения идей автора и главной мысли каждого данного произведения.

Встреча действующих лиц в трактире служит предлогом для противопоставления их этических и философских взглядов, для «философской дуэли» двух противоположных миросозерцаний. Массовая сцена, связанная с ожиданием решения важнейших вопросов, превращается в арену борьбы злых и добрых начал и заканчивается крушением надежд на благоприятный исход. Сцена на мосту означает кардинальный поворот в судьбе действующего лица, этический выбор им своего дальнейшего пути.

Результат сравнительного анализа этих сцен приводит к выводу о творческом единстве Достоевского-мыслителя и Достоевского-художника и способствует пониманию сложного построения его произведений и его писательского мастерства.

SIMULTANEITY OF GOOD AND EVIL: THE CASE OF LEBEDEV*

*by Arcadi Nebolsine***

In the opening chapter of *The Idiot,* Dostoevsky introduces, along with the protagonists, a vulgar functionary and hanger-on with an out-at-elbow seedy aura, a "red nose and pimpled face," and a petty-bourgeois jargon, one of "the typical failings of his class."[1] This is Lebedev, who will lay claims to vatic powers to discern the nature of things, powers that his unprepossessing appearance belies. He is, as shall be shown, a *poshlyak* with a message; an attack on the "accursed" nineteenth century that is to be taken seriously.

He materializes out of the railway age with its fog and trains and smoke (which Gogol in the *Selected Passages* gave an apocalytic significance) and starts playing the lackey and importunate jester to the Prince and Rogozhin. The narrator (who does not speak for Dostoevsky) sarcastically refers to him as one of those omniscient gentlemen, whose omniscience is all in "one direction, no doubt from lack of more important ideas." The quip is deserved, since Lebedev displays his knowledge of the affairs of high society and abases himself before Myshkin's title and Rogozhin's wealth. "I shall leave my wife and little children and dance. I must!... Thrash me and you put your seal on me!"[2] But Lebedev's claim that "Lebedev knows everything" is not completely understood by the callow, sarcastic narrator. As it will turn out, Lebedev does "know everything" in the deeper sense (Dostoevsky repeatedly uses the device of a naif-narrator who provides sensible, but flat and

---

*This article has been altered from a dissertation for publication.

**ARCADI NEBOLSINE is Assistant Professor of Russian Literature at the University of Pittsburgh.

[1]Fyodor Dostoevsky, *The Idiot,* trans. C. Garnett (New York: Bantam, 1965), p. 5.

[2]*Ibid.*, pp. 6, 8, 12.

superficial observations). In fact, the narrator is incapable of understanding that Lebedev is, in addition to and in spite of his vices, a seer, a deliberate and tragic fool. He is an example of the famous Dostoevskian simultaneity or duality described in André Gide's *Dostoevsky,*[3] so that Lebedev's base, knavish qualities coexist with, and are not necessarily a refutation of, his exalted prophetic role. As he later tells the Prince: "Words and deeds, lies and truth are all mixed up in men and *perfectly sincere.*"[4]

This is the problem of what the Prince calls "double ideas." Once we understand this, then even the squirming and wringgling of the red-nosed *poshlyak* in the first chapter take on retroactively an additional significance. Not only is he a "worm," a "reptile," turning from side to side because he "lebezit" — boot-licks — but also because he is *divided in himself.* A victim of tragic duality, he does not know which way to jump. (As Woyzeck[5] asked: "Is the yes to blame for the no, or the no for the yes?" To which the Captain remarks: "Grotesque, grotesque."). It is indead a grotesque condition, but a well-known one, of contradiction, of *"grandeur et misère."* Lebedev turns like a serpent from side to side, from "yes" to "no." He is inclined to linger in the doorways. It is his indecision, so brutally evident, that makes him disgusting to some readers, this disturbing mixture of good and evil that would make some, Lebedev says himself, "laugh and curse."[6]

All his characteristics are qualified, or modified by the pressure of other characteristics. His unction is ennobled, qualified, by defiance, as the defiance is undercut by boot-licking. "Biologically modern man... says Yes or No in the same breath" (Nietzsche). In this sense, Lebedev dramatizes the modern condition.

These observations will be developed further in this study when we have looked more closely at Lebedev, but for the moment he is a mere vulgar petty-clerk who, after chatting and gossiping on the train, leaves at the station with Rogozhin rather than with Myshkin. Money (Rogozhin) has naturally won over "noble" agape (Myshkin). But the reader will notice that in his toadying Lebedev protests too much. He is too eager to persuade us of his baseness, his way, perhaps, of acting-out, of self-inflicted punishment. "Thrash me," he says. He is the type of Dostoevsky character that

---

[3]See André Gide, *Dostoevsky* (New York: New Directions).

[4]*The Idiot,* p. 301. Keller is told by Myshkin that in his confession there is both good and evil, "it's simply both things came at once" (p. 300).

[5]See Wolfgang Kayser, *The Grotesque in Art and Literature,* trans. U. *Weisstein* (New York, 1966).

[6]*The Idiot,* p. 301.

D. H. Lawrence called "disgusting." But Lawrence could let go because he had rejected Christianity, which Lebedev refuses to do. "I will not let Thee go, except Thou bless me," one senses him saying.

His next important appearance is after the novel is well on its way. Myshkin arrives at his house to be greeted with the expression "Illustrious Prince."[7] Lebedev is a snob, but we shall see that the trait is not a purely contemptible one (his "lackeyism" is developed as a defiant counterweight to that of the resentment-minded radicals). He "wriggles," whining to Myshkin that "we are orphans," plays the fool, threatens the children, (among them a daughter called Vera [Faith] bearing in her arms Luibov [Love]), who are not worried by this bullying. His nephew, who is made unsympathetic to the reader as one of the revolutionary young, mocks him, eventually eliciting against himself the Lebedev remark that though a drunken, degraded swindler and beggar, "I wrapped this rascal in his swaddling clothes."[8]

Finally, further mockery on the part of the youth reveals the secret of Lebedev's prayers for Madam Du Barry. We are told that on the execution block she said: *"Encore un moment."* "Do you know the meaning of the word *misère?"* Lebedev asks. The pity for life represented by this "vision before the execution," and the reality of the final "minute" of a threatened life, correspond to Myshkin's (and Dostoevsky's) own concern.

Lebedev indeed, "knows" something at least — he is a *poshlyak* with insight — hardly a *poshlyak*. Yet his poshly unction continues throughout the novel, a sort of humility of *poshlost* (as in his "contemptibly" lying about his name, "to humble myself"), with treacheries and intrigues, one set of which being the immediate occasion of the Prince's visit to his house that occasioned these revelations. But the Prince is right in saying that Lebedev "is not . . . a heartless man." (p. 191).

For however degraded, exposed and "abject" Lebedev is, he has the saving grace of humanity, summed up in the word that he brought forth with such feeling — *"misère"*. This word reminds us of *"miserere,"* hurt, pity, pieta. As the proverb puts it — where there is hurt, there is God.

Lebedev's preoccupation with titles, his hanging on Myshkin's princeliness, the Du Barry and the *miserere*-theme — all these devices prepare the reader for the "cannibal" anecdote, a grotesque tale about the Middle Ages. It makes the expression "Gothic mind"

---

[7] *Ibid.*, p. 185.
[8] *Ibid.*, pp. 185-188.

applicable to Lebedev. For Lebedev is called on to champion the Age of Chivalry and Faith. In his preoccupation with metaphysics, grotesque, monstrosity, in his characteristic of what William James calls "Christian sickness," Lebedev recalls an attitude, an impulse, that writers such as Mann, Spengler and Hesse have labelled "Gothic." I see him as insistently proclaiming the validity of the age of faith, forcibly attempting to arrest the waning of the Middle Ages.

The next stage in the development of his character is a discussion of him as Interpreter of the Scriptures, annoying Nastasya, claiming to have frightened an old dignitary to death. Man is in the Age of "the third horse," from the Apocalypse, according to him, of "the balances and measures, "and of people concerned with nothing but their rights. But people are wrong, the things of value — spirit, head, body — are gifts of God. "By rights alone they won't keep them." (p. 194), he says, especially rights proclaimed by the cash-nexus or by idiot young revolutionaries.

This impression of Lebedev's squarely attacking, as Gogol did, with Apocalyptic fervour, the mercantile and self-satisfied, yet moralistically resentful, aspects of the nineteenth century, is sustained by the situation with Ippolit and the student revolutionaries, who assume the role of Lebedev's nephew. Their shrill insistence on their rights is treated in a satirical vein (p. 352). Lebedev's scriptural pretensions seem to be compromised by the discovery that he took part with them in writing the squib against Myshkin. But no. As a weak vessel, Lebedev is involved in the confusions perpetrated by the Fourth Estate (p. 282).

Furthermore, he is sometimes the victim of the disease, sometimes the disease itself. Lebedev can denounce the crimes which he takes part in committing. This may discredit him as a person (at least in the Freudian sense, which rejects simultaneous duality and "takes down" Dostoevsky for similar inconsistencies)[9] but does not make what he says untrue. Myshkin muses that "the essence of religious feeling ... has nothing to do with any crimes," committed or not (p. 213). The point, an exaggerated one, is that characters like Lebedev stand for religious feelings, not that they are clean of crime. Lebedev is both a diagnostician and a symptom of the disease, of "the whole tendency," he says, "of the last few

---

[9]Sigmund Freud, "Dostoevsky and Parricide," in *Dostoevsky,* ed. Rene Wellek (Englewood Cliffs, 1965), p. 98. "A man who alternately sins and then in his remorse erects high moral standards ... has made things too easy for himself."

centuries in its general, scientific and materialistic entirety,"[10] and to this may be ascribed the corruption and partial atrophy of his moral sense. But this weakness gives him the ability to expose the pretensions of the progressives of greater *poshlyaks* than himself. The champions of progress? Friends of humanity? They are just, after all, petty rogues, like me!

Lebedev returns to the Apocalypse in his discussion on the Wormwood, "which fell on the waters and made them bitter."[11] This he interprets as the network, or web, of railways, the "rumble" of waggons that bring bread to hungry man.[12] He is almost quoting Gogol here, who at the end of the *Selected Passages* inveighs against the multiplication of communications. And the Wormwood passage will be passed on to Dostoevsky's Grand Inquisitor. Lebedev's (and Dostoevsky's) point here is not that hungry people should not be fed, but that there is something more important, — call it Beauty that shall save the world (p. 370), or living life, or Christ, or in Lebedev's own words, "the uniting idea." The grating "rumble of the wagons" or railways interferes with the Classical and Christian idea of world harmony and Hosanna. The result is that, through excess (positivist) morality, the world harmony that is the basis of morality is being destroyed. "There is no moral basis," Lebedev continues, "except the satisfaction of individual egoism" (p. 363). The solution of the commercant is no solution. Acquisitiveness cannot provide a basis for moral values.

Lebedev substantiates his unfavorable vision of modernity with a culminating tale of the medieval cannibal, a kind of Gilles de Rais, who after his crimes voluntarily repents, confesses and submits to all the horrors of torture and execution "because there was something stronger than stake and fire... an idea... a uniting idea" (p. 368). Here, I believe, Lebedev is speaking up for binding ideas. What is needed are binding forms. Whether people are good or evil, live or die, suffer from de Rais cases or from the Black Death, Whatever happens, these forms hold, so that people know, in the Durkheim sense, where they are, who is above them and below them. In the *Notebooks to the Possessed,* Dostoevsky lets drop the phrase that people need "bonds to create.[13] Without limitations, whether

---

[10]Such judgments on the part of Lebedev echo Gogol and the historical complaints that I reviewed in the first chapter, with its Rozanov passage. See *The Idiot,* p. 362.

[11]*The Idiot,* pp. 295, 361.

[12]*Ibid.,* p. 364.

[13]*Notebooks to the Possessed,* p. 17. I understand as an attack on *poshlost* the statement on the same passage that "I cannot welcome the reign of mediocrity, envious equality, stupidity...."

moral or those of life-style, it is impossible to create anything. Everything grows slack and "limp" and falls into *poshlost.*

Such forms are not *per se* ethical. It is not "good" that one man be above another, but it is so. These forms may be aesthetic, Dostoevsky will show, say with Stepan Trofimovich, but not, for that reason, marginal or trivial. The justification of these forms is that they are not nice or good, but that they provide the necessary vital tension that fosters creativity. So, what Lebedev calls a guiding, uniting "idea" transcends the crimes of the Middle Ages.

Dostoevsky manages to invest the platonic word "idea" that he gives to Lebedev with astonishing concreteness and expressiveness. It is a "vision," *idein,* something clearly seen and felt, a thing, a real presence. Dostoevsky precises it, using a grossness and physicality of language reminiscent of the Bible with its "uncircumcised hearts," or its books that are eaten. Characters in Dostoevsky "feel" an idea just as they "swallow impressions," they say that the idea has "got into the street," thy are "eaten up" by it. Dostoevsky himself thinks of "suffering through and out" an idea, "living it through" into being, "wearing" it into concreteness. Like ideas, words also acquire corporeality. They get "cut off" like slabs, or "torn out" or "pierce." It has been said that in Russia the power of abstract ideas is so great that at times concrete actuality has been submerged by them. The opposite is true, here. Thus, in his apology for the medieval mind Lebedev is not indulging in vague nostalgia, but referring to something concrete, palpable, like the "idea which, according to Aglaia, "cut" itself forever as an impression into the heart of the mad knight and Quixote-Myshkin. In fact, with Dostoevsky the idea precedes the word, sometimes, as he said in the commentary on Cervantes' novel, has to do without it, a situation that is tragic, but which the "idea" can survive! For the idea is "expressed" in words and Dostoevsky is a self-acknowledged "expressionist "artist, who rejected any absolutization or autonomy of his verbal material. The position of words is important, but secondary. They cannot assume the prerogatives of the final hidden Word. This belief is not only Dostoevsky's principle, but it is worked into the structure of the novel.

The realization of the lack of a "uniting idea" is the climax of Lebedev's speech. He continues that "everything goes limp"; one might add — in Laodicean fashion — that since the structural and life-giving tensions are lacking in life, the world without "the bonds for a new society" slumps into a state of *poshlost.*

Suddenly he breaks off by calling for dinner (p. 368), thus giving the "uninitiated" a chance to say all this is just talk. Lebe-

dev's attack, however, on the age of philistinism and *poshlost* is pointed up by his dismissal of the subject. The age is evil, with its materialism, its enthronement of convenience. It makes a god of the belly and a philosophy of the digestive tract.

Lebedev's discussion of the "age of iron" makes a deep impression on the mind of Ippolit, the sensitive and doomed student, whose approaching death is a major subject strand in the novel. Before the "explanation," in which Ippolit speaks of his apocalyptic dreams and philosophy, he asks during a conversation: "Where is Lebedev?"

Then during the "explanation" Ippolit tells about his dream, in which he is threatened by a mysterious reptilian or insect-like monster, something like an obscence locust. The creature represents the "satisfaction of individual egoism," what Victor Hugo called the principle of the belly. The creature is a stomach, sheer lust and devouring appetite (pp. 377-9). Its Gothic affinities (which ties it to Lebedev) can be seen, in the iconology of medieval monsters, as in Grünewald's Temptation of St. Antony, the famous painting by the German master at Colmar that dramatizes God-forsakenness. It is worth stopping on this analogy with Grünewald. (Dostoevsky was at Basel and may have seen a Grünewald Crucifixion.) Of course, there is no evidence that Dostoevsky went to Colmar nearby, where he would have found painting oddly similar in mood to his novel. But among the monsters in the St. Antony panel there is one — shell-like, turd-like — that reminds one of Ippolit's locust. Only instead of giving a headless impression, this monster presents a head of eagle-like intensity and fierceness trying to wrench away the saint's rosary. More important, there is a figure in the same painting covered in sores and lying at the lower left-hand corner in an attitude of despair, obviously illustrating the inscription: *Ubi eras Jhesu bone, ubi eras, quare non affuisti ut sanares vulnera mea?* This is translated as: "Where were you, good Jesus, where were you? And why did you not come and dress my wounds?"[14] This despairing figure suggests to me Ippolit's state, a prey to all-devouring poshlost and death, and all but lost to hope since even the Christ who could have saved him is now reduced to the Holbein Corpse.[15] The Corpse of Christ in the Basel painting that struck Dostoevsky and the characters of the *Idiot,* in its gangrened, corrupted state reveals that even the Christ has fallen victim to the "locust," the brutally destructive natural process. "One could lose one's faith," remarks Myshkin on seeing the Holbein painting.

---

[14]Grünewald, *The Paintings* (New York: Phaidon, 1958), pp. 118-120, plate 54.
[15]*The Idiot,* pp. 395-396.

Ippolit broods over this painting after discussing the monster that threatens not only him but the very Christ figure.

The reptile is not only a figure of Ippolit's despair and meaningless death. It is a sharper, more intense version of Lebedev's doubt and anomie. It actually recalls Lebedev.

It is an emblem of the dilemma of Lebedev. The monster, an apocalyptic locust of the army of Apollyon, wriggles on its little legs, like a small Lebedev. It has the Lebedevian avidity and unadulterated hunger, the Lebedev who will grovel and prostitute himself for money, as the sycophant of Rogozhin, the hired advocate of the rich Jew against the widow, or the writer of the newspaper squib levelled at Myshkin. But this monster is defied by the dog, a "Dominican" or dog-of-the-Lord, and here we see the other aspect of Lebedev, his role of kingly priesthood as prophet and witness to the truth as he sees it to the neo-medieval Gothic vision. Ippolit's hideous dream ends in a draw — the dog devouring the monster, the monster poisoning the dog — as if in the battlefield of Lebedev's heart the issue is undecided.

Likewise, the question of Lebedev's duality will be unresolved. For the rest of the novel he will both serve, and intrigue against, Myshkin, befriend and torture the General Ivolgin, although we are to assume that his Faith (represented by Vera) is inviolate. The last word about him is when the narrator says that he goes on in much the same way (pp. 595-6).

It is time now to look at his name. Two associations are meant: First the verb "lebezit," to crawl, to boot-lick, as in the case of the socialist "lackey" Lebeziatnikov in *Crime and Punishment,* or Captain Lebyadkin in *The Possessed;* then the noun "lebed," the Swan, the Swan of Apollo, that represents the poetic and prophetic calling, divine afflatus pressly underlines the meaning, calling himself a Swan.

Lebedev himself is in tension between the two realities represented by his name. His conditions must be seen against the larger question of the Double, and simultaneous duality in Dostoevsky.

"I am a king, a slave, a worm, a God." Thus, Dmitri Karamazov quotes from Derzhavin in his monologue about the mystery of human breadth.

In a letter to a lady, Dostoevsky examines the question of duality, and admits that it is both a "torment" and a "delight," something that he feels in himself, but concludes that it is a characteristic of chosen natures and that Christ will bring the solution. "Such duality simply means that you have a strong sense of yourself, much aptness for self-criticism and an innate feeling

for your moral duty to yourself and all mankind."[16] Dostoevsky's thoughts are close here to Nietzsche's admiration of the "strength to withstand tension" occasioned by "the width of tensions between extremes" characteristic of a "strong age."

In Dostoevsky, there is the heroic theme of the coexistence of lofty feeling with underground filth and vileness, one which preoccupies Dostoevsky in his work. This ambivalent consciousness of duality, a *morbus sacer,* is a sickness of the human condition, but in the *Idiot,* Mochulsky infers, it is aggravated by the accursed, mercantile nineteenth century, which has lost the coherence of a "uniting idea."[17]

Dostoevsky indicates that the solution is Christ, the Beauty that shall save the world. But, in the novel, Myshkin fails in his attempt to assume this role, his failure involving Lebedev as well as the other protagonists. As Mochulsky shows, Myshkin is defeated by the brutal realities of the nineteenth century, just as in Ippolit's poem, and the Holbein painting, Christ is devoured by the brutal appetitive processes of undifferentiated matter.

If Lebedev has not been "saved" by Myshkin, he must finally be judged, but "judged humanely" by the engaged reader. The reader is free to decide, (Nikolai Berdyaev and Mikhail Bakhtin agree, Berdyaev — because of his theology of Christianity as freedom, Bakhtin because of his "dialogal" theory and belief that the final word is "unspoken," in Dostoevsky's novels).[18]

But first the reader must understand the "strategy" of Lebedev's family. "Faith" and "Love" do not condemn him, while the revolutionary student nephew does. Forgiveness of the father, however unworthy, is inculcated in much of Dostoevsky's major work, down to the closing scenes of *The Brothers Karamazov,* where Captain Snegirev is so much like Lebedev. This forgiveness goes with the

---

[16]See *Letters of F. M. Dostoevsky,* trans. E. C. Mayne (New York: Horizon, 1961), p. 249.

[17]K. Mochulsky speaks of the "tragedy of contemporary humanity," the "perishing world," described by the *Idiot* and presented apocalyptically by "the drunkard and rogue" Lebedev. See *Dostoevsky,* trans. M. Minihan (Princeton, 1967), pp. 351-353. The "moral crisis experienced by 19th century mankind was a *religious crisis*" (p. 357). The result is "nonsense, chaos... and unseemliness."

[18]Both Dostoevsky critics, representing widely different attitudes (one is interested in the artistic process — the other in textual analysis, one is metaphysical — the other formalistic), concur in seeing "freedom" as a cornerstone, a structural basis, of Dostoevsky's art. See Nicholas Berdyaev, *Dostoevky,* trans. D. Attwater (Cleveland, 1966), pp. 67-87 and Mikhail Bakhtin, *Poetika Dostoevskogo* (Moscow, 1965). Mochulsky calls this a *"personalist"* design (*op. cit.,* p. 351).

acceptance of responsibility for history, with its possibilities of evil and poshlost.

The other alternative, of vengeance and punishment of wrongs — put forward, in fact, by the student-revolutionaries in the novel — is also possible. Lebedev, as the symbolical delinquent parent, can be judged either by resentment or forgiveness. He is corrupt, and stands for the unvarnished evils of the Middle Ages, their apocalyptic hysteria and Giles de Pais figures. But the Christian Middle Ages were not meaningless, just as history is not meaningless. They had a saving grace, an awareness of mystery, a "uniting idea," a retroactive-justification element, while the alternative, Lebedev indicates, is the web of railways ruled by the all-devouring Spider, which is what utilitarianism and progress finally boil down to. Lebedev's critics should also consider that moral responsibility can be demanded if people know what should be done and either do or do not do it. But in the world of the *Idiot,* where all is confounded, things have fallen apart, and the moral source, the Christ, is "dead" or unreachable, the question is what to do.

As the characters of the novel wonder at the "Holbein" Dead Christ, the Pietà-lament of the Russian Holy Week service comes to my mind, with the words of the Virgin:

> Shall I stay, or shall I go with you? . . .
> Give me a word, Word, do not silently pass me by. . . .

With the disappearance of the *Logos,* words have fallen apart as well. And the undecided Lebedev typifies this situation. To a certain extent, his treachery, his hypocrisy arise from a basic indecision, an utter sense of loss.

It could be argued that my discussion of Lebedev is moral (extrinsic), not literary or aesthetic (intrinsic).[19] Such distinctions have importance, but as a matter of degree. Poshlost is a matter of values, and value-criticism is inseparable from moral questions. Even "pure" aesthetic judgements, if such are possible, have to raid the moral vocabulary of "better," "worse," "right," "wrong," etc. The tensions in Lebedev's moral dilemma are inseparable from aesthetic tensions. They give ironic qualifications to his prophecy, but the prophecy in turn qualifies his vices. And these turnings are expressed by his speech characteristics: his verbal hesitations, drawn out words, many dots. . . . It is safe to assume that Dostoevsky saw Lebedev as a clay vessel, however, faulty, yet bearing the

---

[19]See Rene Wellek and Austin Warren, *Theory of Literature* (New York, 1956).

burthen of the mystery, the waters of life. Lebedev typifies the creatural vision that Eric Auerbach noticed in Russian literature and ascribes to the Gospel influence. There, as Auerbach shows, the vices and "pendulations" of the apostles are used for the good tidings, as evil made to serve good. "Love has used our weakness as a guard and guide." (W. H. Auden). The important thing is to receive the Word from Its unworthy ministers, despite the fact that "they do not practice what they preach." But the "scandal" is there and must be recognized, like the prime folly of the Cross mentioned in the *Notebooks to the Idiot,*[20] as necessary to sustain the onlooker's freedom of choice. Dostoevsky's artistic process works on the same basis as his Christian theology. In both cases, freedom is supreme.

Each reader is included in the novel's structure and decides about Lebedev himself, whether he is to be condemned by justice, or redeemed by grace and charity. But the argument of "practice what he preaches" does not really apply to Lebedev. What Lebedev proclaims is not his own exemplary good life, but the reality of the religious will-to-form or striving for the living life — which transcends and precedes morality. "*Pereat justitia et fiat mundus,*" because the *mundus* is more essential. It is on this, his "idea," that he is to be judged.

But whatever the decision of the reader, whatever his "critical re-creation," we see only another example of the brilliance of Dostoevsky's strategy. The merit of his novel is that it is open-ended. Critics of different schools agree that freedom is part of its structure. They seem to echo Schiller, who thinks that the work of art must show "the beauty of form under the influence of free will or Schelling, who says a work of art is an organism of freedom. *Lebedev's* "prophecy" does not force itself, like the Old Testament prophecy or the Apocalypse that seems to say: "Thou must, or else. . . ." It is literature, not moral dogma. One is free to use the priest's unworthiness as an excuse for rejecting the truth he offers. However, the term "strategy" still holds, since Dostoevsky shares Lebedev's serious views and considers them, at least as one uniting idea of the novel.

I see a confirmation of this in the final page of the *Idiot,* which only seems to end casually. Epanchina, who throughout the novel stands for what is noble, authentic, autocthonous and Christian, visits the hopelessly ill Myshkin. She recounts the episode, incident-

---

[20]Dostoevsky, *Notebooks to the Idiot,* ed. E. Wasiolek, trans. K. Strelsky (Chicago, 1967), p. 106.

ally, yet significantly, raging about how they don't know now to make bread outside Russia. Then, she enacts the *Mater Dolorosa* weeping over the symbolically "hopelessly" dead, speechless, Myshkin.[21]

The question of Myshkin's cure, or resurrection, is dependent on the question whether the figure under the sheet and the corresponding Figure in the Holbein painting can rise again. On this, as well as on his own free will, ultimately depends the fate of Lebedev.

[21]*The Idiot*, p. 597.

BERDYAEV AND DOSTOEVSKY

*by Nikolai P. Poltoratzky**
University of Pittsburgh

Professor Poltoratzky's basic theses may be summarized as follows:

1. According to Berdyaev himself, Dostoevsky and Tolstoy had a far greater meaning for his spiritual and ideological life than traditional philosophic and theological movements. The same may also be said concerning Berdyaev's literary-philosophic legacy: to Dostoevsky he dedicated a separate book, three special articles and much space in a series of articles and books written on different themes.

2. In the center of attention of Berdyaev the philosopher stands, naturally, Dostoevsky the thinker ("the greatest Russian metaphysician"). The main thing that Berdyaev perceived and valued in Dostoevsky was his philosophy, his teachings on man, love and evil, revolution and socialism, of the Russian people, the Grand Inquisitor, Christ and Antichrist.

3. Despite the overall significance of Dostoevsky's influence on Berdyaev, Berdyaev's relationship to Dostoevsky was not unchanging. This is especially applicable to the central Russian theme of Berdyaev, his conception of the "Russian idea." If in the mature middle years of Berdyaev's life's ideological development his view of the Russian national character, of Russia and the "Russian idea" was mostly bound to Dostoevsky, then in the last decade of his long life, in Berdyaev's mind and heart, Tolstoy, in many respects, ousted and even supplanted Dostoevsky. That is why it is always

---

*NIKOLAI P. POLTORATZKY is Professor and Chairman of the Russian Department at the University of Pittsburgh. (The Russian summary was translated into English by N. L.)

necessary to ascertain precisely to what periods in Berdyaev's spiritual and ideological evolution his statements on Dostoevsky refer.

4. Despite the fact that Berdyaev's judgments concerning Dostoevsky must be viewed critically and chronologically, Berdyaev is assured of a notable place in the history of Dostoevsky criticism. This derives from his position as a representative of that religio-philosophic trend in Russian thought without which it would be impossible to correctly perceive and profoundly interpret not only Dostoevsky the thinker, but also, inseparably, Dostoevsky the creative artist.

ДОКЛАД Н. П. ПОЛТОРАЦКОГО «БЕРДЯЕВ И ДОСТОЕВСКИЙ»

Основные тезисы проф. Полторацкого можно свести к следующему:

1. По свидетельству самого Бердяева, Достоевский и Толстой имели гораздо большее значение для его духовной и идейной жизни, чем традиционные философские и богословские течения. То же самое следует сказать и о литературно-философском наследии Бердяева: он посвятил Достоевскому отдельную книгу, три специальных статьи, много места в ряде статей и книг, написанных на разные темы.

2. В центре внимания философа Бердяева стоит, естественно, Достоевский мыслитель («величайший русский метафизик»). Главное, что видел и ценил у Достоевского Бердяев, это философию у Достоевского, его учение о человеке, зле и любви, о революции и социализме, о русском народе в России, о Великом Инквизиторе, Христе и Антихристе.

3. При всей значительности влияния Достоевского на Бердяева, отношение Бердяева к Достоевскому не было неизменным. Это в особенности верно применительно к центральной русской теме Бердяева, его концепции русской идеи. Если в зрелой середине жизненного идейного пути Бердяева его представление о русской национальном характере, России и русской идее более всего связывалось с Достоевским, то в последнем десятилетии его долгой жизни в уме и сердце Бердяева Толстой во многом оттеснил и даже вытеснил Достоевского. Вот почему необходимо всегда устанавливать, к какому именно периоду в духовной и идейной эволюции Бердяева относятся те или иные его высказывания о Достоевском.

4. Несмотря на то, что суждения Бердяева о Достоевском надо воспринимать хронологически и критически, Бердяеву обеспечено

прочное место в истории достоевсковедения, — как видному представителю того религиозно-философского направления в русской мысли, без которого невозможно правильно воспринять и углубленно истолковать не только Достоевского-мыслителя, но и неотделимого от него Достоевского-художника.

А. ЭЙНШТЕЙН И Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

(Проблема взаимосвязи науки и искусства)

*by Anatol Popluiko**

Эйнштейн и Достоевский, — что общего между носителями этих двух имен? Оба были гениальны, каждый в своей области: Достоевский в литературе, Эйнштейн — в теоретической физике. Они не были современниками, не могли быть в дружбе и состоять в переписке. Альберту Эйнштейну было всего три года, когда умер Федор Михайлович Достоевский.

У каждого ученого свои литературные вкусы, любимые авторы. Каждый может назвать имя одного, двух и более писателей, которых он любит, чьи произведения оставили неизгладимый след в душе. Сведения об этом нужны биографам ученых, необходимы социологам, изучающим художественные вкусы различных групп читателей — инженеров, ученых, учащихся, домашних хозяек и т.д. И если бы вопрос шел только о литературных вкусах, и к ним сводилось бы значение Достоевского в жизни А. Эйнштейна, то не стоило бы сопоставлять и связывать имена немецкого физика и русского писателя. Упоминание о Достоевском в биографии Эйнштейна было бы незначительным штрихом, какой-то черточкой в психологии физика, но не материалом для изучения влияния творчества Достоевского на мировоззрение людей науки, людей другого творческого направления.

Но в том то и дело, что проблема «Эйнштейн и Достоевский», — выходит за пределы чисто биографической информации и одинаково принадлежит, как истории науки, так и литературы.

Можно по любви к Достоевскому судить о литературных вкусах Эйнштейна, можно найти в произведениях писателя источник некоторых философских и социально-общественных идей, физика. Еще более, установить близость художественного

---

*ANATOL POPLUIKO is former Assistant Professor of the Mining Institute at Dnepropetrovsk, USSR.

и научного в творчестве писателя и ученого, тем более, что в самом их творчестве неразрывны философские идеи, философия космоса, философия этики и божественного.

Что разрешает нам утверждать о близости художественного и научного метода познания действительности Достоевского и Эйнштейна? Мы привыкли противопоставлять научное мышление художественному, как мышление идеями, понятиями, в первом случае, и мышление образами — во втором. Люди науки и искусства кажутся нам слепленными из разного теста. Поэтому надо обладать серьезными фактами, которые свидетельствовали бы о глубокой духовной близости мысли Достоевского уму Эйнштейна, о серьезном влиянии на развитие духовного мира физика творчества великого русского писателя.

Обратить особое внимание на связь обоих имен заставила записанная немецким публицистом А. Мошковским беседа с Альбертом Эйнштейном. Я разрешу себе процитировать содержание беседы, как ее передает литератор Д. Данин, и которая послужила основой всех последующих объяснений, предположений и догадок о внутреннем смысле утверждений Эйнштейна:

> ...Если вы спросите, кто вызывает во мне наибольший интерес, то я отвечу: Достоевский! — Он повторил это имя несколько раз с особенным ударением. И, чтобы пресечь в корне всякое возражение, он добавил: — Достоевский дает мне больше, чем любой научный мыслитель, больше, чем Гаусс![1]

Этот разговор Мошковского с Альбертом Эйнштейном состоялся в двадцатых годах, когда теория относительности получила экспериментальное подтверждение. В научном мире ее признание было всеобщим. Имя Эйнштейна всем стало близким. Ему посылали письма с адресом — «Европа, Эйнштейну».

Как можно понять слова Эйнштейна, что Достоевский ему дал больше Гаусса? Мошковский высказал такое предположение:

> Не в том ли все дело, что «Братья Карамазовы» — единственная в своем роде духовная ценность, в отличие от математических открытий Гаусса, которые мог сделать, в конце концов, и любой другой исследователь?

На это Эйнштейн возразил, «...лучшее, что нам дал Гаусс тоже мог дать только он один».

Несомненно в этом отношении физик был прав. Действительно, история научных открытий показывает, что когда подходит

---

[1]Даниил Семенович Данин (Плотке), «Возможные решения (из дневника литератора»), журн. «Вопросы лит-ры», 1964, № 8, стр. 88-110, см. 92.

время для открытия, оно будет сделано, если не тем, то другим ученым, часто повторно и, нередко, параллельно. Интегральное и дифференциальное исчисление были разработаны независимо друг от друга Лейбницем и Ньютоном. После Лобачевского, независимо от него, к неэвклидовой геометрии пришел венгерский математик Я. Больяй, опубликовавший свою работу в 1832 г. В архиве К. Ф. Гаусса, после его смерти, были обнаружены наброски начальных положений неэвклидовой геометрии.

Можно безусловно не сомневаться, что все данное Гауссом науке, рано или поздно, стало бы достоянием человечества. Но оно было бы творчеством не одного ученого, а сочетанием, различных научных открытий разных ученых. Поэтому не могло быть другого Лобачевского, или Гаусса, или Эйнштейна.

Совсем иное положение с писателями, художниками, композиторами, с их творческими достижениями. Неповторимы «Братья Карамазовы», «Преступление и Наказание», «Идиот», — их мог создать только гений Достоевского, как «Войну и Мир», «Анну Каренину», написать мог лишь Лев Толстой. Писатель неповторим, как и его произведения. Ученый также неповторим как личность, как научный деятель, но повторимы его открытия. В этом основное и принципиальное отличие научного открытия от художественного творения.

Прав Данин, когда утверждает, что и без Эйнштейна квантовая теория света, расшифровка брауновского движения и специальный принцип относительности, в конце концов, стали бы достоянием науки. Только не могло быть второго Эйнштейна.

А. Мошковский выдвинул такое предположение:

> Не в том ли все дело, что великие произведения искусства никогда не надоедают, к ним можно возвращаться снова и снова, открывая в их глубинах еще неведомые источники наслаждения ?

Альберт Эйштейн на это возразил:

> ...И к великим научным теориям мы можем возвращаться снова и снова и впечатление от этого нисколько не ослабевает.[2]

Великий физик сам так объяснял свое пристрастие к Достоевскому: ему «Братья Карамазовы» дают «этическое удовлетворение». К сожалению, Мошковский не выяснил, что для Эйнштейна значит «этическое удовлетворение», почему разговор не

---

[2]цит. стр. 92.

шел об эстетическом наслаждении. И этим самым осталось широкое поле для догадок о внутреннем смысле этого высказывания, о его непосредственной связи с моральными идеалами самого Эйнштейна.

Достоевский или Гаусс, — слова Эйнштейна стали отправным пунктом возникшей в литературоведческой среде дискуссии вокруг проблемы — Эйнштейн-Достоевский. Дискуссия велась в кругу советских исследователей, историков естествознания, литературоведов, публицистов и критиков. Одним из первых в советской литературе сравнительно подробно останавливался на роли Достоевского в жизни и творчестве Альберта Эйнштейна историк науки Б. Г. Кузнецов. В своей книге об Эйнштейне, вышедшей в 1963 году, эту тему автор затронул мимоходом, как задачу изучения соотношения между научным творчеством Эйнштейна и художественным творчеством Достоевского. Более подробно Кузнецов рассматривал проблему в 1965 г.[3] и затем — в 1967 г.[4], в третьем издании книги об Эйнштейне.

Фактически дискуссия началась лишь с одновременной публикации в марте 1968 г. статьи того же Б. Кузнецова — «Образы Достоевского и идеи Эйнштейна»,[5] и ответа на нее критика и публициста М. С. Гуса — «Противоречия Достоевского и принцип дополнительности.»[6]

После этого наступил двухлетний перерыв, до появления в 1970 г. статьи литературоведа Б. С. Мейлаха, в которой была дана оценка дискуссии между Кузнецовым и Гусом. Мейлах, в своей статье — «Об одной дискуссии», — выдвинул дополнительно вопрос о соотношении научного и художественного мышления на примере творчества Достоевского и Эйнштейна. Частично им было затронуто и отношение самого Достоевского к науке его времени.[7]

Прежде чем перейти к анализу и оценке дискуссии, мы должны отметить, что еще до ее возникновения и выступлений Кузнецова, в советской публицистике уже были упоминания об отношении Эйнштейна к творчеству Достоевского, например, в статье писателя и географа И. М. Забелина — «О культуре мыш-

---

[3]Б. Г. Кузнецов, «Эйнштейн и Достоевский», журн. «Наука и Жизнь», 1965, № 6, стр. 38-44.

[4]Б. Г. Кузнецов, «Эйнштейн», 3-е издание, исправленное и дополненное, Наука, М., 1967, см. стр. 87-101, глава «Достоевский и Моцарт».

[5]Б. Г. Кузнецов, «Образы Достоевского и идеи Эйнштейна», журн. «Вопросы Лит-ры», 1968, № 3, стр. 138-165.

[6]М. С. Гус, «Противоречия Достоевского и принцип дополнительности», там же, стр. 166-180; его перу принадлежит исследование — «Идеи и образы Достоевского», М., 1962 г.

[7]Б. С. Мейлах, «Об одной дискуссии», журн. «Нева», 1970, № 5, стр. 183-189.

ления».[8] Судя по опубликованному в журнале «Юность» отрывку из книги воспоминаний И. Г. Эренбурга «Люди, годы и жизнь»,[9] еще в 1947 г. Эренбург беседовал с Эйнштейном. В разговоре с советским писателем Эйнштейн упоминал о впечатлении, которое оставляет у него чтение произведений Достоевского:

> На меня очень большое впечатление произвели «Братья Карамазовы». Это одна из тех книг, которые разбивают механические представления о внутреннем мире человека, о границах добра и зла.

Нельзя не упоминуть, что в книге театроведа С. Корытной — «Пером и объективом. Киногеничен ли духовный мир?», в связи с темой о художественном и научном мышлении, упоминается имя Достоевского в связи с Эйнштейном.[10]

Творчество писателя и физика сопоставляется также в работе И. Золотусского — «Фауст и физика».[11]

Таков примерный список работ советских исследователей, в которых, так или иначе, затрагивалась тема «Эйнштейн и Достоевский». На мыслях, высказанных авторами этих трудов, мы и остановимся.

Прежде всего анализ проблемы следует начать с работ Б. Кузнецова. Свою статью, опубликованную в 1965 году в журнале «Наука и Жизнь», автор начинает с вопроса самому себе:

> Почему Эйнштейн говорил о Достоевском: он дает мне больше, чем любой мыслитель, больше чем Гаусс? Что мог дать Достоевский создателю теории относительности?

И сам же Кузнецов дает ответ на этот вопрос:

> Разумеется, не философские, моральные и общественные идеи, которые Достоевский вложил в сознание и в уста своих героев. Эйнштейн черпал в художественной литературе не элементы научного мировоззрения, а импульсы для поисков. Влияние художественного творчества на научное творчество зависело не от позитивных ответов, а от эстетического обобщения вопросов и противоречий старой картины мира, от интенсивности художественного осознания противоречивости и бесконечной сложности мироздания.[12]

---

[8] И. М. Забелин, «О культуре мышления», журн. «Новый Мир», 1961, № 1, стр. 158-165.

[9] И. Г. Эренбург, «Два портрета», журн. «Юность», 1965, № 1, стр. 69.

[10] С. Корытная, «Пером и объективом. Киногеничен ли духовный мир?», изд. «Искусство», М. 1966, цит. Мейлах, см. 7.

[11] И. Золотусский, «Фауст и физика» (цит. Б. Мейлах; см. 7), стр. 185.

[12] см. 3, стр. 38.

Б. Кузнецов заканчивает эту статью словами, которые необходимо привести здесь, чтобы была ясна та идея, которую проводит автор при сопоставлении имени немецкого физика и русского писателя:

> Мы встречаем упоминание о «Братьях Карамазовых» в письме Эйнштейна, посланном из Берлина в 1920 году. В письме говорится о пока еще первоначальных, но уже обещающих стать крайне мучительными поисках единой теории. Далее речь идет о националистической реакции в Германии; тогда еще нельзя было представить масштабы разрушительного хаоса, к которому она привела, но направление ее уже определилось. И вот между двумя констатациями тяжелых интеллектуальных и морально-политических тенденций, противоречащих идеалу гармонии, Эйнштейн говорит о «Братьях Карамазовых.[13]

В заключении статьи Кузнецов дает окончательную формулировку своих взглядов на сущность значения Достоевского для Эйнштейна:

> Итак, Достоевский был для Эйнштейн источником импульсов, укреплявших и усиливавших его тягу к поискам научной, общественной и моральной гармонии. Эти импульсы не определяли и не изменяли направление интересов Эйнштейна, но увеличивали его скалярную меру. Направление было определено раньше, чем Эйнштейн познакомился с произведениями Достоевского. Но интеллектуальное и моральное воздействие творчества Достоевского на идейную жизнь нашего столетия проектировалось на направление, по которому шел Эйнштейн, очень мощной ускоряющей составляющей.[14]

Свои идеи о значении творчества Достоевского для автора теории относительности Кузнецов далее развил в работе «Образы Достоевского и идеи Эйнштейна», которая, как мы упоминали, послужила началом дискуссии на эту тему. Как справедливо отметил его оппонент М. С. Гус, автор, анализируя соотношение научных идей Эйнштейна и художественных образов Достоевского, «оперирует главным образом «принципом дополнительности», — то есть методом, созданным Нильсом Бором и «копенгагенской школой» физиков, против которого Эйнштейн спорил вплоть до самой смерти».[15]

Если бы приложение принципа дополнительности Бора, дей-

---

[13]Об этом письме упоминается в работе Зеелига, которую здесь цитирует Кузнецов, 3, стр. 44.

Albert Einstein. Leben un Werk eines Genius unserer Zeit, C. Seelig, (Zurich, 1960), S. 265; цит. стр. 44.

[14]см. 3, стр. 44.

[15]цит. 6, стр. 167.

ствительно, что-то давало новое и плодотворное для анализа творчества Достоевского, автору можно было бы простить ошибку. Фактически, принцип дополнительности привел Кузнецова на неправильный путь.

Б. Кузнецов различает в художественном творчестве Достоевского две стороны. Одна — иррационалистическая, сознательная тенденция писания, под которой он подразумевает мировоззрение писателя. Другая сторона — рационалистическая поэтика, проявляющаяся в развитии художественных образов. В неконтролируемом воздействии одной стороны творчества на другую и сказывается, по мнению Кузнецова, проявление принципа дополнительности. В художественных произведениях Достоевского сочетается, как считает автор, противоположность характера тенденции — характеру поэтики. В этом Кузнецов и видит проявление принципа дополнительности, который и в физике применяется как метод трактовки противоположных сторон одного и того же процесса[16].

При анализе творчества Достоевского Кузнецов исходит из противоставления мировоззрения писателя, его идейных исканий, присущему ему художественному методу, иными словами — из существования противоречий между субъективным миром Достоевского и объективным смыслом его творчества. Кузнецов утверждает, что

> рационалистическая поэтика Достоевского, вопреки антирационалистической тенденции приводит к выводам, далеким от замысла писателя... сознательная тенденция оказывалась художественно неполноценной и неубедительной (в кардинальном пункте создания положительного образа, в котором происходит «слияние индивидуального бытия» с «музыкой сфер).[17]

Отсюда Кузнецов приходит к выводу что Достоевского постигла неудача, так как появившееся у писателя «представление о дополнительности локального, индивидуального, неповторимого бытия, с одной стороны, и рациональной общей схемы

---

[16]В «Философской Энциклопедии» дается такое определение принципу дополнительности: «В процессе познания для воспроизводства целостности объекта необходимо применять взаимоисключающие, «дополнительные» классы понятий, каждый из которых применим в своих особых условиях.... ...Бор придает принципу дополнительности всеобъемлющий характер, выходящий далеко за пределы физических явлений. «Цельность живых организмов и характеристики людей, обладающих сознанием, а также человеческих культур, представляют черты целостности, отображение которых требуют типично дополнительного способа описания» («Квантовая физика и философия», в журн. «Успехи физ. наук», т. 67, вып. I, 1959, стр. 42) Физич. Энциклопедия, т. 2, М., 1962, стр. 52.

[17]см. 5, стр. 141, 154.

мировой гармонии», не приобретало четких контуров и не реализовалось в позитивную социальную и моральную программу.[18]

Конечно, принцип дополнительности не идея Эйнштейна, в этом прав Гус. Прав критик и в том, что никаких перспектив в понимании художественного творчества Достоевского подобное применение принципа дополнительности не создает. Нельзя искусственно противопоставлять мировоззрение писателя его художественному творчеству. Мировоззрение Достоевского имело решающее значение для направления его художественного творчества, для проблем, которые он решал в своих произведениях. Поэтому нельзя отделять и противоставлять Достоевского художника, Достоевскому — философу, мыслителю. В творчестве писателя наглядно проявляется единство сознательного и подсознательного, философских исканий и интуиции художника.

У Достоевского пытались найти противоречие между убеждениями, выраженными в его дневниках и статьях, и теми взглядами его, которые выявляются в его художественных произведениях. Разумеется, в публицистике Достоевского более открыто и отчетливо проявляется его общественное сознание, его политические и национальные симпатии и антипатии. Но и в самом художественном творчестве писателя достаточно выпукло выступает его мировоззрение, хотя художественные образы Достоевского не являются прямым иллюстративным отображением его общественных идеалов и симпатий.

Д. Данин считает весьма правдоподобным одно из предположений Кузнецова о характере воздействия творчества Достоевского на научные поиски Эйнштейна:

> Мощное психологической воздействие может помочь расшатыванию привычных представлений и ассоциаций. В этом нуждается ищущая научная мысль. Особенно тогда, когда она занята поисками стройной физической системы мира и не должна страшиться парадоксальных черт в поисках природы. Исследователю важно видеть, как в другой сфере — в искусстве, парадоксальные факты жизни обретают полную достоверность и открывают свою обусловленность в запутанно-сложной, но стройной картине бытия.[19]

Повторяя выражение Кузнецова, что «Достоевский давал Эйнштейну не логические, а психологические импульсы», что писатель давал физику «этическое удовлетворение», — Данин находит в нем однозначность, только лишь первое приближение к истине. Сам он предлагает такое понимание того, в чем заклю-

---

[18]см. 5, стр. 159.
[19]Д. Данин, цит. 1, стр. 95.

чалось этическое удовлетворение Эйнштейна от чтения произведений Достоевского:

> Этическое удовлетворение от «Братьев Карамазовых» получал не Эйнштейн-человек, гонимый жизнью, а Эйнштейн-мыслитель, преследующий по пятам самое жизнь, ускользающую в темные углы, казалось бы, непостижимых сложностей. И тогда понятно сопоставление с Гауссом. Тогда Гаусс отнюдь не нуль. Напротив — громадная величина. Но для Эйнштейн он был 'свой' — идущий той же дорогой научного познания мира. А в победительном умонастроении тех лет Эйнштейн ощущал всех научных мыслителей — всех 'своих' — идущими сзади. И, согласитесь, у него были на это нешуточные права ! А Достоевский не был 'своим' — он шел другой дорогой познания. И Эйнштейн не мог ощущать его позади или впереди себя. Тот шел рядом.[20]

Д. Данин, заканчивая часть своего дневника литератора, посвященного проблеме Эйнштейн-Достоевский, выдвигает идею дальнейшего исследования духовной связи между обоими гениальными творцами:

> Да, несомненно, лучшим толкованием этой связи оказалось бы такое, в котором духовный мир Эйнштейна получил бы новое освещение через Достоевского. А духовный мир Достоевского открылся бы с новых сторон благодаря Эйнштейну. Пока, насколько мне известно, такого дважды обогащающего толкования нет. Но оно придет. Придет и самым непредвиденным образом бросит новый посев сразу в две борозды на необъятном поле истории мировой культуры.[21]

Сочетание имен Достоевского и Эйнштейна вызывает стремление вернуться к проблеме роли искусства в общем познании окружающего физического мира. В связи с этим я хочу процитировать одну выдержку из статьи И. Забелина — «О культуре мышления», — которая была опубликована до дискуссии Кузнецова с Гусом, и в которой также затронуты имена писателя и физика. Должен отметить, что я полностью разделяю точку зрения Забелина и поэтому разрешаю себе привести несколько длинную цитату:

> Осознается ли это ученым или не осознается, но без всякого предшествующего нашим дням искусства невозможна была бы современная наука. Да если бы на секунду представить невероятное, — что в истории человечества никогда не было поэзии, — то можно смело утверждать, что сегодня у нас не было и тех

---

[20]Данин, цит. 1, стр. 95.
[21]Данин, цит. 1, стр. 95.

блестящих научных достижений, которыми мы по праву гордимся. Не потому, разумеется, что ученый А. не может жить без стихов поэта Б., а потому, что *современная наука не может развиваться без высокой способности ученых к образному мышлению,* воспитывается же образное мышление поэзией, искусством. Чем дальше проникает ум человека в космос, чем глубже погружается в атом, тем выше становится требование к культуре мышления, основу которой составляет умение видеть, мыслить образами (подчеркнуто автором).[22]

И. Забелин также делает ссылку на Достоевского в связи с именем Эйнштейна:

Я убежден, что для Эйнштейна, говорившего, что Достоевский дает ему больше, чем любой научный мыслитель, скрипка была не только любимым музыкальным инструментом, но в какой то степени инструментом познания. Музыка — наиболее отвлеченная форма образного мышления — развивала, формировала исключительную способность Эйнштейна к отвлеченному мышлению. Представление о времени, зависящем от скорости движущегося тела, от скопления материи, — все это родилось не только с помощью научного анализа.[23]

Надо сказать, что у Достоевского было необычайно обострено пространственно-временное ощущение. И поэтому, когда он упоминал эвклидову геометрию, он говорил и как знающий эту науку, и как писатель, делающий визуально острой ее философскую подоплеку.

Конечно, научное мышление не сводится только к манипулированию абстракциями, схемами, формулами, понятиями. В научном творчестве неизбежно присутствуют элементы образного мышления. Разумеется, что и писатели не могут в наше время чуждаться науки как таковой. Они сталкиваются с наукой не только по касательной, но и должны прибегать к ее специфическим методам. На стыке науки и литературы родилась научно-фантастическая литература, которая равно принадлежит и науке и литературе, и ее творцами являются и писатели-художники (А. Толстой, Жюль-Верн, Эдгар По), и ученые-писатели (акад. В. А. Обручев, Г. Уэльс).

Как пишет Б. Рунин в статье «Логика науки и логика искусства»:

Без художественного мышления, оперирующего художественными образами, не могло бы развиваться и научное мышление, оперирующее научными понятиями. И наоборот. Ибо каждое из

---

[22]И. М. Забелин, цит. 8, стр. 165.
[23]И. М. Забелин, цит. 8, стр. 165.

них несет в себе конструктивный принцип, жизненно необходимый другому. Благодаря этому они исторически сформировали друг друга и сформировались сами.[24]

А Мейлах пишет:

Для того, чтобы находиться на уровне современности, художник должен быть очень широко ориентирован в том, что происходит не только в общественной жизни, но и в различных областях науки. Расширение кругозора художника, объема его знаний увеличивает его возможности и вместе с тем создает дополнительные сложности для его труда.[25]

В том же сборнике «Содружество наук и тайны творчества», где помещена статья Мейлаха, которую мы только что цитировали, находится и статья академика-математика А. Колмоговора — «К основам русской классической метрики», написанная вместе с А. Прохоровым и прямым образом свидетельствующая о содружестве науки и литературы. В введении сказано, что «авторы этой статьи в последние годы опубликовали несколько специальных работ по метрике и ритмике русского стиха».[26]

В. Холшевников, автор другой статьи того же сборника — «Стиховедение и математика», в послесловии упоминает о том, что «опыт польских, чешских и других зарубежных ученых показывает, что статистика и математика могут помочь и в других (кроме ритмики) областях теории стиха».[27]

Как видим, если художники делают объектом искусства «научные открытия, деятельность ученых, их психологический мир, их характеры, жизненно практическое значение их дела»,[28] то и ученые вмешиваются в анализ художественного творчества и сами работают в области искусства, музыки и литературы. Это лишь подтверждает тесную общность научного и художественного творчества, «пересечение линий познания жизни наукой и искусством».

В советской литературе все же господствует противопоставление научного мышления художественному. В книге «Теория литературы в связи с проблемами эстетики», один из ее авторов, Н. А. Гуляев, осуждает некоторых эстетиков, которые «не видят никакой разницы между художественным и научным познанием»,

---

[24]Б. Рунин, сб. «Содружество наук и тайна творчества», изд. «Искусство М., 1968, см. стр. 118.
[25]Мейлах, сб. «Содружество наук и тайна творчества, стр. 8.
[26]А. Колгоморов, А. Прохоров, цит. сб., стр. 397.
[27]А. Холшевников, цит. сб., стр. 396.
[28]Мейлах, цит. 25, стр. 8.

и считают, что «художник так же, как и ученый, способен открывать законы природы и общества».[29] И он признает, что «эта точка зрения широко распространена в научной литературе». Автор не отрицает, что искусство является средством познания действительности, но «присущий художественной литературе аспект познания действительности требует своей специфической формы воплощения. Тут необходимо особое художественное мышление, непосредственное чувственное восприятие».[30]

Значительно ближе к правильному пониманию близости научного мышления и художественного А. Мясников. В статье «О художественном образе», автор пишет:

> Обычно, говоря об отличии научного познания от образного, подчеркивают, что научное познание — это отражение мира в отвлеченных понятиях, а образное — в живых, синтетических целостных образах. В таком суждении много справедливого. Однако в художественном произведении — и в речи автора, и в речи условного рассказчика, и в речах героев — немало понятий. В то же время ученый нередко пользуется образами. Но разница между языком науки и языком искусства не механическая: в одном случае преобладают образы, а в другом — понятия. Разница — качественная.[31]

Умозаключение о тесной связи, об известной общности научного и художественного мышления подтверждается творческим приемом Эйнштейна и самого Достоевского, параллельностью создаваемых ими картин мира, как это тонко подметил один из крупнейших исследователей творчества Достоевского М. М. Бахтин в книге «Проблемы поэтики Достоевского»:

> Научное сознание современного человека научилось ориентироваться в сложных условиях «вероятностной вселенной», не смущается никакими «неопределенностями», и умеет их учитывать и рассчитывать. Этому сознанию давно уже стал привычен эйнштейновский мир с его множественностью систем отчета и т.п. Но и в области художественного познания... Необходимо отрешиться от монологических навыков, чтобы освоиться в той новой художественной сфере, которую открыл Достоевский и ориентироваться в той несравненно более сложной художественной модели мира, которую он создал.[32]

---

[29]Н. А. Гуляев, А. Н. Богданов, Л. Г. Юдкевич — «Теория литературы в связи с проблемами эстетики», изд. «Высшая Школа», М., 1970, стр. 78.
[30]Гуляев, цит. стр. 78-79.
[31]А. Мясников — «О художественном образе», журн. «Литература в школе» 1971, № 1, стр. 15.
[32]М. М. Бахтин — «Проблемы поэтики Достоевского», изд. «Сов. Писатель», М., 1963 г., см. стр. 361-362.

Внутренняя близость научного и художественного метода и объясняет почему произведения Достоевского давали в известных случаях больше пищи уму и воображению Эйнштейна, чем многие ученые трактаты, необходимые ему для его работы. И, несомненно, Достоевский давал не только эмоциональный заряд для научного творчества, но и пример образотворческого и психологического подхода к решению научных задач.

Советские исследователи влияния Достоевского на Эйнштейна, как мы уже отмечали, утверждали, что «этическое удовлетворение от «Братьев Карамазовых» получал не Эйнштейн-человек... а Эйнштейн-мыслитель.»

Советские исследователи останавливались только на этой стороне влияния Достоевского на Эйнштейна, на значении произведений и идей писателя для творца теории относительности, на том, что через творчество перебрасывался мостик от аналитического, абстрактного мышления к художественно-интуитивному восприятию физического мира.

С этим ограничением и сужением влияния Достоевского на Эйнштейна никак нельзя согласиться. Никоим образом нельзя отрицать наличия внутреннего духовного родства обоих, только лишь потому, что Достоевский и Эйнштейн были людьми различного склада характера, различными личностями по темпераменту и психологическому складу. Духовная близость определяется не столько сходством характера, или близостью индивидуальной психологии, сколько одинаковостью отношения к окружающему миру, одинаковостью душевной реакцией на события, происходящие в мире. Вот в последнем и видна большая близость Эйнштейна к Достоевскому.

Достоевский был не только писатель-художник. В нем проявлялся и яркий талант публициста. Как редактор он был и общественным деятелем. И физик-теоретик Альберт Эйнштейн не замыкался в башне науки из слоновой кости. Он жил жизнью окружающего его общества. Круг его интересов был необычайно широк. Как у Достоевского был «Дневник писателя», так и публицистические выступления Эйнштейна, собранные в двух томах, смело можно назвать — «дневником ученого». Публицистические произведения Эйнштейна окрашены самым глубоким гуманизом, пропитаны философскими размышлениями и выражают личные общественные идеалы. Эйнштейн, как и Достоевский, неослабно следил за текущими событиями и откликался на наиболее серьезные из них, имеющие общечеловеческое значение, затрагивающие его не как ученого, но как человека, в первую очередь.

В 1945 году Эйнштейн публикует статью под характерным названием «война выиграна, но не мир». Видя, какие последствия может принести атомная война, Эйнштейн выступил горячим сторонником идеи «мирового правительства», которая не пришлась по вкусу Сталину. Четырех советских академиков-физиков — С. Вавилова, А. Фрумкина, А. Иоффе и И. Семенова, заставили выступить с открытым письмом Эйнштейну, в котором они критиковали его за поддержку им идеи «мирового правительства».[33]

Это письмо академики начинают с того, что отмечают известность Эйнштейна не только за его научные открытия. В последние годы он уделял много внимания социальным и политическим проблемам. Авторы письма пишут, что Эйнштейн выступает по радио и публикуется в печати. Он связан с многочисленными общественными организациями. Он подымал голос протеста против нацистского варварства. Он ратовал за прочный мир и выступал против опасности новой войны и против честолюбивых замыслов милитаристов взять полностью науку под свой контроль.[34]

Эйнштейн с достоинством ответил советским академикам, сказав, что он поддерживает идею мирового правительства, независимо от того, как его понимают другие люди.

«Я, — писал он, — стою за мировое правительство потому, что я убежден, что нет другого пути избежать ужасной опасности, которой подвергается сейчас человек. Задача избежать всеобщего разрушения должна преобладать над любыми другими устремлениями».[35]

Таков был Эйнштейн как общественный деятель. Красной нитью через все его публицистическое творчество проходит тревога за судьбы человека с большой и малой буквы, как это видно из его статей, очерков и разных выступлений, собранных в двух томах. Я думаю, что какой-нибудь исследователь в будущем сопоставит и сравнит дневники Достоевского с публицистикой Эйнштейна и найдет в них много общего по служению человеку и человечеству.

Мы можем с уверенностью утверждать, что именно Достоевский с его страстной любовью к человеку, оказал решающее влияние на Эйнштейна как на человека. И не исключена ве-

---

[33]Dr. Einstein's Mistaken Notions (An Open Letter from Sergei Vavilov, A. N. Frumkin, A. F. Joffe, and N. N. Semyonov) in *Out of my Later Years* by Albert Einstein (New York: The Wisdom Library, 1950), pp. 150-151.

[34]*Ibid.*, p. 151.

[35]"A Reply to the Soviet Scientists", p. 163.

роятность, что именно под влиянием Достоевского и, конечно, своей судьбы и судьбы человечества в военные и послевоенной жизни, Эйнштейн выступал с откликами в печати, которые можно в целом считать как бы дневниками физика, подобным дневникам писателя, которые вел Достоевский на склоне своих дней.

*EINSTEIN AND DOSTOEVSKY**

The origin of the problem — Einstein and Dostoevsky — is called forth by the discussion concerning the meaning of Dostoevsky's creative work as the ethical impulse for the scientific thought of Albert Einstein. The basic theses adduced by the historian of natural science B. Kuznetsov in his article, "Dostoevsky's Images and Einstein's Ideas," are considered. Kuznetsov feels that the philosophical, moral, and social ideas which Dostoevsky placed into the consciousness and the mouth of his heroes did not affect Einstein. Einstein was not searching for elements of a scientific world view in Dostoevsky's work, but rather for impulses which led to the searching. Kuznetsov sees a contradiction in Dostoevsky's work between an "irrationalistic" world view and a rationalistic approach to literature.

The critic M. Gus feels that Kuznetsov is not operating on the level of Einstein's ideas. In his analysis he alludes to the "correspondence" principle which was put forth by Niels Bohr and the Copenhagen school of physics (with which, incidentally, Einstein did not agree to the end of his life).

In 1970 the literary critic B. Meylakh turned his attention to the question of Einstein-Dostoevsky and analysis of the debate between Kuznetsov and Gus. In passing, he also considered the question of the relationship of scientific to artistic thought.

The author of this essay, A. Popluiko, protests against this one sided interpretation leading to the conclusion that Dostoevsky's work only gave Einstein an emotional impetus toward scientific creativity. He feels that Dostoevsky's influence on the social ideals and social activity of Einstein cannot be ignored.

---

*The English summary of this article was prepared by N. L.

THE CONTROVERSY OVER DOSTOEVSKY IN THE 1960s IN SOVIET DOSTOEVSKY STUDIES

*by Vladimir Seduro**

I

After the Twenty-Second Party Congress of the CPSU announced that the struggle against the cult of Stalin would continue in the future, a certain liberalization of the official attitude toward Dostoevsky took place which had a positive effect as regards the publication of new works on this writer. True, readers and scholars of Dostoevsky's writings have so far been given only the first part of the long-awaited volume of *Literaturnoe Nasledstvo* (1965) devoted to Dostoevsky — the draft manuscripts of the novel *A Raw Youth.*[1] The publication of other important books on Dostoevsky, however, compensates to some extent for this situation. In 1962 a major, excellently documented biography of Dostoevsky was finally brought out in the series *Lives of Celebrated People (Zhizn' Zamechatel'nykh Liudei)* published by *Molodaia Gvardiia* (Young Guard). The author of this biography was the eminent literary scholar and well-known Dostoevsky specialist, a man who devoted many years of his life to Dostoevsky studies, the late Leonid Grossman (1888-1965). The book covers all aspects of the writer's life and writings. It takes the reader through Dostoevsky's youthful years, his first steps in literature, his active participation in the Petrashevskii Circle, his years in exile, his literary débuts in the 1860s, his journalistic activities, his life abroad, his love interests,

---

*Dr. VLADIMIR SEDURO, Professor of Russian Literature at Rensselaer Polytechnic Institute, is the Vice-President of the North American Dostoevsky Society and the American Representative at the International Dostoevsky Association. Professor Seduro is renowned for his studies on Dostoevsky's reputation in the Soviet Union.

[1]*Literaturnoe Nasledstvo* (Literary Heritage). Volume 77. *F. M. Dostoevskii v rabote nad romanom "Podrostok."* Tvorcheskie rukopisi. *(F. M. Dostoevsky at Work on the Novel A Raw Youth: Working Manuscripts* (Moscow: Nauka Publishers, 1965), 520 pages.)

the creative processes which went into the writing of his confessional novels, his wanderings and his family life, the history of the writing of his novel-poem *The Idiot,* his novel-pamphlet *The Devils,* his novel on education *A Raw Youth* and his novel-synthesis, *The Brothers Karamazov.* This book also contains the most important dates in Dostoevsky's life and work, and a bibliography of the literature about him. And although the author was unable to pass over in silence Dostoevsky's so-called "reactionary positions," nevertheless throughout his book he holds to the idea that these positions were transcended by the "genial sweep of his artist's brush and his deep sympathy for human suffering."[2] The book is illustrated with pictures and photographs, not only of Dostoevsky and his family but also of many other people active in the public and literary life of that era, including a photograph of the famous Russain Christian religious philosopher, Vladimir Solov'ev. Because it contains such an abundance of facts and gives us such a complete biography of the writer this book can be placed on the same level of importance as Grossman's earlier book, which has long since become a bibliographical rarity, *The Life and Works of Dostoevskii, Academia,* 1935. In 1965 Grossman's biography *Dostoevsky* was reissued in a second, revised and supplemented, edition of 100,000 copies. The first edition was one of 115,000 copies. Such as large-scale edition of this biography of the great writer will undoubtedly promote the cause of a wider knowledge of Dostoevsky among young Soviet readers and will contribute both to their general knowledge of the literary life of the period from the 40s through the 70s of the last century and to their study of Dostoevsky's writings in detail. After they learn the facts of his life and work, these readers will begin to aspire to a further knowledge of the meaning and significance of each work and will wish to get down to the roots of its philosophy.

Serving a similar purpose is the collection of reminiscences of Dostoevsky prepared with exemplary care by the renowned Dostoevsky scholar A. S. Dolinin and published in two volumes in 1964.[3] This is essentially the first published collection of reminiscences of Dostoevsky to have been prepared in a scholarly manner. The two previous attempts made to publish such compendia — in 1883 in

---

[2]L. P. Grossman. *Dostoevskii.* TsK VLKSM "Molodaia Gvardiia" (Central Committee, A 11-Union Lenin Communist Union of Youth "Young Guard") Publishers, Moscow 1962, p. 531.

[3]*F. M. Dostoevskii v Vospominaniiakh Sovremennikov* (F. M. Dostoevsky in the Reminiscences of His Contemporaries). A Collection Compiled by A. S. Dolinin in the Series of Literary Memoirs (Seriia literaturnykh memuarov). Khudozhestvennaia Literatura (Artistic Literatura) Publishers, Moscow 1964. Vol. I, 439 pp. Vol. II, 520 pp.

Vol. I of the *Complete Collected Works of F. M. Dostoevsky (Polnoe sobranie sochinenii F. M. Dostoevskogo),* edited by O. F. Miller and N. N. Strakhov and in 1912 in a collection compiled by V. E. Cheshikhin-Vetrinskii and entitled *F. M. Dostoevsky in the Reminiscences of His Contemporaries, in Letters and Notes (F. M. Dostoevskii v vospominaniiakh sovremennikov, v pis'makh i zametkakh),* 2nd ed. 1923 — are far from complete structurally and the principles controlling the presentation of their texts and commentaries are out of date. Of 180 titles of memoirs about Dostoevsky, Dolinin has picked out 40 of the most reliable and valuable and has included them, either in full or as extracts, in this book: *F. M. Dostoevsky in the Reminiscences of his Contemporaries (F. M. Dostoevskii v vospominaniiakh sovremennikov).* Besides the factor of reliability, the compiler also took into consideration the importance of the information about the writer conveyed by each memoirist, how close that particular individual was to Dostoevsky, the nature of their relations ,etc. The texts of memoirs were checked once more against the available primary sources; i.e. publications dating from the writer's lifetime and manuscripts. Extracts dealing with Dostoevsky were made from memoirs of a general character, for example those of P. V. Annenkov or V. A. Sologub. The complete material has been divided up into eight sections in conformity with the key moments in the novelist's life and writings. To the text of each memoir A. S. Dolinin attached as a preface a bibliographical note on its author and a critical appraisal of the memoir as a historical source. Errors and inaccuracies as to specific facts, dates and names are mentioned in notes. At the end of the book there is a bibliography of all memoirs on Dostoevsky. Dozens of literary scholars have helped the compiler in his work on the preparation of texts and in writing prefatory notes and annotations. In selecting the illustrations, materials from the F. M. Dostoevsky Museum-Apartment in Moscow were used. 70,000 copies of each volume of this edition were printed. Indeed, this achievement of the veteran Dostoevsky scholar A. S. Dolinin fills an enormous gap in the work of publishing the documents and evidence concerning the writer's life, and simplifies the process of studying his writings.

The year 1962 saw the appearance of a book by M. Gus: *The Ideas and Images of F. M. Dostoevsky (Idei i Obrazy F. M. Dostoevskogo),* and in 1963 the following titles were published: *Dostoevsky's Last Novels: How A Raw Youth and The Brothers Karamazov Were Created (Poslednie Romany Dostoevskogo. Kak sozdavalis' "Podrostok" i "Brat'ia Karamazovy")* by A. S. Dolinin; *On Dostoevsky's Style (O Stile Dostoevskogo)* by N. M. Chirkov; *Dostoevsky and*

Kant (Dostoevskii i Kant) by Ia. E. Golosovker; and finally, M. Bakhtin's *Problems of Dostoevsky's Poetics (Problemy poetiki Dostoevskogo)*. In 1964 G. M. Fridlender's *Dostoevsky's Realism* came out.[4] The *Bibliography of Works by F. M. Dostoevsky and Literature on Him, 1917-1965 (Bibliografiia proizvedenii F. M. Dostoevskogo i literatury o nem, 1917-1965)* appeared in 1968.[5] This bibliography amounts to a cumulative index to all publications of texts and materials pertaining to Dostoevsky over a period of almost half a century, including chronicle and informational material as well as books and articles. It gives the history of the editions of the writer's texts, letters, uncollected works, drafts and plans, which are scattered amongst various publications, journals and so on. The most extensive section of the bibliography is devoted to the literature on Dostoevsky's life and writings and contains Lenin's statements on Dostoevsky, books, articles, compendia, anthologies, scholarly transactions, journals, newspapers, prefaces and commentaires from various editions. Outstanding are the sections entitled "F. M. Dostoevsky and Art" ("F. M. Dostoevskii i iskusstvo"), "Bibliographical and Reference Publications" ("Bibliograficheskie i spravochnye izdaniia"), and "The F. M. Dostoevsky Museum-Apartment, Exhibits, Memorable Places" ("Muzei-kvartira F. M. Dostoevskogo, Vystavki, Pamiatnye mesta"). The bibliography also includes an index of subjects, an index of names and an index of periodical publications.

Despite the solid reputation enjoyed by its staff of editors and compilers and the magnitude of its sources — the catalogues of the V. I. Lenin State Library of the USSR, the M. E. Saltykov-

---

[4]M. Gus *Idei i Obrazy F. M. Dostoevskogo* (Ideas and Images of F. M. Dostoevskii), GIKhL, Moscow 1962, 511 pp. 10,000 copies printed. A. S. Dolinin. *Poslednie romany Dostoevskogo. Kak sozdavalis' "Podrostok" i "Brat'ia Karamazovy"* (Dostoevsky's Last Novels. How *A Raw Youth* and *The Brothers Karamazov* Were Created), Sovetskii Pisatel' (Soviet Writer), Moscow and Leningrad 1963. pp. 343. 10,000 copies printed.

N. M. Chirkov. *O stile Dostoevskogo* (On Dostoevsky's Style), GIKhL, Moscow 1963. 188 pp. 4,000 copies printed.

Ia. E. Golosovker. *Dostoevskii i Kent* (Dostoevsky and Kant). Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR (USSR Academy of Sciences Publishers), Moscow 1963, 102 pp. 8,500 copies printed.

N. M. Bakhtin. *Problemy Poetiki Dostoevskogo* (Problems of Dostoevsky's Poetics), 2nd ed., revised and supplemented. Sovetskii pisatel'. Moscow 1963. 363 pp. 9,500 copies printed.

G. M. Fridlender. *Realizm Dostoevskogo.* (Dostoevsky's Realism). "Nauka" (Science) Publishers. Moscow and Leningrad, 1964. 403 pp. 6,000 copies printed.

[5]F. M. Dostoevskii. *Bibliografiia proizvedenii F. M. Dostoevskogo i literatury o nem, 1917-1965* (Bibliography of Works by F. M. Dostoevsky and Literature On Him, 1917-1965). Compiled by V. V. Akopdzhanova, S. V. Belov, G. V. Kogan and G. B. Ponomareva. Edited by A. A. Belkin, A. S. Dolinin and V. V. Kozhinov. "Kniga" (Book) Publishers, Moscow 1968, pp. 408.

Shchedrin State Public Library, the State Public Library of History, and the F. M .Dostoevsky Museum-Apartment, the Annals of the All-Union House of Books, bibliographical reference handbooks and so on — even this scientifically prepared *Bibliography* did not manage to avoid certain omissions. Thus, for example, it fails to record a very important edition of *The Devils* published in the USSR in 1935; namely, F. M. Dostoevsky, *The Devils,* Vol. I. Edited, and with introductory article and commentary by L. P. Grossman (*Besy,* tom I, Redaktsiia, vstupitel'naia stat'ia i kommentarii L. P. Grossmana). Foreword by P. P. Paradizov (Predislovie P. P. Paradizova). Illustrations by S. M. Shor (Illiustratsii S. M. Shor), Moscow-Leningrad, *Academia,* 1935.

Apparently the name of Lev Borisovich Kamenev, concealed here under the pseudonym Paradizov, (and who, to cite his own words from an article he wrote in *Pravda* in January 1934 about the future plans of *Academia* Publishers, of which he was then the head, was trying to "lay low" the "reactionary" Dostoevsky), is still so offensive in the Soviet Union that the Editorial Board of the *Bibliography* thought it possible to close their eyes to the very fact that such an edition of *The Devils* exists — an edition which, incidentally, later became a bibliographical rarity, with only those pages from the above-mentioned Foreword which had nothing at all "daring" in them remaining accessible to the reader.

In 1963, in the *Scholarly Transactions (Uchenye Zapiski),* Series II (vypusk II), pp. 62-86, entitled "The Writer and Life» ("Pisatel' i Zhizn' "), published in Moscow by the A. M. Gorkii Institute for Literature of the Union of Writers of the USSR, there appeared a major article by V. Kirpotin with the title "Peculiarities of Dostoevsky's Artistic Vision of the World" ("Osobennosti khudozhestvennogo videniia mira u Dostoevskogo"). In the collection of articles written by T. Motylev and entitled *Foreign Literature and the Modern World (Inostrannaia Literatura I Sovremennost')* which was published in 1961, there was an article with the heading "Dostoevsky and World Literature: On the Formulation of This Question" ("Dostoevskii i mirovaia literatura. K postanovke voprosa").[6] A number of articles on Dostoevsky appeared in magazines like *Russkaia Literatura, Voprosy Literatury (Problems of Literature), Proceedings of the Academy of Science of the USSR: Literature and Language Series (Izvestiia Akademii Nauk SSSR, Seriia Literatury i Iazyka),* in the *Scholarly Transactions* of various uni-

[6]T. Motyleva. *Inostrannaia Literatura i Sovremennost'* (Foreign Literature and the Modern World), stat'i (Articles): Sovetskii pisatel', Moscow 1961. See pp. 212-274.

versities and in other publications.[7] V. V. Vinogradov included a series of articles on Dostoevsky in his book *The Problems of Authorship and the Theory of Styles (Problema avtorstva i Teoriia Stilei)* and these articles made up the fourth section of his book. Besides the article "Dostoevsky and Leskov," listed below in Footnote 7, Vinogradov's articles include: "F. M. Dostoevsky... as Editor of *The Citizen* and Author of Anonymous Feuilletons in it" ("F. M. Dostoevskii kak redaktor *Grazhdanina* i kak avtor anonimnykh fel'etonov v nem"), see pp. 556-572; "F. M. Dostoevsky's Unknown Feuilleton-sketch on Rodiosha — On the Images of the Men of the 1840s" ("Neizvestnyi ocherk-fel'eton F. M. Dostoevskogo o Rodioshe: K obrazam liudei sorokovykh godov"), pp. 585-611, and "F. M. Dostoevsky's Unknown Story, *The Beggar*" ("Neizvestnyi rasskaz F. M. Dostoevskogo *Poproshaika*"), pp. 573-584.

In the anthology entitled *N. A. Dobroliubov as Critic and Historian of Russian Literature (N. A. Dobroliubov — Kritik i Istorik Russkoi Literatury)* issued in 1963 by Leningrad University Publishers, S. S. Derkach published his research paper "Dobroliubov and Dostoevsky" ("Dobroliubov i Dostoevskii"), (see pp. 97-131). Valuable documentary information can also be found in two other

---

[7]Anna Zegers. "Zametki o Dostoevskom i Shillere" ("Notes on Dostoevsky and Schiller"), *Voprosy Literatury*, No. 4, April 1963. pp. 118-138.

V. Vinogradov. "Dostoevskii i Leskov" ("Dostoevsky and Leskov"), *Russkaia Literatura*, No. 1, 1961, pp. 63-84 and No. 2, 1963, pp. 65-97. Also see V. Vinogradov's book, *Problema Avtorstva i Teoriia Stilei* (The Problem of Authorship and the Theory of Styles), GIKhL, Moscow 1961, pp. 487-555.

F. I. Evnin. "F. M. Dostoevskii i V. M. Garshin" ("F. M. Dostoevskii and V. M. Garshin"), *Izvestiia Akademii Nauk SSSR, Otdelenie Literatury i Iazyka* (Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR. Literature and Language Section). 1962, Vol. XXI, vyp. (issue) 4, pp. 289-301.

V. Kirpotin. "*Zapiski iz podpol'ia* F. M. Dostoevskogo" ("F. M. Dostoevsky's *Notes from the Underground*"), *Russkaia Literatura*, No. 1, 1964, pp. 27-48.

V. Kirpotin. "Dostoevskii o *Egipetskikh nochakh* Pushkina" ("Dostoevsky on Pushkin's *Egyptian Nights*"), *Voprosy Literatury* (Problems of Literature), No. 11, 1962. pp. 112-121.

A. I. Zhuravleva. "Lermontov i Dostoevskii" ("Lermontov and Dostoevsky"), *Izvestiia Akademii Nauk SSSR, Otdelenie Literatury i Iazyka* (Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR, Literature and Language Section), Vol. XXIII, vyp. (issue) 5, 1964, pp. 386-392.

V. M. Bekhterev. "O Dostoevskom" (On Dostoevsky"). A publication of S. Belov and N. Agitova. *Russkaia Literature*, No. 4, 1962, pp. 134-141.

A. V. Lunacharskii "Lektsiia A. V. Lunacharskogo o Dostoevskom" ("A Lecture by A. V. Lunacharskii on Dostoevsky"), *Russkaia Literatura*, No. 1, 1962, pp. 126-156.

P. Kupriianovskii. "Dm. Furmanov nad stranitsami Dostoevskogo" ("Dmitrii Furmanov As a Close Reader of Dostoevsky"), *Russkaia Literatura*, No. 3, 1964, pp. 212-219.

N. Savchenko. "Kak postroen roman Dostoevskogo *Podrostok*" ("How Dostoevsky's Novel *A Rew Youth* was Constructed"), *Russkaia Literatura*, No. 4, 1964, pp. 41-57.

articles: "The Affair of the Retired Second Lieutenant Fedor Dostoevsky" ("Delo to otstavnom podporuchike Fedore Dostoevskom") by A. Zhavoronkov and S. Belov in *Russkaia Literatura,* No. 4, 1963, pp. 197-202, and V. Nechaeva's "When Was the Secret Surveillance over F. M. Dostoevsky Removed?" ("Kogda byl sniat sekretnyi nadzor za F. M. Dostoevskim?"), also in *Russkaia Literatura,* No. 2, 1964, pp. 172-173. The magazine *Voprosy Literatury,* 1961, No. 7, pp. 156-166, published some very valuable material in memoir form; D. Liubimov's "From My Recollections. The Speech by F. M. Dostoevsky at the Pushkin Celebrations in Moscow in 1880" ("Iz Vospominanii. Rech' F. M. Dostoevskogo na pushkinskikh torzhestvakh v Moskve v 1880 godu"), and *Literaturnaia Russiia* followed this example by reprinting in its July 2, 1965 issue, No. 27, pp. 22-23, the reminiscences by Aleksandr Amfiteatrov which had originally appeared in Latvia in the émigré newspaper *Today (Segodnia),* under the title "I Can still Hear Dostoevsky's Speech Now" ("Teper' eshcho slyshu rech' Dostoevskogo") — reminiscences unequalled in their vividness and expressiveness.

B. Bursov's article "Tolstoi and Dostoevsky" ("Tolstoi i Dostoevskii") in *Voprosy Literatury,* No. 7, 1964, is also not devoid of interest. Also noteworthy for its fresh observations was the article by Bursov entitled "Beside Dostoevsky's Freshly-Dug Grave: Correspondence of L. N. Tolstoi with N. N. Strakhov" ("U svezhei mogily Dostoevskogo: Perepiska L. N. Tolstogo s N. N. Strakhovym") which appeared in the book — the product of collective authorship — *Problems of Genre in the History of Russian Literature (Problemy Zhanra v istorii russkoi literatury),* published in Leningrad in 1969 in the *Scholarly Transaction* series, Vol. 320, of the A. I. Herzen Leningrad Pedagogical Institute. And in the Sept. 16th and 23rd, 1970, issues of *Literaturnaia Gazeta,* Bursov published an interesting article, "The Unknown Dostoevsky" ("Neizvestnyi Dostoevskii"), in which he introduced the reader to certain new materials, and also discussed Dostoevsky's lost letters to E. M. Nevrotova, the hitherto unknown correspondence concerning the completed article "My Acquaintance with Belinskii" ("Moe znakomstvo s Belinskim"), the type-set Ms. of *The Devils,* the fortunes of the complete manuscript of *The Brothers Karamazov,* and Dostoevsky's notes for *A Raw Youth,* which had been omitted by A. S. Dolinin in *Literaturnoe Nasledstvo.* The receipt from Paris of the full text of Dostoevsky's letter of June 7, 1876, to V. A. Alekseev enabled Bursov to make valuable corrections to the text of this letter as published by Dolinin. And Bursov quite rightly directs the attention of researchers to the necessity for further investiga-

tions and the need to publish as soon as possible everything that is still unknown or inaccessible.

Bursov has also shown himself an innovator by creating a new kind of study of Dostoevsky's life. The Leningrad magazine *Star (Zvezda)* published [in its No. 12, Dec. 1969, (pp. 85-172) and No. 12, Dec. 1970, (pp. 85-175) issues] his substantial, book-length work, *Dostoevsky's Personality: A Novel-Research-Study (Lichnost' Dostoevskogo: Roman-issledovanie)*. Of course, the reader who is accustomed to thinking of the novel as a variety of belletristic writing; that is, as the portrayal of the characters' lives in concrete, representationally graphic images, may be somewhat shocked by the application of this term to the genre of scholarly research connected with literary criticism or analysis in the pure sense. However, the abundance of very interesting material from various sources contained in this work, including some from almost inaccessible sources, its new interpretations of things already previously well-known and the boldness of its conclusions concerning Dostoevsky's personality, makes it uniquely significant in Soviet Dostoevsky studies. It was no accident, therefore, that Part One alone of this work, which took up 88 pages in *Zvezda* in fine print and set in double columns, evoked two lengthy reviews in *Literaturnaia Gazeta* for August 19, 1970. These were A. Latinin's "Novel or research-study?" ("Roman ili issledovanie?") and V. Akimov's "From Novel to Research-study" ("Ot romana k issledovaniiu"). *Literaturnaia Gazeta* promised to sum up this discussion after the publication of the whole of Bursov's work. And although the reviewers' opinions of this work differed, both their articles reflected a broad interest, as readers and literature specialists alike, in the problem of Dostoevsky's personality. Bursov's attempt to recreate that personality for us in all its contradictions and conflicts, without concealing those opinions and beliefs held by the great writer that are objectionable to the ruling ideology, unquestionably deserves all possible praise and encouragement. True, because Bursov is obliged to be a Marxist, he prefers to study the writer's actual personality and to reject the supraempirical, metaphysical essence of that personality, in which such analysts as D. Merezhkovskii, A. Bem, S. Bulgakov and L. Shestov had sought to discover its secrets. Bursov tries to remove the veil from the secrets of Dostoevsky's personality by analysing the links between the writer and his age. Nevertheless, through the force of his critical intellect, Bursov is successful in overcoming the limitations of his method and his insights often penetrate beyond the preordained boundaries of materialistic doctrine. His effort to examine and discuss thoughtfully, in a manner

that is happily devoid of any tendency towards sweeping and indiscriminate denigrating remarks, everything written on Dostoevsky in Russia before the Revolution and since then abroad, his inclusion and analysis of materials not readily available to the average Soviet reader, such as Dostoevsky's notes of his thoughts on life and death, on the immortality of the human soul, on Christ as the ideal of man in the flesh, on the synthesis of mankind and the like increase the significance of Bursov's work and once again place the study of the writer's creative *persona* on a suitable high level. Russian Dostoevsky studies have long been waiting for such a work. At least within the limits of the possibilities that exist now, Bursov's book enables Soviet scholars to make significant progress towards an understanding of the psychic and spiritual make-up of the creator of the tragic underground world, and also of those sufferings and self-punishments, that awareness of better things and of the impossibility of achieving them, which characterize the *dramatis personae* of his great works. In this respect, Bursov's work represents a definite achievement in Soviet Dostoevsky studies at the close of the 1960s, and the end — result of many years' work in studying Dostoevsky on the part of this scholar.

The two-volume *History of the Russian Novel* published by the USSR Academy of Sciences also contains three chapters of substantial length on Dostoevsky's novels.[8] And Pavel Gromov's book *Hero and Time (Geroi i Vremia),* published by *Sovetskii Pisatel'* in Leningrad in 1961, includes a chapter entitled "Dostoevsky's Poetic Thought on the Stage" ("Poeticheskaia mysl' Dostoevskogo na stsene") — see pp. 350-382 — on the theatrical handling of Dostoevsky's novels, which is also worthy of note. But the article by P. G. Pustovoit in an anthology which was entitled *Against Bourgeois and Revisionist Conceptions of the History of Russian Literature (Protiv burzhuaznykh i revizionistskikh kontseptsii istorii russkoi literatury)*[9] and was devoted to the rather unseemly purpose of

[8]All were written by G. M. Fridlender. See *Istoriia Russkogo Romana* (History of the Russian Novel), Vol. I, 1962, Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR (USSR Academy of Sciences Publishers), pp. 403-415 and pp. 416-430 for two successive chapters entitled "*Bednye liudi*" ("*Poor Folk*") and "Put' Dostoevskogo ot *Bednykh liudei* k romanam 60kh godov" ("Dostoevsky's Road from *Poor Folk* to the Novels of the 1860's").

Also see the chaper entitled "Romany Dostoevskogo" ("Dostoevsky' Novels") in *Istoriia Russkogo Romana* (History of the Russian Novel), Vol. II, "Nauka" (Science) Publishers, Moscow and Leningrad, 1964. pp. 193-269.

[9]P. G. Pustovoit. "Dostoevskii i ego zarubezhnye istolkovateli" ("Dostoevsky and His Interpreters Abroad"). See *Protiv Burzhuaznykh i Revizionistskykh Kontseptsii Istorii Russkoi Literatury* (Against Bourgeois and Revisionist Conceptions of the History of Russian Literature), ed. Professor A. N. Sokolov, Moscow University Publishers 1963, pp. 108-122.

distorting and refuting in a tendentious manner all the West European and American, or so-called "bourgeois", scholars of Dostoevsky's writings in the free world, must be regarded as a negatively polemic publication.

In 1963 there appeared still another book on Dostoevsky which deserves our special attention; *The Novels of Dostoevsky: Articles (Romany Dostoevskogo. Stat'i)* by Ia. O. Zundelovich. This 243-page book was published by the *Middle and High Schools (Sredniaia i vysshaia shkola)* Publishers in Tashkent in an edition of only 1,000 copies. Because it was published in Central Asia in a local publishing house in a distant Union republic, this book is unfortunately almost inaccessible to scholars even in the Soviet Union, and abroad it is generally unobtainable, being a rare item owned by only a few private individuals. Nevertheless, it was the topic of a discussion held at the Convention of the American Association of Teachers of Slavic and East European Languages which met in New York in December 1964.

Scattered through V. Kozhinov's book *The Origin of the Novel (Proiskhozhdenie Romana),* published by *Sovietskii Pisatel',* Moscow 1963, there are many interesting ideas on Dostoevsky, and this is also true of another study by Kozhinov entitled "The Novel — The Epos of a New Age" ("Roman — epos novogo vremeni") which was included as a chapter in Book Two of the latest *Theory of Literature (Teoriia Literatury),* published by *Nauka* in Moscow, 1964 (see pp. 139-163).

In the *History of Russian Literature in Three Volumes* published in 1964 by the USSR Academy of Sciences, A. A. Belkin wrote the chapter on Dostoevsky,[10] while Professor N. L. Stepanov wrote the chapter on him for the two-volume textbook designed for the use of pedagogical institutes entitled *The History of Russian Literature in the XIX Century (Istoriia russkoi literatury XIX.veka)* which S. M. Petrov edited.[11] And in 1966 V. Kirpotin's book *Dostoevsky in the Sixties (Dostoevskii v 60e gody)* appeared, and later another book by the same author, *The Dissappointment and*

---

[10]*Istoriia Russkoi Literatury v trekh tomakh* (History of Russian Literature In Three Volumes), Vol. II, Moscow and Leningrad 1963, Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR (Publishers of the USSR Academy of Sciences), pp. 701-712. Vol. III, Izdatel'stvo "Nauka" (Science), Moscow 1963, pp. 114-139, 306-308, 358-362, 381-401, 403-412, 819-822.

[11]See Chapter 10, "F. M. Dostoevskii", in *Istorii Russkoi Literatury XIX Veka* (The History of Russian Literature in the XIX Century), ed. Professor S. M. Petrov. Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva prosveshcheniia RSFSR (State Teaching and Pedagogical Publishers of the Ministry of Education of the Russian Soviet Socialist Federated Republic). Moscow, 1963, pp. 485-530.

Downfall of Rodion Raskol'nikov: A Book about F. M. Dostoevsky's Novel Crime and Punishment (Razocharovanie i Krushenie Rodiona Raskol'nikova. Kniga o romane F. M. Dostoevskogo "Prestuplenie i Nakazanie"), 448 pages, published in Moscow in 1970 by *Sovetskii Pisatel'*. Also in 1970 the Institute for World Literature in Moscow reissued N. Bel'chikov's book *F. M. Dostoevsky — in the Trial of the Petrashevtsy (F. M. Dostoevskii — v protsesse petrashevtsev)*.

In 1969 and 1970 two more books on Dostoevsky appeared: *Dostoevsky in St. Petersburg (Dostoevskii v Peterburge), Lenizdat (Lenin Publishers),* 1970, 267 pages, by Evgeniya Sarukhanian; and in 1969, from the same publishers, *Dostoevsky in Staraia Russa (Dostoevskii v Staroi Russe),* 77 pages, by L. M. Reinus, Sarukhanian's book tells of the memorable places in St. Petersburg that are linked to Dostoevsky's life, and reconstructs for us their former appearances. It helps the reader to acquire a deeper and more concrete understanding of St. Petersburg as reflected on Dostoevsky's writings. The second short book acquaints the reader with Dostoevsky's life in the town of Staraia Russa, of which there are echoes in *The Devils, A Raw Youth,* and *The Brothers Karamazov.* The book brings to life the real events and characters appearing in refracted form in those novels; it throws light upon the prototypes, among others, of such characters as Grushenka (Men'shova) and Fedor Karamazov (Von Sohn); it shows how certain places in Staraia Russa are described in *The Brothers Karamazov* under the name of Skotoprigon'evsk with the precision in detail of a documentary, and it traces the specific route taken by Mitia Karamazov from Grushenka's house to the home of his father.

Dostoevsky's world view is accorded a freer treatment in relation to materialist doctrine in a book by the young philosopher Iurii Kudriavtsev, of the Philosophy Department at Moscow University. In this book, published in 1970 by Moscow University Press, and entitled *Rebellion or Religion (Bunt ili Religiia),* the author attempts to arrive at an understanding of Dostoevsky's world view by means of a sharp polemic against the methodology of philosophical analysis used by N. Berdiaev.

And in the far-off city of Alma-Ata there was published in 1969 a belleletristic-documentary tale entitled *The Heart Alone Remains: Dostoevsky in Kazakhstan (Serdtse ostaetsia odno. Dostoevskii v Kazakhstane).* Writing in *Literaturnaia Rossiia, Literary Russia,* on July 17, 1970, the critic U. Gural'nik criticized this work for over-simplifying and modernizing Dostoevsky's opinions.

Thus the harvest yielded by the freer — at least in comparison with earlier years — studies of the literary heritage of this very

great writer of the Russian land which have been made during the past decade appears abundant indeed. We will now turn our attention to the internal aspect of this process and will attempt to offer our appraisal of its most important books, although, because of space limitations, that estimate must be a cursory one.

II

The publication of a new, revised and supplemented edition of M. M. Bakhtin's book *Problems of Dostoevsky's Poetics (Problemy Poetiki Dostoevskogo)* was preceded by a lengthy behind-the-scenes struggle. Bakhtin's book, first published in 1929 with the title *Problems of Dostoevsky's Writing (Problemy Tvorchestva Dostoevskogo),* at that time had received an appreciation written by A. V. Lunacharskii in keeping with its merits. But since the book was not to the taste of the militant RAPPite school of criticism which was then rising to a dominant position on the Soviet literary front, it was ignored for several decades thereafter. And the author of the present work had to publish an article outside Russia in *Novyi Zhurnal (The New Review),* book 52, 1958, entitled "Dostoevsky as the Creator of the Polyphonic Novel" ("Dostoevskii kak sozdatel' polifonicheskogo romana") and also a similar chapter in his English-language book (see chapter 15, "M. M. Bakhtin on Dostoevsky's Polyphonic Novel" (pp. 202-232 in *Dostoevskii in Russian Literary Criticism, 1846-1956,* Columbia University Press, New York 1957, by Vladimir Seduro) before the Soviet Dostoevsky specialists could be induced to turn their attention to certain valuable works of scholarship produced by their own colleagues which were gathering dust and were unknown to Soviet research scholars. The broad response given to my book by British and American reviewers and the particular attention they paid to the chapter in it on Bakhtin's theory about Dostoevsky's polyphonic novel, compelled even Soviet scholars to abandon their long-standing policy of ignoring their own achievements and to season their "justice" with mercy. From an article entitled "Literature and Literary Scholarship" ("Literatura i literaturovedenie" by V. Kozhinov which appeared on March 16, 1962, in *Literaturnaia Gazeta*) it became known that a group of persons prominent in Soviet cultural life — K. Fedin, V. Vinogradov, L. Timofeev, M. Khrapchenko, V. Shklovskii, L. Pinskii, L. Grossman, B. Riurikov and V. Kirpotin — had addressed to the *Sovetskii Pisatel'* Publishers a proposal to reissue M. Bakhtin's book on Dostoevsky. The authors of this appeal declared that "the

methodology of scholarly literary analysis elaborated in this book is of fundamental importance".[12] The author of the above-mentioned article complained about the publication of pseudoscientific "works" which lead only to a "devaluation in literary scholarship," but at the same time he took exception to the fact that a book as important as Bakhtin's was experiencing publication delays. Kozhinov wrote:

> In M. Bakhtin's book the writings of Dostoevsky are studied specifically as an integral 'world', which subsists in the tangible fabric of artistic form. Not one word here is 'off the subject'. Throughout this entire study we are involved, along with its author, in a careful analysis of Dostoevsky's *works themselves,* an analysis which penetrates through their plot and imagic details into their inner content. Thanks to this method the real meaning of Dostoevsky's art in all its multifaceted plenitude is revealed to us. This work is not a simple book; it requires effort and attention on the reader's part. But whoever studies is thoughtfully and seriously will not only have a much deeper understanding of Dostoevsky's writings but will also attain to a new and higher level in understanding what literature is and the nature of literary schilarship. However, while works which even at best no one will read are pouring forth, the business of republishing this book is progressing extremely slowly.[13]

One significant fact, however, in this whole history of the republishing of M. Bakhtin's book was the signing of the appeal to *Sovetskii Pisatel'* by a veteran linguist and Dostoevsky expert like V. V. Vinogradov, whose books *On the Language of Artistic Literature (O iazyke khudozhestvennoi literatury)* and *The Problem of Authorship and the Theory of Styles,* like many of his other works, contain numerous references to articles from *Novyi Zhurnal,* the journal published in New York, such as my own article on Bakhtin's theories of the polyphonic novel. Already in the first chapter of *The Problem of Authorship and the Theory of Styles* Vinogradov cites Book 48 (1956) of *Novyi Zhurnal,* pp. 114-115; Book 50, pp. 129-130, 141 and 146, and Book 51 (1957), pp. 287 and 288. He dwells at length on the articles in *Novyi Zhurnal* by N. S. Trubetskoi, especially on that author's article "On Methods for Studying Dostoevsky" ("O metodakh izucheniia Dostoevskogo") in Book 48, 1956, and also on Profesor Rostislav Pletnev's polemic response to Trubetskoi in defense of the use in scholarly research of biographical,

---

[12]Quoted from V. Kozhinov's article "Literatura i literaturovedenie" ("Literature and Literary Scholarship"), *Literaturnaia gazeta,* No. 32, March 16, 1962, p. 3.

[13]Kozhinov, *Ibid.*

philosophic-ideological and sociological methods.[14] In the course of reading and making use of the material he found in *Novyi Zhurnal,* V. V. Vinogradov naturally could not overlook either my article specifically devoted to Bakhtin's theories and the polyphonic nature of Dostoevsky's novels nor the references in the British, American and German press to the corresponding chapter in my book *Dostoevskii in Russian Literary Criticism, 1846-1956.* And the proposal to republish Bakhtin's book was the result of Vinogradov's initiative. By signing this appeal to the Publishers', the other distinguished men of letters demonstrated their solidarity with Vinogradov's opinion and gave an impetus to his valuable initiative. But even after this appeal the publication of Bakhtin's work encountered obstacles raised by orthodox Party-line editors, who kept on raising obstructions as the book progressed along its "Road to Calvary" towards final approval and readiness for printing. Public opinion had to be spurred anew by appeals delivered throught *Literaturnaia Gazeta* such as V. Kozhinov's article before the book finally saw the light of day in 1963.

The appearance of the second edition of Bakhtin's book on Dostoevsky aroused keen interest both on the part of many specialists in literary studies and amongst ordinary readers. A full-scale discussion developed in *Literaturnaia Gazeta* over an article by Aleksandr Dymshits on Bakhtin's book entitled "Monologues and Dialogues" ("Monologi i dialogi") which appeared in the *Gazeta's* July 11, 1964, issue. Although in his article A. Dymshits expressed a high opinion of Bakhtin's book, stating that he considered it "an acquisition to scholarship" and regarded the very definition of the Dostoevskian novel as polyphonic as itself a contribution to science and believed literary scholarship to be "indebted to M. Bakhtin for numerous very keen observations on Dostoevsky's poetics and languages," nevertheless the long-standing habit of ignoring the study of form made itself felt even here. Dymshits' preconceived opinion that formal poetics are alien to the Marxist methodology of study and research meant this "vigilant" critic was obliged to discover vestiges of formalism even in Bakhtin's book. "Here," wrote Dymshits, "the process of artistic creation is stood on its head just as the formalists used to do in the old days."[15] In his opinion Bakhtin had held to his conviction that new forms of artistic creation are *not* born of a new vision and understanding of the world and man but that, on the

---

[14]V. V. Vinogradov. *Problema Avtorstva i Teoriia Stilei* (The Problem of Authorship and the Theory of Styles), GIKhL, Moscow 1961. See pp. 30-34.

[15]Aleksandr Dymshits. "Monologi i Dialogi" ("Monologues and Dialogues"), *Literaturnaia gazeta,* No. 82, June 11, 1964. pp. 2-3.

contrary, it is the new art form which displaces an old one and creates a "new model of the world," and that Dostoevsky's innovation was, according to Bakhtin, an "innovation" of form. According to Dymshits, Bakhtin's conception of genre was also formalistic, for the latter speaks of the "self-propulsion of genre" as the "representative of creative memory." Already in Bakhtin's "tracing of Dostoevsky' dialogism back to the genre of the *menippe* in ancient art" Dymshits found examples of the practical application he made of his theory of the "self-development of genres." And Bakhtin's attempts to find antecedents to Dostoevsky's dialogism not only in the *menippe* but also in such related genres as the *diatribe,* the *solliloquium* and the *symposion* are described by Dymshits as "formalistic miracles." He considers Bakhtin's pointing to the connection between Dostoevsky's doubles and the genre of the ancient carnival act to be equally illusory. Moreover, Bakhtin's supposition that Dostoevsky may have been familiar with Lucian's *menippe, A Menippe, or A Voyage to the Kingdom of the Dead* or his *Conversations in the Kingdom of the Dead* and also with Seneca's *menippe, The Apocolocyntosis* is referred to ironically by Dymshits as "a carnival of guesswork." For him all this amounts to nothing more than one of the formalists' favorite pursuits — the search for borrowings of literary devices "as an end in itself." He makes fun of Bakhtin's reference to the derivation of "the game of preference without a purpose," "by heart," in *The Gambler* from a source in ancient classical literature (The game in *The Gambler* supposedly reminds one of Claudius's dice game in the infernal regions in Seneca's *menippe*). All this contradicts the conception of art held by Dymshits; i.e. that art comes out of observations of life. Without denying M. Bakhtin's extraordinary erudition, which enables him to draw analogies at will between all the more important phenomena in world literature, this critic nevertheless believes that all these — from his viewpoint — absurdities of Bakhtin's reflect "the pernicious influence on it (on Bakhtin's erudition: *sic.* V. S.) of the vestiges of the sterile formalist method." As a Communist doctrinaire, Dymshits values especially highly the so-called ideological novel; that is, the monologic and tendentious novel, and he thinks it necessary to fight for the purity of the Marxist-Leninist conception of literature as a Party affair. For Dymshits a writer's social tendency is of particular importance and M. Bakhtin's preference for dialogue over monologue already, in Dymshits' opinion, contains the seeds of a depreciation of the role of Party tendentiousness. And although this critic does not speak openly in his article of the Party spirit or tendentiousness so as to avoid in a serious argument

appearing to be a defender of primitivism, nevertheless one senses his outlook in his defense of the rights of the monologue and of a "social" — for which read "Party" — firmness of ideological definition. Dymshits' conclusion is that "the monologue and the dialogue are not antipodes in the process of cognition and creation. Without a tendency there is no art, as Engels proved brilliantly even in his day."[16] Dymshits closed his article with a categorical demand for "ideological firmness always and above all else."

In earlier times during the Soviet era the conclusions voiced by Dymshits would have sounded like an explicit condemnation of the "formalist" M. Bakhtin and his "formalism," and all the consequences on the organizational level ensuing from such conclusions would have resulted. But in 1964 it was already possible to debate and object to such a statement. Even the Party journal *Kommunist,* (1964, No. 10) demanded in an editorial article that the atmosphere of a *creative* controversy should be maintained, without malevolent criticism or accusations of ideological error. And on August 6, 1964, I. Vasil'evskaia and A. Miasnikov published an article defending the conception of Dostoevsky found in Bakhtin's book. Their article, which appeared in *Literaturnaia Gazeta,* was entitled "Let us analyze things to the point" ("Razberemsia po sushchestvu"). And in the August 13, 1964, issue of the same paper (pp. 2-3) V. Asmus, V. Pertsov, M. Khrapchenko and Viktor Shklovskii published a letter to the Editors to the same effect. Interesting here is the unusual fact of the appearance of V. Ermilov's signature on a letter published in defence of a literary scholar accused of formalism, even though Ermilov had always been well-known as a champion of orthodoxy against every conceivable ideological "ism" or deviation from Party-line ideology. His experience as the initiator of public statements against "bourgeois liberals" and against deviations of all sorts among Soviet men of letters extended back over many years. But now this same Ermilov was speaking out in the unaccustomed role of an advocate for a literary scholar who had come under the fire of another "orthodox Marxist" like himself. During the Stalin era it would have been natural to anticipate quite a different reaction from Ermilov to the appearance of Bakhtin's book. But times had changed and so had Ermilov's behaviour as a critic. The hour had now arrived when even he could play the role of a defender of truth scorned and justice trampled upon, as when, in an interview he gave in 1964 to a contributor to *Literaturnaia Gazeta,* he expressed regret over the fact that at one time he had misunderstood and underrated

[16]Dymshits, *Ibid.*

the humanistic meaning and ideas in the short stories of A. Platonov, an error for which he now claimed he could not forgive himself. And this from the lips of the same man who had openly declared, as recently as in 1956 when he purported to be speaking in the name of the whole Soviet people, that one could not forgive and forget Dostoevsky's malice against the democratic, revolutionary forces.

Quite reasonable and justifiably I. Vasil'evskaia and A. Miasnikov chided A. Dymshits for the contradictions inherent in his views and for ignoring Bakhtin's functional approach to aesthetic categories. The latter's book, they pointed out, does not deny the role of the author's consciousness in a work of art. Bakhtin simply recognizes that in the polyphonic novel the functions of consciousness and the forms of its activity are other than in the monologic novel. Wrote Vasil'evskaia and Miasnikov:

> In the polyphonic novel the artist neither bends to his will nor stifles his characters' consciousness but treats it wih care and profound respect, disclosing in it all its inimitable originality — here is the fundamental position assumed by the author who does not, however, abandon his evaluation of the character who is being portrayed; only this evaluation takes shape within the process of the movements of independent and contradictory images. And it is in this, according to Bakhtin, that the unity of the principles of polyphony and dialogism consists.[17]

In the opinion of the authors of this article, M. Bakhtin has here analysed the various schools within realism and revealed the essential nature of Dostoevsky's peculiar kind of realism. Where a realist-monologist would reserve for himself the right to say a word about his characters, Dostoevsky gives that word up to the character himself, thereby transforming the whole matter into a moment in the character's self-consciousness. The author portrays only the function of this self-consciousness. What the author had done in the works of monologist writers is now accomplished by the character himself, and the author no longer illuminates the character's living reality, but only his self-consciousness as a "second-degree reality." Bakhtin's conception of genre, of imagic, linguistic and other artistic traditions is based on the principle of their dialectical links with the contemporary world. He refers to the factors which have conditioned the various unique varieties of a traditional genre as a vehicle of creative memory and to the specific historical conditions under which it appeared. Without his realizing it, Dostoevsky derived from the *menippe* of antiquity and he caught hold of the thread of that

[17]I. Vasil'evskaia and A. Miasnikov. "Razberemsia po sushchestvu" ("Let Us Analyse Things to the Point"), *Literaturnaia gazeta*, Aug. 6, 1964. p. 3.

genre tradition at the point where it passed through the world of his times. Speaking about the carnival tradition, Bakhtin also discusses its Russian tradition. Vasil'evskaia and Miasnikov are correct in stating that in his polemic with A. Lunacharskii Bakhtin had defended his notion that in the writings of Western writers like Dante, Shakespeare, Rabelais, Cervantes, Grimmelshausen, etc., there were only certain elements of polyphony, but that the honor of having created the polyphonic novel belongs to Dostoevsky. In speaking of the two forms of the novel, M. Bakhtin does not deny the significance and legitimate right to exist of the second form — that of the monologic novel. The two authors also dismissed the charge of formalism directed against Bakhtin by A. Dymshits. In Bakhtin form is rich in content. They conclude with the statement that: "To formalism Bakhtin opposes not impotent incantations and curses, but an objective scholarly analysis. And for that reason Bakhtin's book is antiformalistic."[18]

The five authors who addressed an appeal in the form of an open letter to the Editors of *Literaturnaia Gazeta* pointed out the fact that in Bakhtin's book the conceptual terms "polyphonic" — i. e. multivocal, and "dialogic" appear as synonyms, whose function it is to distinguish between distinct aspects of one and the same concept. Bakhtin has the same purpose in mind in his use of such different terms as "homophonic" — i.e. *univocal* — and "monologic". By accepting the term "polyphonic" while rejecting the theses of the "dialogue character" of Dostoevsky's novels, Dymshits has considerably confused matters, remarked these authors. They went on to refute another position maintained by Dymshits; i.e. that almost all of Russian literature had been "polyphonic" and that in creating his fruitful and true concept of the polyphonic novel Bakhtin had supposedly narrowed the limits of that form of novel. According to the five authors, Dymshits had criticized Bakhtin for both "underestimating" and "overrating" the role of the polyphonic novel. But they maintained that Bakhtin had here demonstrated incontrovertibly that what is valuable in Dostoevsky is not the reactionary "husk," the ideological theses which have been extracted out of the specific and integral consciousness of his characters (and from the writer himself), and which have, so these authors have stated, a "distinctly expressed anti-Communist and anti-revolutionary character."[19] Rather, Bakhtin's book teaches one to recognize

---

[18]Vasil'evskaia and Miasnikov. *Ibid.*

[19]V. Asmus, V. Ermilov, V. Pertsev, M. Khrapchenko, Viktor Shklovski "V Redaktsiiu *Literaturnoi gazety*" ("To the Editors of the *Literatury Gazette*"), *Literaturnaia gazeta,* August 13, 1964. p. 2.

in Dostoevsky's writings "the artistic content of his novels, in which a struggle takes place between reactionary and rebellious ideas — novels which reflect in a broad and penetrating way the spiritual life of Russia and Europe at that time."[20] It is precisely in this that these authors discern the "real essence and value of Dostoevsky's heritage." Without denying that there are questionable and one-sided positions in Bakhtin's book, these five authoritative Soviet scholars accepted as correct the conclusions reached by M. Bakhtin in his researches into the artistic totality of Dostoevsky's work: "The very manner in which he sets about his task, which is not the 'extraction' of theses, but an analysis of the artistic reality, is in this case undoubtedly the right way."[21]

Thus Bakhtin's conception is now accepted by some Soviet critics as a convenient means to promote Dostoevsky's rehabilitation and recognition as an artist unrivalled in his mastery of the multiplanar, multivocal polyphonic novel. Such critics believe that Bakhtin's book refutes the interpretation — which they now call "tendentious" — of Dostoevsky's writings in the spirit of a reactionary ideology. It is not without reason that the five above-mentioned writers took up the cudgels with particular enthusiasm against Dymshits for criticizing Bakhtin on account of the latter's critical remarks about the articles which Viacheslav Ivanov, the ideologue of symbolism, wrote about Dostoevsky, for Ivanov, in their words, "had been the very one who had 'squeezed' out of the substance of Dostoevsky's characters idealistic theses which he regarded as the true meaning of the writer's art."[22] Finally, the five authors heaped reproaches upon Dymshits for having attempted, whether intentionally or not, to reserve the course of Dostoevsky scholarship. Dymshits responded to this by reminding his accusers of the need to preserve "the atmosphere of an artistic controversy." In his reply to his opponents[23] Dymshits repeated his own opinion that Bakhtin had contrasted Dostoevsky the polyphonist with the monologists of Russian classical literature in whose works, as opposed to Dostoevsky's novels, everything was subordinated to a single voice. Dymshite, however, considers that in the Russian literature of his time dialogism and polyphony were not exclusively monopolized by Dostoevsky. He also finds polyphony in Lev Tolstoi's *War and Peace, Anna Karenina,* and *Resurrection,* in Turgenev's *Fathers and Sons*

---

[20]Asmus, Ermilov, Pertsev, Khrapchenko and Shklovskii, *Ibid.*

[21]*Ibid.*

[22]*Ibid.*

[23]A. Dymshits. "Voskhvalenie ili kritika?" ("Eulogy Or Criticism?"), *Literaturnaia gazeta,* Aug. 13, 1964. pp. 2-3.

or *Spring Freshets (Nov')* and in Chernyshevskii's *What is to be done?* Only each of these writers has his own peculiar kind of polyphony. There is some sound sense in Dymshits" reference to the task confronting Soviet literary scholarship; i.e. to examine the various types of polyphony in Russian classical novels and to define the originality of Dostoevsky's novels. But the phrase, which he repeats so persistently, about the "vestiges of formalist thinking" in Bakhtin and the latter's prejudice against "abstract formal-logical constructions" represent nothing more than a belated regurgitating of the levelling literary work which characterized the struggle waged for many years on Party orders against formalism. The bugbear of formalism, which had been in the making for years, has left such strong and lasting traces in the minds of Soviet critics that even in the pronouncements of critics like Dymshits who do not lack cultivation nor a knowledge and love of literature, one can observe a tendency — not always conscious — to revert to an attitude of caution on the principle of "Let's hope no evil will come of it." Any attempt to discuss poetics immanently, without continual references to historic-social evolution and causality, evokes suspicion and objections from the guardians of the purity of the so-called "Marxist-Leninist" aesthetics. And that is what has happened with M. M. Bakhtin's book, *Problems of Dostoevsky's Poetics* which, because of its tendency toward a purely immanent type of analysis, aroused and still continues to arouse, censure from protective Soviet criticism.

In view of the numerous comments received on Bakhtin's book on August 13, 1964, in the same issue in which it published the letter of the five above-mentioned authors and also Dymshits's statement in reply to that letter, the editorial board of *Literaturnaia Gazeta* hastily terminated discussion of the book. Subsequently, the controversy over Bakhtin's book shifted to periodical publications and even to books. Thus, in his book *The Realism of Dostoevsky,* G. M. Fridlender (see p. 182) calls attention to the device of polyphonic development in a novel with several parallel plot lines — a device which, according to Bakhtin, achieved special depth and artistic expressiveness, in the novels of Dostoevsky. On page 195 of his book, Fridlender cites Bakhtin again in reference to dialogue, and on page 198 he defines along Bakhtin's lines the distinctive nature of the dialogues of Dostoevsky's characters, for whom an argument with their ideological antagonists is almost always at the same time an argument with themselves. However, on pages 188-191, Fridlender gets into an argument with Bakhtin. Although he acknowledges that Bakhtin's characterization of many aspects of Dostoevsky's art,

especially of the dialogic nature of his novels, the independence from the author of the various voices, with their unique individuality and their particular outlooks on the world and what happens in it, was apt and successful, Fridlender does not agree with Bakhtins' final conclusions. He is unable to agree with the latter's assertion that Dostoevsky came to accord equal rights to the mutually opposing voices of his characters and their individual outlooks on life, and that in Dostoevsky's novels the author's word remained *unuttered.* Because he follows the Soviet cult of ideology Fridlender is obliged to assert that the artistic polyphonism of Dostoevsky's novels is in no way analogous to the writer's refusal to adopt an active attitude to his characters, or to give us his artistic-ideological appraisal of them. As a typical Soviet literary scholar, Fridlender cannot conceive of any artistic portrayal other than "in the light of a definite authoral worldview." But it is just such an interpretation which contradicts fundamentally the concept of the polyphonic novel set forth in Bakhtin's book and which, because in essence it follows the principle of the "monologic" novel, excludes the polyphonic novel. Now Fridlender does admit that Dostoevsky almost completely abandons any attempt to give a direct characterization from the author of Raskol'nikov, Svidrigailov, Luzhin, Sonia, Razumikhin and his other *dramatis personae.* The reader finds out about them not from what the author says of them, but from their own lips or from their ideological antagonists. And even the author's account of events and leading characters incorporates his personages' outlook on the world. Fridlender considers that the point of view of the author is expressed first and foremost in the grouping of the *dramatis personae,* in the reciprocal relations which grow up among them, in the logic of development of their characters and of the destinies which are determined by these relations; that is, in Fridlender's words, "in the entire artistic interpretation of the image." Therefore the freedom granted to the characters and their voices is only a relative freedom, which does not, according to Fridlender, destroy the ideological-artistic unity and integrity of Dostoevsky's novels and does not set them free from a specific interpretation defined by the author. To prove his point, Fridlender alludes to the statement made by Dostoevsky himself in a review he wrote on D. Kishenskii's play, *Drinking to the Last Drop Will Yield no Good Crop (Pit' do dna, ne vidat' dobra),* that an author "must resolutely illumine with his own artistic vision" his description of a character. Since the consciousness of a Dostoevsky character usually reflects only one facet of the objective world; that is, only a portion of the truth, the author's viewpoint fills out the picture

and defines the general plot structure and the characterisation of the *dramatis personae.* According to Fridlender, the characters in *Crime and Punishment* are not independently developed themes, but characters interrelated with each other and with those social conditions in which they are depicted. Outside of that correlation they lose their significance. Their place in the novel is determined by a rigorously thought-out, clearcut system of socio-psychological parallels and contrasts, which, in turn, determines the author's choice of the characters in the novel. Outside of these parallels and contrasts the characters lose "that profound ideological-aesthetic charge which is just what determines their place in the complex but possessing its own inner completeness, (and in that sense "monologic," if one accepts Bakhtin's terminology), strictly thought-out architectonics of the novel."[24]

V. Kozhinov, on the contrary, in his book *The Origin of the Novel,* and also in the chapter entitled "The Novel — Epos of a New Age" in Book Two of *The Theory of Literature* accepts completely the concept of the polyphonic novel and often refers approvingly to Bakhtin's book, in particular to the latter's theory of the artistic language of prose. Discussion of Bakhtin's book continued afterwards in the journal *Voprosy Literatury,* where in No. 1 for 1965, we find a whole section entitled "Arguments About Books" ("Spory o knigakh") with two articles on Bakhtin's book; "Dostoevsky's Humanism and 'Dostoevskiism' " ("Gumanizm Dostoevskogo i 'dostoevshchina' ") by L. Shubin and "Exaggerations from Enthusiasm" ("Preuvelicheniia ot uvlechenii") by G. Pospelov. By publishing these articles the editors of the journal made available space for the presentation of different points of view on the merits of the problems of literary scholarship treated in Bakhtin's book and also on questions of the actual methodology of literary research.

The authors of both these articles, like everyone else, incidentally, who engages in controversy with Bakhtin, pay due respect to the talent and originality, the innovativeness and conceptual depth of the author of *Problems of Dostoevsky's Poetics.* L. Shubin finds particularly valuable Bakhtin's analysis of Dostoevsky's artistic vision as it was crystallised and given substance in the new form of his novels. Bakhtin, he declares, has put an end to the delusions of the sort of criticism which had been mesmerized by the characters of Dostoevsky's novels. Such criticism had gone to extremes in arguing against, agreeing with, studying, exposing

---

[24]G. M. Fridlender. *Realizm Dostoevskogo* (Dostoevsky's Realism), "Nauka" (Science) Publishers, Moscow and Leningrad, 1964, p. 191.

and denouncing, or raising up as creeds to be believed in the opinions of Dostoevsky's characters. By accepting the ideological authority and independence of the voices of his characters as representative of the author's voice, the way had been opened to tendentious interpretations of Dostoevsky's writings which we find in the criticism of N. K. Mikhailovskii, Rozanov, Volynskii, Shestov, Merezhkovskii and many of their contemporaries. In this way, the problem of Dostoevsky's humanism was dismissed. Bakhtin has opened up a new opportunity to formulate the question of the correlation between Dostoevsky's humanism and "Dostoevskiism". The new novel form allowed one to set limits to the arbitrary rule of the author's will, to introduce a substantial corrective into the artist's designs and their fulfilment, and to impart to his works a different meaning in no way equivalent to their ideas and ideology. In view of the fact that the word expressing a character's self-consciousness develops its own inner logic and autonomy to the limit, as *the word of another,* the word *of the character himself,* the author's ideological monopoly is destroyed. In transmitting his own ideas to his characters, even very reactionary ideas, Dostoevsky was unable to convert them into dominating ideas from the author, for in the polyphonic novel they are only participants, each with equal rights, in a great dialogue. Thus the truth does not belong to any of the disputing sides, but arises out of the intermingling of ideas in dialogue. That is why the so-called "Dostoevskiism" (the monologic husk) fades into the past, as a phenomenon peculiar to one particular time, the ideology of Dostoevsky himself; but the works themselves, which opened up new depths of the human spirit, — the "man within man — continue to live and to exert an artistic influence upon the reader and upon literature.

The determining factor behind the unwonted freedom and ideological independence of the characters in Dostoevsky is this: the entire construction of his novels is a conversation not *about* the character, but *with* him. Here the word is a means to personal intercourse. The world and the age appear as discordant, disjointed chorus of different voices. The author hears and "catches" not only the dominant ideas but even voices which can hardly be distinguished and latent ideas, as both coexisting and interconnected. Each idea, each thought is a point of view, a position that a man takes. The "I" of another person appears not as an object, but as a subject in all its freedom, its unfinished and indeterminate state. Thus the polyphonic novel comes nearer to the solution of art's age-old aspiration to assimilate man's inner world, his psyche and consciousness. The writer establishes contact with these forces

dialogically. He does not contemplate them, nor analyse and define them, like objects or things; he simply converses with them and "questions" them. In this atmosphere of dialogic intercourse, the characters reveal themselves to one another freely. The center of the artistic universe has been transferred from the author's consciousness to that of his characters. The "Man from Underground" has *carte blanche* to expose himself in full in a free act of self-knowledge. The writers's conception revealed new and boundless possibilities in man. L. Shubin underscores the significance of Dostoevsky's polyphonism as a new artistic model of the world which threw open to the gaze of art hitherto inaccessible depths of human thought and also the dialogical sphere of man's existence. This new model is also mobile and open to new discoveries, for, in the words of Bakhtin, "the last word of the world and about the world has not yet been spoken; the world is open and free, everything still lies ahead of us and always will do so."[25]

G. Pospelov also agrees with the view that Bakhtin has given us a deeper definition of Dostoevsky's innovations and that Bakhtin's conception is based upon the idea of the peculiar form of Dostoevsky's artistic vision of the world, that vision from which all the originally of the artistic organisation of the writers' works is derived. But to Pospelov it appears that in his characterisations of the polyphonic and monologic novels, M. Bakhtin has fallen into considerable extremes and exaggerations out of enthusiasm for his mission. Pospelov disputes Bakhtin's thesis that "an artistic portrayal of an idea is possible only where the idea is propounded beyond the level of affirmation or negation."[26] Pospelov thinks that the complexity and contradictions of Dostoevsky's attitude to the ideological life of his characters must be explained not by the abstract laws of poetics but in terms of the specific historically formed features of the writer's ideological worldview. For example, according to Pospelov, in rejecting the ideas of utopian socialism and mechanistic materialism, Dostoevsky was in conflict with himself, with a stage he had already passed through in his own ideological development. Moreover, says Pospelov, by denying in the consciousness of his characters individualistic self-affirmation and ambition, the drive to gain power over other people, the thirst to surrender oneself to dark passions and the capacity for delighting in one's own moral falls from grace, Dostoevsky was destroying these things in himself. He was therefore

---

[25]M. Bakhtin. *Problemy Poetiki Dostoevskogo* (Problems of Dostoevsky's Poetics), Sovetskii pisatel' (Soviet Writer), Moscow 1963, p. 223.

[26]Bakhtin. *Ibid.*, p. 106.

able to understand the varying and contradictory ideas of his characters as "idea-feelings"; he could comprehend the inner logic or these ideas and creatively develop each idea from within. And he also passed sentence upon them, for the closer this or that "idea-feeling» was to him, the greater the passion and insight with which he developed it. Pospelov writes:

> Therefore the originality of the *content* (and not merely the poetics!) of Dostoevsky's 'polyphonic' novels consists not in the absence in them of the author's 'point of view' and of his 'final' verdict, but in the fact that although the readers of these novels sense this verdict, they are nevertheless able to be fascinated, not by the author's tendentiousness which arises out of his impulse towards an abstract religious-moralistic ideal, but by the inner logic of his characters' thinking and experience in their *objective* social-historical negative nature. It is in this that the contradiction between artistic realism and ideological 'normativeness' in Dostoevsky's novels lies.[27]

In Bakhtin's notion of the absence of interference from the author in the development of the characters of a polyphonic novel, Pospelov sees a denial of the unity of ideological content. To this critic it appears that in Bakhtin's interpretation Dostoevsky's novels fall apart into separate closed "worlds", into the consciousnesses of isolated characters. Polyphony in that case turns out to be a *disharmony* of "voices", resounding in various tonalities which are unrelated to each other. Pospelov even considers that such a polyphony is not an achievement, but rather the destruction of the fundamental principles and laws of artistic creation. To Bakhtin's views Pospelov opposes his own viewpoint; namely, that through the knowledge and evaluation of his characters, through their reflections, the author is expressing his own attitude and his own ideological judgment upon precisely those details of existence, those circumstances and conditions of life, in which his characters find themselves. Pospelov gives an old-fashioned definition of Dostoevsky as a portraitist of manners and morals, a "realist in the highest sense", a writer in whom the very exceptional and psychological nature of the scenes and pictures of the life he is portraying always also turns out to be a higher stage in their social characterization.

It is appropriate at this point to recall that Pospelov came out of the sociological school in literary scholarship and was taught the first principles of literary analysis by V. F. Pereverzev. His first

---

[27]G. Pospelov. "Preuvelicheniia ot uvlecheniia" ("Exaggerations From Enthusiasm"), *Voprosy Literatury*, No. 1. 1965, p. 100.

efforts in literary scholarship at the end of the 1920s were made entirely in the spirit of Pereverzev's search for the social nature of an author and reduction of all writing to the expression of a single, "core" character, who is conditioned by the author's social origin. Later Pospelov was compelled to renounce his teacher's principles and to accept the methodology of Soviet literary scholarship, which gives primacy to the ideological content of literary works. These habits still affect Pospelov' present-day practice as a literary scholar. The combination in him of hidden vestiges of the sociological school with the habit of seeing in every literary work a tendency, an ideological design and an ideational coloring extends even to his analysis of works from Russian classical literature. For Pospelov, therefore, what is most important is to determine the social factors conditioning Raskol'nikov's thoughts and acts and how his life depends on social conditions. Pospelov does not agree with Bakhtin that the idea of Raskol'nikov must not be coupled with his finished character or his "social typicality" as a *raznochinets* of the 1860s. For Pospelov Raskol'nikov's inner moral world is given already *a priori;* it is socially predetermined in advance by the atmosphere of lack of money which surrounds him, coupled with a thirst for riches, by the combined "nobility" and extreme insecurity of his family and by his interest in revolutionary theory which was characteristic of the Russian *raznochintsy* of that era, Pospelov poses the question:

> If Dostoevsky's heroes are not social types, but also not 'mouthpieces' for the author as this scholar insists, then from where do those 'particular points of view on the world', those 'pure voices' to which these characters are ostensibly reduced come and what do they represent? Even these 'points of view on the world' seem to be devoid of any socia-historical character and by the same token of any artistic-cognitive significance. How then are we to understand this scholar's assertion that Dostoevsky 'possessed a gift, amounting to genius, for hearing the dialogue of his age? Did that age really exist without classes, without social 'camps' and 'currents' and without typical characters representative of such divisions? Something here has not been researched thoroughly enough![28]

Having been formerly an open disciple of Pereverzev, and being even now a secret adherent of the sociological beliefs of his youth, Pospelov is made especially indignant by Bakhtin's refusal to recognize in Dostoevsky the existence of a negative ideological-emotional attitude towards the social characters of his prota-

[28]Pospelov, *Ibid.*, pp. 102-103.

gonists which the writer expressed through his selection and combination of the objective details of their lives, actions and experiences; i. e. through the details of objective portraiture in his tales and novels. For according to the notions held by this sociological scholar, who now as before is the prisoner of his positivistic delusions, an epic writer like Lev Tolstoi, Turgenev, Goncharov or Dostoevsky has no right to break and indeed does not break the laws of the epos as a literary mode. According to Pospelov, therefore, the writer motivates his characters' actions and experiences from the conditions and circumstances of their lives, and he does not fail to pass judgment through the details of their actions and experiences upon their "point of view" towards the world and towards themselves." "If it were not so, if the entire objective portraiture of the novel served only as a 'pragmatic' backdrop for the abstract 'pure voice' of Raskol'nikov and the other characters, then the Dostoevskian novel would have no artistic importance,"[29] summarizes Pospelov, not noticing, however, that he is only repeating the out-of-date tag-ends of Chernyshevskii's ideas about art as a verdict on life.

Bakhtin's reflections on the evolution of genre and his notion of the "carnivalization" of literary genres, especially of the adventure novel, also fails to fit in with Pospelov's sociological scheme. The latter sees no sociological basis for drawing a genetic thread from the carnival to Dostoevsky's novels. The multicolored comic popular scenes in the picaresque and chivalresque novel, with its unexpected upward flights and downfalls, failures and successes, arose independently in literature and they reflected a new stage of social development; namely, the destruction of feudal barriers and the process of sudden enrichment and sudden ruin, or, in other words, the chaotic beginnings of bourgeois society. In Pospelov's opinion the novels of Dostoevsky are oriented towards the future and bear the stamp of urbanism. They reflect the atmosphere of St. Petersburg life in the 1860s and 70s with its quick tempo, tension, overstrain and psychic unbalance. In terms of their plots and their "vision of the world" these novels are oriented towards the age of Verhaeren and Whitman, Briusov and Maiakovskii, and not towards the epoch of picaresque and adventure novels, nor the era of carnivals and "saturnalia." And so for this critic all Bakhtin's reflections on the genre and compositional peculiarities of Dostoevsky seem "very farfetched". Bakhtin's anaylsis of the "carnival-fantastic atmosphere" in Dostoevsky was made without taking into consideration the writer's social epoch and Pospelov

[29]Pospelov, *Ibid.*, p. 103.

therefore rejects it as Bakhtin's "excessive enthusiasm", which can be explained by the fact that the latter's attention was completely divorced from matters of specific ideological content. Bakhtin's sincere enthusiasm for his own viewpoint makes his book — a talented work written in a very animated style which stimulates one's thinking and induces one to reread and think over Dostoevsky's novels again and again — "this already too 'homophonic' book about the 'polyphonic' novel", as Pospelov says in conclusion.

Thus the representatives of various schools in Soviet literary scholarship took part in the discussion of Bakhtin's book *Problems of Dostoevsky's Poetics* and various opinions were expressed which ran the gamut from an unquestioning acceptance of Bakhtin's conception of the polyphonic novel to a partial or almost complete rejection of it. In this discussion, which is still continuing to this day, both Marxists and open defenders of Soviet ideology and former formalists and sociologically minded literary scholars have had their say. However, for the first time in many years they have managed to get along without deliberately accusing their opponents of ideological deviations and the discussion has with rare exceptions adhered to the norms of respect for other scholars' opinions and tolerance in arguing with opposing views. The generally favorable tone taken towards Bakhtin's book and the recognition of his scholarly contribution to literary studies signify that a new stage has ben reached in the evolution of Soviet Dostoevsky studies and literary scholarship in general. In this new atmosphere it has become possible for both Bakhtin's book itself and also for o whole series of new works on Dostoevsky to appear within the last ten years.

Evidence of the fact that Bakhtin's book, *Problems of Dostoevsky's Poetics,* has achieved wide currency in Soviet Dostoevsky studies is supplied by the appearance at regular intervals of reviews of new books on Dostoevsky and by generalizing articles on the problems of Dostoevsky's writings. Every author of a review or article on Dostoevsky considers it necessary to rely on or quote the thoughts of Bakhtin, most often in order to provide confirmation for his own conclusions or, less often, so as to dispute with or raise objections to Bakhtin. Reviews such as Fridlender's "New Books on Dostoevsky" ("Novye knigi o Dostoevskom"),[30] Evnin's "On Certain Problems of Dostoevsky's Style and Poetics. On the Publication of New Books on Dostoevsky as Artist" ("O nekotorykh

[30]See *Russkaia Literatura,* No. 2, 1964. pp. 179-190.

voprosakh stilia i poetiki Dostoevskogo. K vykhodu novykh knig o Dostoevskom khudozhnike")[31] and M. Kapustin's "Problems of Dostoevsky Today" ("Problemy Dostoevskogo segodnia")[32] contain, as it were, the quintessence of the newest approaches to this problem. Here the reviewers' attention is centered on books about Dostoevsky's poetics and style, while the book by M. Gus, *Ideas and Images of F. M. Dostoevsky,* the purpose of which was to compare the writer's creations with his age, evoked almost no response. For his review Evnin selected only three books — all on style and poetics —: Bakhtin's book, N. M. Chirkov's book *On Dostoevsky's Style,* and Ia. O. Zundelovich's book, *The Novels of Dostoevsky (Romany Dostoevskogo).* The very fact that all three of these books came out in 1963 seems to indicate that Soviet Dostoevsky scholarship is now attempting to make up for lost time and neglect in its studies of Dostoevsky's poetics — studies which began as early as the 1920s and 30s but were interrupted for a long time by the Arakcheevan regime of Stalin. The research into Dostoevsky's style and poetics which was initiated back in the 1920s, especially by Leonid Grossman and V. V. Vinogradov, but not then carried throught to a conclusion, had long been awaiting its resumption. But the right conditions for such scholarship did not exist. The atmosphere engendered by the campaign which continued for many years against formalists and against what was called "rotten liberalism" undermined at the roots all such initiatives. It was only from 1956 on that research work in Dostoevskii studies began gradually to increase in scope, attaining its fullest development only by the mid-1960s.

N. M. Chirkov's book, *On Dostoevsky's Style,* was published posthumously. The late scholar was characterized by his immense sensitivity to artistic form. His observations on portrait sketches, landscapes, methods of plot-development and the function of epilogues in the Dostoevskian novel are fresh and full of instructive details. It is interesting to note that Chirkov regards the artistic form itself as the expression of ideas and in it he "catches" the finest shades of thought and with the help of artistic means divines the "the ultimate secret of the content". This scholar brings to light what is most pithy and interesting in the form, thereby contributing to a deeper understanding of the entire work. Already this is not the sum of the devices which serve to express content,

---

[31]F. I. Evnin. See *Izvestiia Akademii Nauk SSSR, Seriia Literatury i Iazyka* (Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR, Literature and Language Series), 1965, Vol. XXIV, vyp. (issue) 1, Jan.-Feb., pp. 68-80.

[32]M. Kapustin. See *Voprosy Literatury,* No. 3, 1965, pp. 126-143.

as form is still often regarded in Soviet literary scholarship; i. e. of devices connected only in a purely external and mechanical way with content. Chirkov subordinates his observations on poetics to a more synthetic approach to the study of style in conjunction with the worldview, artistic method, and psychological and philosophical problematics of the works. New and interesting are his ideas on the role of the subjective perceptions of Dostoevsky's characters in the creation of the writer's portraits of the other persons who clash with these characters in dialogue. Also valuable are his analyses of the contradiction between the external appearance and the inner state of a human soul, of the psychological import of various kinds of *leitmotif,* — the elements in the action which repeat themselves — of the significance of chiaroscuro effects, and so on. Thus the study of Dostoevsky's stylistics acquires a new aspect which opens up new opportunities for the study of his literary heritage.

F. I. Evnin disputes Chirkov's thesis that Dostoevsky considered the human psyche to be something enigmatic which does not lend itself to a final and conclusive explanation. Evnin considers that the theme of "duality of personality," the struggle between "the two abysses", the "ideal of the Madonna and the ideal of Sodom" supply the key to an understanding of the characters' puzzling acts. As the action of the novels proceeds, the riddles presented by Raskol'nikov, Stavrogin, Versilov and other heroes are eventually revealed in full. Evnin also directs our attention to the presence in the writer's works not only of portraits characterized by their divergence from regularity and serenity, by their disharmony and deformation, but also of such "beautiful" men and women who have no grotesque element whatsoever as Versilov, Alesha Karamazov, Raskol'nikov, Akhmakova and others. Evnin is also dissatisfied because Chirkov makes no attempt to reduce the writer's stylistic traits to a single inwardly-linked system of artistic means, and by his failure to draw any connection between the writer's style and his era.

The second part of Nikolai Maksimovich Chirkov's book was published in 1967 by Nauka (Science) Publishers in Moscow under the tittle: *On Dostoevsky's style, Problematics, Ideas, Images (O stile Dostoevskogo. Problematika, Idei, Obrazy),* 301 pages. In his second book Chirkov examines all of Dostoevsky's novels, and in each case various chapter titles supply the key to the basic theme underlying this scholar's research. In the chapters on *Poor Folk* and *The Landlady,* Chirkov is chiefly concerned with looking into matters of style, while in *Notes from The House of the Dead* he regards its new conception of man, the intelligentsia, and the

people as its most important feature and in *The Village of Stepanchikovo* and *Uncle's Dream* he focuses his attention chiefly on the genre special features of the novel-comedy. From a synthesis of the social and the psychological in *The Insulted and Injured* Chirkov moves on to an analysis of the rudiments of the philosophical novel, finding that this form achieved full realization already in *Crime and Punishment*. His discussion of the comic and tragic elements in *The Gambler* culminates in an analysis of *The Devils* as a novel-satire and novel-tragedy. The problem of the universal man is treated in depth in his discussion of *The Idiot,* as is the theme of the spiritual disintegration of "living life" in *A Raw Youth*. Finally, in the chapter entitled "For and Against" ("Za i protiv") Chirkov achieves, through a scrupulous analysis of *The Brothers Karamazov,* his fullest revelation of the philosophical problems in Dostoevsky. According to Chirkov, Dostoevsky's most cherished idea about the world was the notion of a higher unity, a synthesis of the world life-process which would arise out of spiritual disintegration ("Karamazovism", "Smerdiakovism") by means of each man's becoming aware of his personal responsibility for the crimes of other men and all men — the highest form man's social sense can attain.

In his two books *On Dostoevsky's Style,* published in 1963 and 1967 respectively, N. M. Chirkov has given us a graphic demonstration of how fruitful an analysis of artistic form as the expression of content can be, and of how it is possible to present a penetrating evaluation of the representational means and characteristic stylistic features of a great writer in close contact with the philosophic wealth of his creative thought.

Especially worthy of mention at this point is the work entitled "Dostoevsky and Schiller" ("Dostoevskii i Schiller") by the veteran literary scholar Vil'mont (Nikolai Nikolaevich Vil'iam Vil'mont, 1901 —). This study appeared in a book by this distinguished Germanist entitled *Great Companions. Literary Sketches (Velikie sputniki; literaturnye etiudy)* published by *Sovietskii pisatel',* Moscow 1966. Written in 1964, "Dostoevsky and Schiller" takes up more than half of this book — 310 pages — and could by itself be a book of average length. N. N. Vil'mont belongs to that happily-renowned group of highly educated people in Russia who were born in time to taste the fruits of the prerevolutionary classical gymnasium with its high educational level. He also managed to study at an educational institution unique in Soviet Russia — the Valerii Briusov Institute of Higher Literary-Artistic Studies — which he completed in 1926. Vil'mont works on Goethe, Schiller,

Herder, Georg Foerster and Thomas Mann testify to the breath of his philological and literary interests. He is the author of numerous introductory articles to works on German classical literature which have been published in Russian translations.

The topic of Dostoevsky and Schiller has engrossed Vil'mont's attention as a literary scholar for a quarter of a century. Dostoevsky's passion for Schiller lasted throughout his life and affected many of his plans and projects. The peculiar nature of the German poet's poetry was a contributing factor in this passion, as was the resemblance between the two great writers' life experiences and moral sufferings, and their knowledge of the psychology of people with indomitable passions who make miscalculations in their thinking. Dostoevsky valued Schiller as a psychologist of humble, oppressed mankind. The psychology of the "indignant, rebellious consciousness" and the incorrigibility of the actions perfomed and the remarks uttered by Schiller's and Dostoevsky's characters in their role as objects of experimentation and social injustice were unacceptable to Goethe and to Lev Tolstoi. Accordingly Goethe reproached Schiller, as Tolstoi did Dostoevsky, on the grounds that the forces motivating the behavior of their characters lacked probability. Dostoevsky had been impressed not only by the romantically exalted rebellion and protest of *The Robbers* but also by the powerfully expressed anguished of the humiliated man, worn out by suffering, in *Cabal and Love.* This influence of Schiller served Dostoevsky well when he was creating *The Insulted and Injured.* With great subtlety Vil'mont traces how scenes from *Cabal and Love* which impressed Dostoevsky are reechoed in *The Idiot* and *The Brothers Karamazov.* Even the swift, headlong theatrical-dramatic technique and effects in Dostoevsky's novels can be traced back to Schiller. The philosophical, intellectual novel of Dostoevsky is akin to the philosophical and intellectual drama of Schiller. The return to Schiller during the second period in Dostoevsky's artistic career after his return from Siberia took place at the same time that he was turning toward the descriptive means of the Russian realism of Pushkin, Gogol and Turgenev. The tragic-intellectual problematics posed by the German romantic writer contributed their share to the creation of the Russian novel-tragedy, although *The Brothers Karamazov* in no way conforms to Schiller's plot. But the motif of the "repenting" malefactor, one of the most important motifs in Schiller's *The Robbers,* is present here too. The characteristic traits and spiritual transports first of Karl, then of Franz the Moor are attributed to both brothers. The novel is full of "Schillerisms". Even the brilliant and grandiose

image of the Grand Inquisitor derives essentially from the image of the grand inquisitor in Schiller's *Don Carlos*. Even the notion of a "Church without Christ" had already been expressed by Schiller's inquisitor. It was not by chance that Ivan Karamazov concluded his rebuke to Katerina Ivanovna with lines learned by heart from Schiller. For all the originality of Ivan's arguments for his non-acceptance of the world and his references to the sufferings of children, the very formula of his entrance-ticket to the coming world of harmony has its antecedents in the early writings of Schiller (see the latter's verse *Resignation*). The pathos of a "rebellion" against "God's world" had already been expressed in a youthfully naive manner in Schiller's early work. But in its depth and extraordinary scope the Russian intellectual novel as represented by Dostoevsky far surpassed the dramas of Schiller and expressed on a worldwide level not only the Russian writer's superiority in philosophical thought but also the power of his artistic transfiguration of the world and human characters. But the recognition of the kinship between Dostoevsky's creative genius and that of his predecessors only confirms the notion that in terms of general cultivation as well as literary culture the Russian genius was fully abreast of his age and was therefore all the more able to render service to mankind. And in this context the observations contributed by N. Vil'mont are very fruitful and useful.

Ia. O. Zundelovich's book, *The Novels of Dostoevskii,* also evoked a favorable response from Soviet reviewers. Even the serious magazine, *Novyi Mir (New World)* which does not usually spoil literary scholars with over-flattering comments, referred approvingly to Zundelovich's book and expressed its regret that it had been published in such a small edition as to be inaccessible to the average reader.[33] This book is also almost unobtainable by readers in the free world and scholars of Dostoevsky's writing outside the Soviet Union have particular cause to complain of its inaccessibility. However, it contains valuable material and much in it is analysed in a new way. Zundelovich has devoted a separate chapter to each of Dostoevsky's five last novels: "On the Style of the Novel *Crime and Punishment*" ("O stile romana *Prestuplenie i Nakazanie*"); "The Originality of the Narrative in the Novel *The Idiot*" ("Svoeobrazye povestvovania v romane *Idiot*"); "The Pamphlet Structure of the Novel *The Devils*") ("Pamfletnyi stroi romana *Besy*"); "The Artistic-logical and Abstract-philosophical Elements in the

---

[33]T. Motyleva. A Review of the book by Ia. O. Zundelovich, *Romany Dostoevskogo* (Dostoevsky's Novels), in *Novyi Mir* (New World) No. 12, 1964, pp. 276-277.

Novel *A Raw Youth*" ("Khudozhestvenno-logicheskoe i otvlechenno-filosofskoe v romane *Podrostok*"); "Dostoevsky's Image of the World in his Social-philosophical Novel *The Brothers Karamazov*" ("Obraz mira Dostoevskogo v ego sotcial'no-filosofskom romane *Brat'ia Karamazovy*").[34] The author of *The Novels of Dostoevsky* deals with the very "flesh and blood" of his material; he analyses the artist's way of seeing the world and reveals his composition, style and narrative manner. For him the writer's language is not simply the sum total of his devices but an "all-pervasive ether which permeates an entire work." His insight into the writer's style shows itself in the way in which he reveals how "the unity of the writers's artistic vision of reality, his way of perceiving the world and his worldview are directly reflected in such aspects of his works as their structure, their system of images, the peculiarities of the development of the conflict in a novel, and at the same time in fractional components of a work such as word repetition, the singling out of words in a text by graphic means, even his original use of punctuation marks and so forth.[35] Here the artist's will subjects and deforms the style in all its elements, and also the system of images and the structure. In this light even the unevennesses and irregularities in the style look like irregularities of the voices themselves which carry on the narrative or are intermingled with it. Zundelovich writes that even the "convulsive character of Dostoevsky's repetitions in its own way reflects the contradictory nature of his worldview which is also the determining factor behind

---

[34]These chapters had appeared earlier as articles in various publications of the *Transactions* of the Uzbek University which were also virtually inaccessible to the average reader. See below:

(A) Ia. O. Zundelovich. "O stile romana F. M. Dostoevskogo *Prestuplenie i nakazanie*" ("On the style of F. M. Dostoevsky's Novel *Crime and Punishment*"). *Trudy* Uzbekskogo universiteta. (*Transactions* of the Uzbek University), Samarkand 1957, vyp. (issue) 72, pp. 304-339.

(B) Ia. O. Zundelovich. "O romane Dostoevskogo *Besy*" ("On Dostoevsky's Novel *The Devils*"). *Trudy* Samarkandskogo universiteta imeni Alishera Navoi, novaia seriia, vyp. 112 — Problemy khudozhestvennogo masterstva — (*Transactions* of the Samarkand Alisher Navoi University, new series, issue 112 — Problems of Artistic Mastery), Samarkand 1961.

(C) Ia. O. Zundelovich. "Osobennosti povestvovaniia v romane F. M. Dostoevskogo *Idiot*" ("Peculiarities of the Narrative in F. M. Dostoevsky's Novel *The Idiot*"). *Trudy* Uzbekskogo Universiteta. (*Transactions* of the Uzbek University). Samarkand. 1958. vyp. (issue) 93, pp. 3-44.

(D) Ia. O. Zundelovich. "Roman F. M. Dostoevskogo *Podrostok* — Khudozhestvenno-logicheskoe i otvlechenno-logicheskoe v romane" (F. M. Dostoevsky's Novel *A Raw Youth* — The Artistically Logical and Abstract-Logical Elements in the Novel"). *Trudy* Uzbekskogo universiteta (*Transactions* of Uzbek University). Samarkand 1959, vyp. (issue) 97, pp. 3-40.

[35]Ia. O. Zundelovich. *Romany Dostoevskogo* (Dostoevsky's Novels), Izd. Tashkent, "Sredniaia i vysshaia shkola" (Middle and High School Pub.) p. 6.

the writer's other stylistic peculiarities."[36] As handled by Zundelovich, the method of a stylistic or "voice-studying" analysis in depth is often fruitful. In that part where he comes close to the polyphony of voices (both narrative and dialogue) based on Bakhtin and to the latter's understanding of the reflection and reciprocal reflection of the consciousnesses of the *dramatis personae,* he succeeds in proving that Dostoevsky's characters, and especially those in *Crime and Punishment,* do not possess any final truth and are all of them right, each in his own way. But in his exaggerated absorption in the contradictions between the writer's worldview and his artistic method, between his convictions and the living texture of his images, Zundelovich reaches a number of erroneous conclusions which contradict his own method. He has not succeeded in freeing himself from the understanding of the contradictions between Dostoevsky's worldview and his method which is traditional in Soviet literary scholarship. On the one hand, Dostoevsky was in Zundelovich's opinion a reactionary, an obscurantist and a religious dogmatist. Such was his outlook on the world. But as a realist-artist he was supposed to have rejected the errors of his worldview in the name of truth to life. The clash between these allegedly mutually exclusive principles in Dostoevsky is diligently traced by Zundelovich in the style of *Crime and Punishment,* in the struggle between the various voices of the narrative and the antagonism between the imagic texture of the novels and their ideological design. Such a reduction of the whole aggregate of the writer's opinions to a onesided orientation towards reaction does not correspond to reality, for it underestimates those progressive and avant-garde ideas in Dostoevsky which enriched Russian philosophical and literary-social thought in the 19th century. Therefore F. I. Evnin was right when he pointed to the existence of two Zundeloviches — the skillful researcher of Dostoevsky specific texts and the "dogmatist"... "the creator of arbitrary, *a priori* schemes, to which he tries to 'adjust' certain of Dostoevsky's novels. As a result of this 'adjustment' the work he is examining is sometimes simply not brought closer to us, not enriched in its inner content and meaning; but on the contrary, is pushed further away from us and impoverished."[37]

In each novel analysed by Zundelovich the painful results of

---

[36]Zundelovich, *Ibid.,* p. 20.

[37]F. I. Evnin. "O nekotorykh voprosakh stilia i poetiki Dostoevskogo" ("Tn Certain Questions of Dostoevsky's Style and Poetics"), *Izvestiia Akademii Nauk SSSR, Seriia Literatury i Iazyka* (Proceedings of the USSR Academy of Sciences, Literature and Language series), 1965. Vol. XXIV, vyp. (issue) 1, p. 70.

this "adjustment" reveal themselves. Thus, for example, he falls into an obvious contradiction when he propounds the view that the discord and intermingling of the voices of the narrator (chronicler) and the author are positive in *Crime and Punishment,* but for some reason or other negative in *The Devils* and even *The Brothers Karamazov.* The narrator-chronicler who delights Zundelovich in *Crime and Punishment,* the "participant in the circle who is informed about everything," is described in connection with *The Devils* as a "pamphlet jester."[38] Deferring to out-of-date and long-established views, Zundelovich travels a well-trodden path when he discerns in *The Devils* certain imaginary artistic "miscalculations" and "failures." "In his novel," writes Zundelovich, "Dostoevsky gives battle to the devils in a setting which is inappropriate to his design and thereby violates the basic principle of realistic art — the portrayal of typical characters in typical circumstances. Hence the inevitable artistic failure, the artistic breakdown, which marks this work."[39] Zundelovich also acknowledges elsewhere in his book that in *The Devils* everyday life is interwoven with "being," that the concepts of God, the Devil, and eternity here spread into real, everyday life and that the novel's characters appear before us as the visible embodiment of such concepts and develop according to the logic of development of the structure of their own opinions. Zundelovich's false concepts and ideas about *The Devils* seem to be refuted by the critic's own views; i.e. that for Dostoevsky any and all concepts about the world appear in a psychological form, as human types. Beyond these types there stand generalized sensual images, which have also absorbed the qualities of various ideas; i.e. "the image of the world." One must argue with Zundelovich, however, when he reduces Dostoevsky's vision of the world in *The Brothers Karamazov* to "the image of whirling, of extreme disintegration, an image of which his own age had given him a graphic picture."[40] In order to reach such a "discovery," Zundelovich in his analysis of *The Brothers Karamazov* had to separate Dostoevsky the thinker completely from Dostoevsky the artist and, after discarding the supposedly "reactionary" philosopher, to begin by simply postulating the image of "whirling" and then adjusting the whole novel to fit this postulate. As a result the structural center of the novel is not the Book in it entitled "Pro and Contra," but rather its "instability and vagueness," its "extreme disconnect-

---

[38]*Zundelovich, op. cit.* p. 114.
[39]*Ibid.,* p. 107.
[40]*Ibid.,* p. 184.

edness," its "never completed process of formation,"[41] its "whirlwind fluctuations," its "combination of what cannot be combined,"[42] the turmoil of feelings in it, and so on. The analogies drawn by Zundelovich to Flaubert who, when writing *Madame Bovary,* visualized the color of the mold and while writing *Salammbô* saw the color dark red, prove nothing. According to Zundelovich even the "impetuous, unrestrained" Karamazov are dependent upon the" whirling" effect, as are the contradictoriness of the characters' thoughts and experiences, Grushenka's outward appearance, the "patchiness" and incompleteness of the narrative, the sensuality of old Karamazov, the inner versus the outwardly apparent truth about Dmitrii Karamazov's trial. Nor also are Alesha and Zosima free from this "whirling" effect and even the *Legend of the Grand Inquisitor* is subject to its impact. Zundelovich's attempts to deprive the image of Christ here of all its splendor and, to appease anti-religious Soviet propaganda, to see in it an "anti-religious image"[43] are naive as is his impoverishment of the entire Legend which he reduces to the level of "praise for man the rebel." Zundelovich has assigned different dimensions to the "author-dogmatist" and the "author-artist" and erected an impenetrable wall between them. But when, despite the barriers this scholar has erected, they meet and Dostoevsky the philosopher utters his word which exerts a decisive influence on the entire architectonics of *The Brothers Karamazov* then, as in *The Devils,* Dostoevsky again according to Zundelovich sustains an artistic failure. But this scholar fails to notice that the image of "whirling" is essentially also a component of the writer's world-ideological judgments concerning the disconnected and unstable nature of the world, its state of continual becoming and developing. Therefore the opposition developed here of the artist-realist to the thinker-dogmatist is devoid of meaning, for these contradictions characterise the very philosophy of the world with which all Dostoevsky's writings are colored. Even from the Soviet point of view it would have been more sensible to have isolated from this same worldview those more progressive opinions which find expression in the chorus of different voices in the novel.

The arbitrary nature of Zundelovich's scheme is especially obvious in his analysis of *The Idiot.* Dostoevsky's idea of portraying in the person of Myshkin "a positively beautiful man" is already unacceptable to Zundelovich in advance. Contrary to the opinion

---

[41] *Ibid.,* p. 184.
[42] *Ibid.,* p. 186.
[43] *Ibid.,* p. 204.

of Saltykov-Shchedrin, who considered Dostoevsky's idea of "portraying a type of man who has achieved full moral and spiritual equilibrium" an extremely noble one, the Soviet literary scholar regards it as a "preconceived idea," a "prejudice of the author's world outlook."[44] Thus the novel *The Idiot* is immediately impoverished in its entirety, for the critic disparages the humanly beautiful, morally lofty element in Myshkin. He does not understand the main idea of the novel; that of demonstrating the tragic ruin of the exalted and beautiful in a world where "all the sources of life have grown muddy and dull." Zundelovich artificially isolates Dostoevsky the artist, whom he alleges to have been incapable of violating his own nature and subjecting the truth of life to his preconceived idea. This compartmentation is promoted by the critic's differentiation of the formally singly and indivisible manner of the writer' narrative into three voices; i.e. those of (1) "The pure author"; (2) "The pure narrator"; and (3) "The author-narrator." The first, a mouthpiece for Dostoevsky the thinker, is omniscient and speaks categorically, and it exalts Myshkin. The other two voices supposedly express the doubts of Dostoevsky the artist as to whether Myshkin was really fine and beautiful. They are not characterized by any categorical tone, any "dogmatism." And Zundelovich tries by means of a fairly scrupulous analysis to expose the struggle between these voices with their combination of skepticism, doubt, and exaltation of Myshkin. His attention is focussed not on the contradiction between the novel's humanistic pathos and an anti-human world, but on the contrast between the artist's method and his worldview. Zundelovich fancies that he sees here the artist's alleged aim; that is, through the medium of the second of third voice, to morally impoverish the image of Myshkin and sow doubts about his qualities as a "positively beautiful man." Every detraction from moral purity and beauty, sensitivity, responsiveness and compassion for people in Myshkin seems to Zundelovich to be the voice of artistic truth. Particularly unacceptable to this Soviet critic are the universal forgiveness, the humility, ascetism and other Christian virtues which characterize the chief hero of *The Idiot*. He finds himself at a loss to understand how, at the decisive moment in the story, Myshkin's compassionate love for Nastas'ia Fillipovna instinctively gains the upper hand over his love for Aglaia. For, as a result of this unrestrained outburst, Myshkin loses all his hopes for happiness with Aglaia, and yet compassion proves stronger than love alone and it is compassion which reveals in him the extraordinary power of his

[44] *Ibid.*, p. 65.

moral and spiritual beauty. The narrator's voice begins by admitting that it is difficult for him to explain this strange action by Myshkin. Then he recounts the gossip about it in society; he even reproaches Myshkin for his act, he shares in the indignation of Myshkin's friends and even agrees with the trivially rationalistic interpretation of the deed given by the vulgarian Radomskii who does not understand the grandeur of self-sacrifice and the strenght of the hero's love — pity. F. I. Evnin is correct in his opinion that Dostoevsky does this in order, in accordance with the method of contrastive shading, to emphasize through all these deliberately denigrating and trivial evaluations the tragic nature of what is taking place and the hero's beauty of soul, the grandeur and singularity of his moral feat. In his "Notebooks" for *The Idiot,* Dostoevsky pointed out that "in *The Idiot* man is perhaps more real"[45] than ordinary real life. And Evnin correctly concludes that with this statement Dostoevsky gave us the key to an understanding of the other belittling judgments of Myshkin which we encounter in this novel.[46] One has perforce to agree with Evnin's view that all the voices work in concert to reveal the writer's design and the image of Myshkin, although certain of them also express that tragic irony which is already embedded in the very title of the novel. The aprioristic scheme worked out by Zundelovich led him to make the doubtful assertion that the "author-narrator" "reinforces the double meaning involved in the use of the word 'idiot' to describe Myshkin."[47] And Evnin is right once again when he affirms that "the narrative manner in Dostoevsky's last major novels *excludes* the possibility of any direct evaluation or explanation from the author of all that concerns their central (tragic) characters."[48]

In connection with the need to find an ally in his rejection of theory of the polyphonic novel, G. Fridlender in his review "New books on Dostoevsky" ("Novyje knigi o Dostoevskom") naturally hastened to hail the publication of Zundelovich's book which, so he claimed, differed absolutely from Bakhtin's views. According to Fridlender, Zundelovich analyses the authoral principle in the novels, the author's vision of and attitude to the world, not only as not having been dissolved in the diversity of the characters' voices but, on the contrary, as having been manifested even more powerfully in Dostoevsky than in many other Russian and foreign novelists.

---

[45]F. M. Dostoevskii. *Zapisnye Tetrady k "Idiotu"* (Notebooks for *The Idiot*), ed. P. N. Sakulin and N. F. Bel'chikov. Moscow, GIKhL, 1931. p. 153.

[46]F. I. Evnin, *op. cit.* See footnote 37, above. p. 72.

[47]Evnin, *Ibid.*, p. 72.

[48]

The author's interference in the progress of the narrative in *Crime and Punishment* is also expressed in the wide usage of interior monologue as a result of which the author's voice and the inner voice of a character in the novel become inseparably interwoven with each other, so that it is almost impossible to disconnect them. In the narrative and in Raskol'nikov's speech one notes the penetration of elements of authoral expression and the lyrical-subjective principle. The author's voice and conception of the world are reflected in the structure, style, language and "voices" of the characters in all of Dostoevsky's novels from *Crime and Punishment* to *The Brothers Karamazov* — thus does Fridlender summarize the results of Zundelovich's research into Dostoevsky's novels.[49]

On this point one might take issue with Fridlender by citing one of Bakhtin's most valuable ideas; namely, that in his discourse as author or in the narrator's speech Dostoevsky does not directly "insert his own judgment, or evaluation." His narrative manner is always purely "*protocolaire,*" "informative."[50] The author's narrative fills only a communicative function and in no way an explicatory or evaluative one, Usually the writer's design is the guiding factor only in the selection and arrangement of the material, and the object of the author's endeavors is not the "definite aggregate of ideas in itself" but only the "carrying on of a theme by many and different voices."[51] Therefore all the voices, like the elements of polyphony, are of equal value. The last word is left not to the author but to the individual character. The author himself does not explain the characters' actions, nor analyse "from himself" their reflections, feelings and experiences: he does not weigh their conduct and intentions on the scales of justice, nor separate good from evil in them. As distinct from the omniscient Lev Tolstoi who passes judgment in everything—see his treatment of Napoleon and Kutuzov in *War and Peace* — Dostoevsky's characters reveal themselves in the course of the action through their deeds, their utterances and their inner monologues. The author merely determines the place, time and setting of the action, the interior and exterior motions and states of the soul, external mimicry, gesticulation and the like. The principle of the self-revelation of a character compelled Dostoevsky to avoid portraying the hero's past, to shun exposition.

---

[49]G. Fridlender. "Novye knigi o Dostoevskom" ("New Books on Dostoevskii"), *Russkaia Literatura,* No. 2, 1964. p. 188.

[50]M. M. Bakhtin. *Problemy poetiki Dostoevskogo* (Problems of Dostoevsky's Poetics). 2nd ed. revised and supplemented, Sovetskii pisatel', Moscow 1963, p. 337 et al.

[51]Bakhtin, *Ibid.,* p. 357.

The past of his characters is gradually made clear in the course of the action through a character's statements about himself, or from those of others about him. And if the writer was sometimes unable to dispense with giving us an imaginary prehistory, it was usually an intentionally incomplete one which does not mention the beginnings of that inner collision which sways the thoughts and intentions of the characters. Here, however, we are referring to the leading characters such as Raskol'nikov, Svidrigailov, Sonia Marmeladova, Myshkin, Nastas'ia Filippovna, Rogozhin and Ippolit. The narrator in the novels becomes more loquacious when he is concerned with the prehistory of the Ivolgins and Epanchins or of such people as Lebeziatnikov and Luzhin. On these grounds Evnin arrived at the conclusion that not only the polyphonic but also the monologic principle was natural to Dostoevsky and that the latter was expressed in his plot structure when he was demonstrating the conduct and actions of his characters. Evnin even declared that by their very nature his plots are "monologic," their function being to embody "the author's point of view toward his characters.[52] And in his polemic with the literary scholar V. V. Kozhinov he passionately rejected *in toto* the theory of the polyphonic novel, claiming that it was a hindrance to a fully valid, historically trustworthy study of Dostoevsky's legacy.[53]

III

Before passing on to a short survey of those books on Dostoevsky which do not concern problems of literary style and language, we ought to take note of the fact that the majority of books published in both these categories are the work of authors of advanced age, who first demonstrated their scholarly interest in Dostoevsky long ago, more often than not as far back as the 1920s or even earlier. But, because of the political situation in the country, such scholars had long been out of the limelight. In her above-mentioned review of Zundelovich's book, T. Motyleva writes: "Articles by Ia. Zundelovich devoted to problems of poetics were already appearing in the 1920s. Then this scholar's work was interrupted for a long time. *The Novels of Dostoevsky* is the first book published by this septuagenarian author."[54] Since the exposure and denunciation of

---

[52]F. I. Evnin, *op. cit.* See footnotes 37 and 46, above. p. 75.
[53]*Evnin, Ibid.* p. 80.
[54]T. Motyleva, *op. cit.* See footnote 33, above. p. 276.

the consequences of the Stalin cult the works "interrupted for a long time" in the Soviet press have come to mean that some author who had been subjected to repressive measures in the recent past is being discussed. Concerning M. Bakhtin, L. Shubin wrote the following in *Voprosy Literatury,* No. 1, 1965, p. 80: "And for long, long years (during which Bakhtin himself was 'excommunicated' from literature and his book became a bibliographical rarity) Lunacharskii's article was the sole source of information on this book." That is why Shubin is of the opinion that for the general reader the second edition of this book is "a new book, a new name in literature." From the *Short Literary Encyclopedia (Kratkaia literaturnaia entsiklopediia),* vol. I, p. 447 we learn that Bakhtin is now also over seventy, and that he now heads the Department of Literature at the Mordvin State University in the town of Saransk where he ended up after being rehabilitated. The same source, incidentally, mentions from the literature on Bakhtin Lunacharskii's well-known article, "On the 'Polyphony' of Dostoevskii" ("O 'mnogogolosnosti' Dostoevskogo") as well as the pertinent chapter in *Dostoevski in Russian Literary Criticism, 1846-1956,* by Vladimir Seduro, published in English in New York in 1957. The *Short Literary Encyclopedia* appears to have deliberately forgotten about the Russian text of that same chapter which also appeared in New York in *Novyi Zhurnal,* Book 52, March 1958, pp. 71-93.

Concerning the author of the very fresh and original book, *Dostoevsky and Kant,* Ia. E. Golosovker, we find information in an article by the Yugoslav associate professor of Russian literature, M. Mihajlov entitled "Moscow, Summer 1964" ("Moskovskoe leto 1964").[55] He succeeded in finding out while he was in Moscow that as of 1964 Iakov Emanuilovich Golosovker was 74 years old and that he had spent five years in a concentration camp. The author of the book *Dostoevsky's last Novels: How "A Raw Youth" and "The Brothers Karamazov" Were Written,* Arkadii Semenovich Dolinin, was also subjected to ideological persecution. During the Zhdanov era in 1947-48 the name of A. S. Dolinin was frequently made a target for abuse at meetings of Leningrad University and this very outstanding Soviet Dostoevsky scholar was forced to repent and castigate himself for the ideological sins he was supposed to have committed, and for a long time to lapse into silence as a Dostoevsky scholar.

On account of his interest in Dostoevsky, Nikolai Maksimovich

---

[55]M. Mihajlov. "Moskovskoe leto 1964" ("Moscow Summer 1964"), *Novoe Russkoe Slovo* (New Russian Word,) New York, March 29, 1965. p. 2.

Chirkov (1891-1950), author of the posthumously published book *On Dostoevsky's Style,* also suffered many insults and injustices. This, his first book on Dostoevsky, was part of a major work on the writer, which he had been writing for more than twenty years. G. Abramovich, in an *Afterword* to the book,[56] tells us that this work was presented during the latter half of the 1940s in fullfilment of the requirements for a doctorate in philological sciences. Despite favorable comments about this dissertation by its opponents L. Grossman and V. Kirpotin, Chirkov was not given an opportunity to defend it. Here, the atmosphere of intolerance towards Dostoevsky and scholarly works about him which developed during the late 1940s after Zhdanov's speech had a negative effect. Chirkov was forced to abandon his favorite subject and start work on another dissertation, this time on August Strindberg. Death prevented him from completing his new dissertation. Thus the regime is to blame for the fact that Chirkov, a remarkable scholar of Dostoevsky's style and language, departed this life without receiving the doctoral degree in philological sciences which he deserved.

The appearance of works by all these authors of merit, whose activities as Soviet scholars extended back over many years, represents something of a belated revenge for Russian scholarly Dostoevsky studies.

Like Chirkov's book, Ia. E. Golosovker's *Dostoevsky and Kant* is also part of a more extensive work on Dostoevsky's philosophy, as Mihajlov was told in Moscow in 1964 by Golosovker's nephew, Z. O. Smit. The published part of Golosovker's book deals with an important question, and one new to Soviet literary scholarship — the problem of the role of the ideas of Immanuel Kant, in particular of the part played by his *Critique of Pure Reason,* in *The Brothers Karamazov.* Here we have a meditation on the connection between this novel and the basic theses of Kant's doctrine of the antinomies as the insoluble contradictions of pure reason. Golosovker was primarily interested in how Dostoevsky resolves the supposedly insoluble Kantian antinomies. Through his close study of the novel and disclosure of the hidden meaning of the writer's textual undercurrent, the author of this book, which is written in a popular, vivid and belletristic style, brings the reader to an understanding of the profound moral import of Dostoevsky's polemic with the philosopher Kant. Although the information which can be found in materials pertaining to Dostoevsky concerning the writer's

---

[56]G. Abramovich. "Posleslovie" ("Afterword") in N. M. Chirkov's book *O stile Dostoevskogo* (On Dostoevsky's Style), Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR (Publishers of the USSR Academy of Sciences). Moscow 1963, pp. 186-187.

interest in Kant is very sparse, Golosovker makes up for its inadequacy by his penetrating reading of *The Brothers Karamazov* and his deciphering of the meaning of the continuing duel between the protagonists of the novel as a duel between the figures who in this novel personify Kant's propositions of the "thesis" and the "antithesis." In the moral and intellectual sufferings of the novel's characters this critic discerned the "tragedy of the mind" of man, who thirsts for knowledge of the truth of being and life, absolute and ultimate knowlegde, which he invariably wants immediately, but who is incapable of grasping this ultimate limit and reaching a clear decision. As a reader who confronts the unprecedented spectacle of this tragedy of the mind, he wants to discover its "wellguarded secret." Golosovker concentrated his attention on the role of the Kantian antinomies of "pure reason" which appear in Ivan Karamazov's philosophical arguments. Certain Kantian ideas which were a hidden textual undercurrent to Ivan's reflections helped Dostoevsky to give the maximum development to this character and raised him to a high level of philosophical importance. But for Golosovker the "devil" who directs Smerdiakov's hand and Ivan's mind and interferes in all the most important events in the novel's plot and who is guilty of Fedor Karamazov's murder and also responsible for Dmitrii's sentence to hard labor, Ivan's madness and Smerdiakov's suicide is nothing more than a philosophical hallucination, the personified "secret" of the Kantian antinomies. These antinomies, which are concealed in Kant's *Critique of Pure Reason,* are in Dostoevsky eternally separated like opposite poles with different charges, and are the source of the perpetual sufferings that arise from antagonistic principles. The Kantian antinomy concerning God is sublimated in the "devil's secret," which our philosopher-scholar here deciphers as follows:

> The 'devil's secret' consists in this: if God and immortality exist, then the devil must assert that they do not exis: otherwise life will dissappear. The secret of the Grand Inquisitor and tempter is that God and immortality do not exist, but that it is necessary to assert that they do — otherwise life for the millions will be nothing but continuous suffering.
>
> However, the devil and the tempter are one and the same character, only wearing different masks — a tragic mask and that of a jester — but their secret which is one and the same is also not one and the same: what is revealed in one instance is the reverse of what is disclosed in the other.
>
> Do not these mutually exclusive theses of the secret then reinforce each other, and is it not through this that the author confuses the reader? Is not this the secret that is deciphered: that by the author's design the devil is doomed to an eternal contradiction

(without his — i.e. Kant's — reconciliation); that for the devil God and immortality simultaneously exist and do not exist?

What does this mean, reader? In Dostoevskii it means a great deal. For it is the view expressed not only by the devil but also by Mitia, Zosima, Ivan and... the author himself.[57]

The highest revelations of reason which found theoretical expression in Kant and other philosophers accessible to the age of Dostoevsky, such as the substantial mysteries of being and the paramount problems of human history undoubtedly troubled the author of *The Brothers Karamazov* and made his artistically realised designs into mighty dramas of ideas. Like Kant and Hegel, Dostoevsky also revealed the suppressed motivating forces behind world history. These problems were distincly projected in the souls of his characters. Ivan Karamazov, declared Dostoevsky, is "one of those who do not need millions, but who do need to solve their idea."[58] In our search for the hidden, seamier side of Dostoevsky's characters, analogies with Kant's *Critique of Pure Reason* are useful and fruitful. Also indisputable is Golosovker's assertion that in *The Brothers Karamazov* the real murderer is not some specific person like Smerdiakov, but an *idea,* the formula — "all is permitted," and that in this novel this idea, as embodied by all the murderers, suicides, and victims, kills itself off. Such, in essence, is the textual undercurrent which underlies the ruin of Kirillov, Stavrogin, Svidrigailov and the characters who perish in other novels.

For all Golosovkers' excesses of enthusiams and exaggerations regarding the textual parallels between the works of Dostoevsky and Kant, this author's idea that the writer gave flesh and blood to the Kantian antinomies in order to settle accounts with them deserves attention and detailed study. The reader of Golosovker's work may find the extremes to which he goes in "decoding" Dostoevsky somewhat jarring, especially when this critic seems to treat the characters in the novels as little more than mouthpieces for the ideas of the oracle of Königsberg, which are here expressed

---

[57]Ia. E. Golosovker. *Dostoevskii I Kant. Razmyshlenie chitatelia nad romanom "Brat'ia Karamazovy i traktatom Kanta" "Kritika chistogo razuma."* (Dostoevsky and Kant. Reflections of a Reader on Dostoevsky's Novel *The Brothers Karamazov* and Kant's treatise *The Critique of Pure Reason).* Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR (Publishers of the USSR Academy of Sciences), Moscow 1963, pp. 78-79.

[58]F. M. Dostoevskii. *Sobranie Sochinenii v desiati tomakh* (Collected Works in 10 Volumes), ed. Leonid P. Grossman, A. S. Dolinin, V. V. Ermilov, V. Ia. Kirpotin, V. S. Nechaeva and B. S. Riurikov. Moscow, GIKhL, Vol. IX, *Brat'ia Karamazovy* (The Brothers Karamazov), 1958. p. 105.

in a concrete, intuitively perceptible incarnation accessible to the reader's consciousness. Doubtful, too, are Golosovker's assertions that the word "kontroverza" was stolen by the writer from Kant, as were such terms as "thesis" and "antithesis" which he inserted into the novel's text. And Golosovkers' assumption that Zosima's remark — "... But there's no proving it," ("dokazat' tut nel'zia nichego")[59] is Kantian agnosticism disguised in different clothes is also questionable. But he is convincing when he finds in Dostoevsky a concealed polemic with Kant over philosophical issues of cardinal importance and when he gives an interesting new definition for the genre of the Dostoevskian novel on an intellectual plane: "Next to Dante's *Divine Comedy* — a moral hell — and Balzac's *Comédie Humaine* — a social hell — stands the voluminous "*Devil's Comedy*" of Dostoevsky — an *intellectual* hell."[60]

Every scholar and reader of Dostoevsky's works will find Golosovker's book useful and should read it. It clarifies many things in the writer's creations and through the brilliance of its arguments it provokes thought and stimulates one's scholarly curiosity, leaving the reader grateful for the hours he has spent in becoming acquainted with the refreshing thought of this original scholar-philosopher.

Just as Leonid Grossman's book *Dostoevsky,* appeared when its author was already past 75, A. S. Dolinin's book, *Dostoevsky's Last Novels: How A Raw Youth and the Brothers Karamazov Were Written,* appeared only when its author was already 80 years old. This book sums up the fruits of long years of research into the history of the writing of Dostoevsky's two last novels. Only now has the appearance of such a book become possible, although it is true that analyses of these two novels written by Dolinin had already appeared in print at an earlier date — on *A Raw Youth* in 1947,[61] and on *The Brothers Karamazov* as early as 1935.[62] These were chapters from a monograph on Dostoevsky which Dolinin had planned to write and were devoted to the writer's ideological-philosophic and artistic originality. When both these studies were published in one book, Dolinin made certain correction, changes and additions which took into account the critical comments that

---

[59]Dostoevskii, *Ibid.*, p. 73. The English translation of this phrase is from the Constance Garnett translation of *The Brothers Karamazov.*

[60]Golosovker, *op. cit.*, p. 93.

[61]A. S. Dolinin. *V tvorcheskoi laboratorii Dostoevskogo: Istoriia sozdaniia romana "Podrostok"* (In Dostoevsky's Creative Laboratory: History of the Creation of the Novel *A Raw Youth*), Moscow, Sovetskii pisatel', 1947.

[62]See *F. M. Dostoevskii. Materialy i issledovaniia* (F. M. Dostoevsky. Materials and Studies), ed. A. S. Dolinin. Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR (Publishers of the USSR Academy of Sciences), Leningrad 1935.

had followed their first appearance in print. On the basis of a careful analysis of hitherto unpublished Ms. materials, rough drafts and plans, as well as of the original wording of Dostoevsky's works and of material from journals and newspapers, Dolinin tried to reconstruct the whole course of Dostoevsky's work on his last two novels. In so doing he reveals to us the working laboratory of this great master of the word. Dolinin's research provides an answer to the question: what ideas were stirring the writer at the time when he was working on these novels and how were these ideas converted into artistic images? Dolinin traces in detail how the writer worked on the idea of "Rothschildism" in *A Raw Youth* and how that idea occured to a suitable character in the novel, how it acquired form and took on flesh and blood in the living tissue of that character. His analysis of the rough drafts and note books enables Dolinin to demonstrate how the "predatory type" becomes clearly visible in the figures of Stavrogin and Versilov. The major figures in both novels are generalised images or idea-images. From the surface level of a fact Dostoevsky goes deep down into its "soul" and only after he has learned its innermost meanings; i.e. its idea, does he return to the ferment of the social, literary, artistic and philosophical life of his times. His mind was preoccupied with ideas about the Russian people's great destiny, its historic mission, about the fortunes of European humanity, the interrelationships between West and East, about the personality and society. Questions of universal human import are raised in conjunction with the complex of his philosophic thought and artistic creativity. As an artist in words, the direct impressions of life as these were filtered through his feelings, and the experiences of the heart, were of primary importance to Dostoevsky. The writer assembled his living material from every imaginable source; from his own personal experience, but also from the accounts of eyewitnesses, friends and enemies; from biographies and news items. He did not, for example, overlook the opportunity to make use of material from the Dolgushin court case.[63] The personality of Nekrasov served as the starting-

[63]The Dolgushin case was a judicial trial which took place in St. Petersburg in July 1874. Legal proceedings were instituted against 30 persons who were charged with having drafted, printed and distributed appeals to revolt against the government. The acknowledged ringleader was the technician A. V. Dolgushin, at whose apartment the conspirators had been meeting. Five persons were sentenced to imprisonment at hard labor, while the rest received prison terms of varying length or escaped with no worse penalty than having been arrested, and were released under police surveillance. Dostoevsky took an interest in the trial. He collected material on it and intended to base the plot of *A Raw Youth* on this trial, a plan which was reflected in his rough draft notes for this novel.

point for his creation of the image of the Raw Youth, while Chaadaev and Herzen anticipated Versilov in that same novel. But all this material drawn from life was transformed in the writer's imagination and, in passing through his heart and mind, it acquired new artistic qualities which made it a forward step of worldwide historical importance in the artistic development of mankind. Dolinin defines as "the tragedy of the underground" ("tragizm podpol'ia") the theme which permeates all of Dostoevsky, and on which each of his novels represent a distinctive variation.

In his book Dolinin argues that the Dostoevsky of the period when *A Raw Youth* and *The Brothers Karamazov* were being written was far from having the reactionary mentality which is attributed to him year in year out, from one work to the next, by a number of Soviet literary scholars. On the contrary, Dolinin asserts, the writer was fully equal to the demands of his times and was quick to catch and absorb the ideas of his age and at the same time to change them through his power as artist and thinker. The entire animus of Dolinin's book is directed against the tendency, which survives to this day, to explain Dostoevsky's complexity by the formula: *powerful as an artist, weak as a thinker.* From this, they tell us, from the reactionary nature of his thinking, come Dostoevsky's lapses and slips in the sphere of art. But with his book *Dostoevsky's Last Novels,* Dolinin provides us with documentarily irrefutable arguments to prove that the artist and the thinker in Dostoevsky were inseparable, that in him the humanist-philosopher reinforced the artist and that it was the fruitful symbiosis of these two aspects in Dostoevsky which predetermined on a worldwide scale the significance of his artistic creations.

One is easily convinced that the lesson imparted to Soviet literary scholars by Dolinin's book continues to be timely when one reads M. Gus's book *Ideas and Images of F. M. Dostoevsky,* which came out a year before Dolinin's book. Gus set himself the task of comparing Dostoevsky's writings with his age, and tracing how his roots reached out into the contemporary world and the influence they had on the ideas and images of his novels. True, in his foreword the author promises to proceed from the assumption that "the essence of the tragedy of Gogol and Dostoevsky lies not in the contradiction between their writings and their worldview, but in the contradiction within their writings and within their worldview."[64] However, the author of this study himself fell victim

[64]M. Gus. *Idei i obrazy F. M. Dostoevskogo* (Ideas and Images of F. M. Dostoevsky), GIKhL, Moscow 1962. p. 4.

to an antihistoric approach to Dostoevsky's works. As a result of his adherence to an artificial scheme, Gus, instead of revealing to us the real organic links between Dostoevsky's age and his writings, has lost the thread of any concrete analysis covering the whole range of values in the writer's heritage, and has simplified to an extraordinary degree the problems connected with his topic. Instead of giving us an integrated analysis of Dostoevsky's most precious and durable artistic discoveries, those which constitute the essential meaning of the previsions and forebodings of this great artist of the word who — to cite the remarkable definition which Saltykov-Shchedrin had already found in the last century to describe the most important thing about Dostoevsky — entered into the domain "not of mankind's immediate strivings, but of those which belong to the very distant future," Gus busied himself with alleged "inaccuracies" and "distortions" in the mirror held up to his age by the writer. As Gus has it, the originality and innovative essence of Dostoevsky's inner form became the source of his "artistic failures." The writer's statements, which Gus understands in a onesided manner, are torn out of context and presented in isolation, so that the integral character of Dostoevsky's system of images and artistic structure is obscured. Despite the duality of Dostoevsky's world-outlook, which reflected simultaneously Pobedonostsev's influence and that of the participants in the Paris Commune, A. V. Korvin-Krukovskaia and her husband Jaclard, Gus is inclined to see Dostoevsky during his last years as nothing but a supporter of Pobedonostsev and a "fiery paladin" of the Tsar, at a time when as a political thinker he could not be equated with the former. Moreover, this critic's way of applying to Dostoevsky the customary definitions of realism detracts from the innovative character of the writer's special, "fantastic" brand of realism which enabled him not only to portray things which existed then but to anticipate future realities, to "prophesy," to foresee the very remote future, as in *The Devils* and other works. The empirical interpretation provided by Gus does not go below the surface. Everything in Dostoevsky that was hidden from view and inaccessible to the empirical mind — the multiple rhythm and profound sources of the real-life phenomena of his novellic art — escapes this critic's attention. When Gus has finished with it, the grandiose *Legend of the Grand Inquisitor* has lost much of the pathos of its idea of freedom and man's might; its challenge to despotism has been blunted and the threat it poses to inquisitorial sanctity of the Pobedonostsev variety and equally to Communist orthodoxy — both of which are always alive and with us — has been defused of explosive force. *The Legend* has also been deprived

of the somber, threatening motif which is expressed in the words "I won't accept it!" which are directed against the "Euclidian nonsense" of every totalitarian system. Gus has turned this into a banal allegory of the "especially reactionary nature" of these words. Thus the value of the vast quantity of precious material which Gus had collected so carefully and fitted into his exposition of the contents of his book is reduced. This material may be useful to other research scholars studying the writer's heritage. But on a broader level, Gus's book is unlikely to help us much to understand the inner nature of Dostoevsky's artistry in connection with his age, or to pick out that element in his art which has outlived his social and political opinions in the narrower sense of the word. It was no accident that the book aroused a negative reaction in *Novyi Mir*,[65] since from beginning to end it is full of tendencies, which have not yet been completely overcome, towards a mechanistic way of understanding the contradictions between thought and image.

G. M. Fridlender's book, *Dostoevsky's Realism,* which appeared in 1964, was devoted to the task of presenting a Marxist interpretation of the special features of Dostoevskii's realistic art. Here Dostoevsky's realism is examined against the background of his predecessors and contemporaries. Fridlender tries to account for Dostoevsky's artistic method by clarifying a range of questions pertaining to Russian life of the post-reform era and by analyzing the writer's aesthetic and general ideological position. In polemicizing against contemporary Western commentators on Dostoevsky's writings, this critic defends his own viewpoint against the background of the literary and social struggles of that epoch in its varied connections with Russian and world literature. Fridlender plans to suspend his studies of Dostoevsky's style and language until he produces another work which he intends to write on Dostoevsky's poetics. Here, however, he analyzes only those aspects of the writer's heritage which illustrate especially graphically his own basic theses on Dostoevsky's realism. The book also includes references from unpublished autograph material from the writer's notebooks. Fridlender concludes that Dostoevsky's realism was exceptionally original in nature and that its essential attribute was "fantasticality." What appealed to Dostoevsky was not a merely characteristic, typical reflection of reality, for with the aid of real images he sought what was inaccessible to the naked eye, what was

---

[65]See M. Boiko's article "Novaia kniga o Dostoevskom" — M. Gus. *Idei i obrazy F. M. Dostoevskogo*" ("A new book on Dostoevsky. M. Gus's *Ideas and Images of F. M. Dostoevsky*"), *Novyi Mir* (New World), No. 10, 1963, pp. 259-262.

revealed only to a profound analytical method. He was not looking for the things one ordinarily encounters in real life, but sought the embodiment of a whole historical tendency of development. In the abnormality of human actions the writer saw the personified expression of the abnormality of the existing social systems and the unequal distribution of "justice in this world." In the disturbed spiritual equilibrium which characterized the striking personalities of his age he perceived phenomena indicative of the general crisis and recognized the unbalanced nature of modern civilisation. In Fridlender's words:

> Both in his novels and later in *The Diary of a Writer,* Dostoevsky invariably regarded the psychology of not only criminals but also of lunatics and suicides first of all as a characteristic fact of the age, as a peculiar manifestation, "fantastic" in the form of its expression, but at the same time imbued with definite, concrete historical content, of the hidden ailments inherent in the social and ideological life of that epoch.[66]

Thus Fridlender leaves no room for any other, non-Marxist interpretation of these very complex psychological questions. By totally removing from scholarship all elements, however minute, of a metaphysical, idealistic interpretation and reducing everything to its socio-economic base, to the "epoch" as this critic puts it, it is doubtful whether Fridlender has enriched in any way our understanding of Dostoevsky's realism, even if we agree to accept the latter term as applicable to the writer's artistic method. And it is scarcely probable that scholars in the free world will agree with the positivistic and banal difinition given by Fridlender of the creative method of this master of literary art, who always aspired to an understanding of the ideological first principles of the world, which he envisioned in the mysteries of the spirit. When N. Berdiaev had defined Dostoevsky the artist as not a psychologist but a pneumatologist, he had already come closer to the essential meaning of the opposition, stated by Dostoevsky himself, between the artist-psychologist and the "realist in a higher sense." Dostoevsky's deepening of the psychic level to the spiritual level and his going beyond the limits of the psychic and emotional average into the spacious world of spiritual depths occupied by four-dimensional men can be understood, however, only by those who have risen above that everyday empirical reality which the materialist Fridlender worships to the point of turning it into a cult. But it is precisely this elevation

---

[66]G. M. Fridlender. *Realizm Dostoevskogo* (Dostoevsky's Realism), "Nauka" (Science) Publishers, Moscow and Leningrad 1964, p. 212.

above empirical reality which a literary scholar working under the conditions of present-day Soviet reality is not permitted. Fridlender's book, however, does contain a mass of material which shows how Dostoevsky's novels were immersed in the active life of his times — material that can be of service to students of his historically unique heritage. But in order to use this material more effectively it is desirable that whoever makes use of it should rise above the limitations of the socio-historical method of investigation followed by the author of this book, and thereby overcome the deficiencies of the Marxist approach to the study of spiritual values.

In concluding this discussion of the literature on Dostoevskii one cannot omit the article by Iu. Kariakin entitled "Anti-communism, Dostoevsky and 'Dostoevskiism' " ("Antikommunizm, Dostoevskii i 'dostoevshchina' "), which appeared in the Communist journal *Problems of Peace and Socialism (Problemy mira i sotsializma),* 1963, No. 5. This article is a peculiarly important document which reflects the latest Party attitude towards Dostoevsky. The fact that it appeared in a press organ designed to reach a world-wide Communist readership indicates that it was sanctioned from above. It is interesting to note that Iurii Kariakin, agreeing with Lenin, declares that *The Devils* is a picture of Nechaevism. But he also draws a analogy with the cruel regime of Stalinism. He writes:

> In reading this poem *(The Legend of the Grand Inquisitor: sic.* V. S.) we may also recall certain features of the activity of, for example, Stalin as they were manifested during the period of the cult of his personality... Yes, in one sense there is something in common between the cult of personality and Nechaevism of the story of the 'Grand Inquisitor' (although this resemblance extends to no more than one trait in any evaluation of this complex phenomenon).[67]

The author of this article also tries to formulate the principles on which to base a new approach to Dostoevsky. He presents these principles as the successes scored by progressive Dostoevsky scholarship in out times. He favors making use of the achievements of Soviet Dostoevsky scholarship in the worldwide ideological struggle for the triumph of what are supposed to be progressive ideas. In the same article Kariakin writes:

> Great thinker-idealists or artists of Dostoevskii's type look at life's phenomena as if through a powerful microscope which, while

---

[67]Iu. Kariakin. "Antikommunizm, Dostoevskii i 'Dostoevshchina' " ("Anti-communism, Dostoevsky and 'dostoevskii-ism' "), *Problemy Mira i Sotsializma* (Problems of Peace and Socialism), 1963, No. 5 (57). p. 36.

> exposing much that is valuable in these phenomena, at the same time refracts and distorts them. But Marxism allows us to find the coefficient for such a refraction so that we may utilise in an objective manner the valuable results secured by these thinkers and artists, even using them against their own errors and against any attempt to speculate on these errors... Through the efforts of scholars from various lands a strong tradition has been built up of struggling on behalf of Dostoevskii's humanism and against 'Dostoevskiism'. Here the 'coefficient of refraction' is calculated more and more exactly.[68]

By the same token, Dostoevsky scholarship in the free world does not reject the valuable elements in Soviet literary scholarship on Dostoevsky; it too establishes a "coefficient of the refraction and distortion" produced by Soviet ideology, from which it refines out all the valuable contributions to scholarship which characterize the best works by Dostoevsky specialists in the USSR. In the final analysis the attitude towards Dostoevsky in the USSR is gradually, year by year, becoming freer from those extremes of ideological passion and intolerance which reached their climax during the period dominated by Zhdanovism. More and more, supporters of Bakhtin's point of view are emerging; that is, people who maintain that in Dostoevsky the characters express their own particular outlook on the world, that the author of *The Brothers Karamazov* thought not in ideological or political propositions, but in entire independent spiritual worlds which affirm themselves by arguing with each other. In the light of such a conception, purely ideological, sociological, political, and other such approaches, and also the focusing of attention on the writer's supposed reactionism obviously become meaningless. L. B. Kamenev's attempt in 1935 to "smite down" the author of *The Devils* collapsed. All the Soviet "judgments" pronounced over the years against Dostoevsky's ideology have proved ephemeral. With each new shift in Party policy they have turned out to be obsolete. On every such occasion a re-evaluation then began and all those ideological orientations which had most closely corresponded to the Party policy of a fleeting moment invariably proved the most obsolete of all and the most likely to be reversed. But the works of Dostoevsky scholars like Dolinin, Grossman, Shklovskii, Bakhtin and other genuinely scholarly students of literature — men who have repeatedly been subjected to persecution and harsh criticism — have stood the test of time and

---

[68]Kariakin, *Ibid.* p. 41. Incidentally, shorty after this article appeared in print, Kariakin was implicated in oppositionist activities and expelled from membership in the Communist Party. Thereafter his writings were no longer published.

continue to enrich our knowledge of the great writer. They deserve the West's close attention and should be studied as thoroughly as possible in the interests of furthering a genuine international scholarship on Dostoevsky.

Today Soviet literary studies stand on the threshold of new tasks. The publication of Dostoevsky's notebooks and other drafts is approaching completion. The question of the publication of an Academy edition of this author's Complete Collected Works has been resolved favorably. New and fundamental works of research on him are in preparation, especially studies of his influence on world culture and literature. The 1960s have produced a series of analyses of Dostoevsky's poetics. The names of Dante, Rabelais, Cervantes and Shakespeare are being introduced into the radius of these studies in connection with Dostoevsky. The objectives are being assigned in the study of the writer's aesthetics, of his philosophy and special characteristics as a philologist and psychologist. The problem of a comparative analysis of Dostoevsky's writings in relation to those of Thomas Mann, Kafka, William Faulkner, Heinrich Böll, Marcel Proust, Albert Camus and Sartre is also coming to the fore. The philological and aesthetic analysis of Dostoevsky in the latest books and articles by Soviet Dostoevsky specialists is clearing the way for such investigations and is marking out a new channel leading towards an authentic science of literature. The key discovered by Bakhtin and others who have opened the way to the new understanding of Dostoevsky as an integral artistic phenomenon, may prove to be a fruitful methodology, capable of discovering and illuminating much more in this great literary inheritance. But how productively Soviet scholars in this field will be able to work and make further progress, contributing new discoveries, depends to a great extent on the general international situation, on a relaxation in international tensions. All Soviet scholars depend directly on this factor because their academic freedom and the increase or lessening of pressures on them are matters which derive from and reflect current Party policy. A favorable development in the process of what is called coexistence can also have positive effects on the future development of an ideological science such as literary scholarship, including that important segment of it which is the object of our detailed examination and discussion — Dostoevsky studies. In the decades that lie directly ahead, along with the continuation of the struggle against the so-called "bourgeois" idealistic exaltation of "Dostoevskiism" and against anti-Communism — a struggle waged under the auspices of a defense of the authentic Dostoevsky — we may also see new and valuable contri-

butions to the area of literary scholarship which concerns us. The undiminished interest in Dostoevsky not only among veteran scholars but also on the part of new, young talents who are just now embarking upon a career of studying this writer serves to guarantee such expectations. The frequent appearance of articles on Dostoevsky in a number of "Scholarly Transactions" published by universities and pedagogical institutes confirms the existence of this process of an awakening of universal interest in Dostoevsky's creations and in how he may be interpreted. So firmly has his literary heritage become rooted in the ordinary cultural life of the Russian people that even the most militant Communist spokesmen for orthodoxy are powerless before it. In the protracted duel between Communist doctrines and the Christian-humanistic philosophy and aesthetic values of Dostoevsky, the latter are gaining the victory. The hour will come when they will triumph finally and decisively.

Резюме доклада В. И. Седуро
«ИЗУЧЕНИЕ ДОСТОЕВСКОГО В СССР».

Горячие споры о Достоевском начались еще задолго до начала Советского периода истории России. Н. Михайловский в своей работе «Жестокий талант» (1882 г.) отвергнул Достоевского по причине несоответствия народнической идеологии. Критики — марксисты не принимали Достоевского в силу несоответствия его идеалистической философии — материалистической доктрине. Максим Горький высказал свое двойственное отношение к Достоевскому, когда выступил против инсценизации «Бесов» на сцене МХТ в 1913 г. После революции 1917 г. Достоевский, однако, очутился на втором месте в списке лиц, которым были воздвигнуты памятники. В двадцатые годы советская критика была склонна рассматривать Достоевского, как предшественника революции и ее талантливого изобразителя. Б. Переверзев видел в Достоевском не только изобразителя революции, но и пророка, предвидевшего всю пагубность революционных увлечений. В романе «Бесы» Достоевский добрался до самых интимных тайников революционного подполья и обнажил его самые сокровенные стороны, раскрыл миру природу революции, отбросил все ее соблазны и обещания. «У Достоевского многому можно научиться, — писал марксист Переверзев, — многое понять и на многое трезво взглянуть в происходящей на наших глазах революции».

Когда в СССР побеждала тенденция принятия Достоевского, как предшественника революционных идеалов, тогда многое делалось в смысле изучения его творчества, появились биографические исследования, ценные труды по поэтике Достоевского, публиковались тексты и эпистолярное наследство, печатались труды А. Долинина, Л. Гроссмана, М. Бахтина, В. Комаровича, Н. Бельчикова, Я. Голосовкера, Н. Чиркова, В. Шиловского и других. Но когда начинался идеологический зажим и побеждала тенденция отвержения Достоевского, как реакционера и ретрограда, начинался застой в советском достоевсковедении. Ждановская кампания 1947-1948 гг. заставила замолчать литературную науку о Достоевском на много лет, вплоть до 1955 г.

Период десталинизации с 1956 г. открыл для советского достоевсковедения большие возможности. Сейчас готовится полное академическое собрание сочинений Достоевского в 30 томах, выходят новые труды о нем.

Христианско-гуманистическая идеология великого писателя в борьбе с безверием побеждает.

II. SOURCES OF RUSSIAN HISTORY

TRANSACTIONS, COMMENCING WITH THIS VOLUME, WILL CONTAIN A SPECIAL SECTION OF TRANSLATIONS OF HISTORICAL DOCUMENTS WHICH RELATE TO RUSSIAN HISTORY AND CULTURE AND HAVE NEVER BEFORE BEEN TRANSLATED INTO ENGLISH. FUTURE VOLUMES WILL CONTAIN DOCUMENTS FROM *BYZANTINE, LATIN, NORDIC, SLAVIC,* AND *TURKISH SOURCES.*

A RESPONSE OF PATRIARCH JOHN CALECAS TO THE METROPOLITAN OF RUSSIA: TRANSLATION AND INTRODUCTION

*by Nicholas Itsines**

The acceptance of the Byzantine form of Christianity by the Russian prince Vladimir in the later tenth century (989 A. D.), and the subsequent conversion of his people, extended greatly the influence of the Byzantine Church.

The Russian Church was organized into a metropolis in the eleventh century (some sources mention two metropolitans in the late tenth century, but this remains questionable) with its See at Kiev.[1] Its metropolitan was appointed by the Patriarch of Constantinople, and throughout the Middle Ages he stood under the Patriarch's supreme jurisdiction.[2] As dependent metropolitans, like all others, the bishops of Kiev were in constant contact with their

---

*NICHOLAS ITSINES, Instructor of History at Jersey City State College, specializes in Byzantine History.

[1]For the history of the early Russian Church and the canonical implications with Constantinople see the excellent study of Vlasios I. Phidas, *The First Ecclesiastical Hierarchy in Russia and the Russian Sources* (Athens: 1966), especially p. 76ff. (in Greek).

[2]G. P. Fedotov, *The Russian Religious Mind: Kievan Christianity, the Tenth to the Thirteenth Centuries* (New York: Harper Torchbooks, 1960), p. 22.

mother church. They received instructions and made inquiries for consultation, commemorated the name of the Byzantine Patriarch during the liturgy, and were at all events under his spiritual and canonical control.

The letter translated below is typical of this relationship. The letter is a response of the Ecumenical Patriarch John XIV Calecas (1334-1347) to the Metropolitan of Russia, Theognostos (1328-1353). It concerns the case of the latter's predecessor, who is described to have risen to the state of sainthood, and it is precisely for this reason that Theognostos had communicated with Constantinople. His motive was the desire to be assured by his Patriarch that he followed the right tradition of the Church in honoring the holy relics in question. Patriarch Calecas simply confirmed the practice.

There is no indication whatsoever in the document as to who this person might be. However, Theognostos' predecessor was Peter, who had succeeded Maximos, a Greek, in 1308. Peter was a Russian. His election took place in Russia and then he was sent to Constantinople, where he was ordained by Patriarch Athanasios I as Metropolitan of ALL Russia. This action reunited the Russian Church which had been divided since 1300, when Maximos moved his See to Vladimir.[3] Peter established himself in Moscow with the title "Metropolitan of Kiev-Moscow."[4]

Peter died in 1326, and it seems that for the next two years the See was vacant. Apparently, the reason for this was the political rambling on the part of the opposing princes. According to A. V. Katashev,[5] the Muscovite prince Ivan Kalita (d. 1341) sent his candidate Archbishop Theodore to Constantinople for approval. However, since the Grand Prince of Russia at this time was Alexander of Tver, who asked for a Greek, Ivan was out-maneuvered by rank and Patriarch Isaias appointed Theognostos. Meanwhile, the title "Grand Prince of Russia" fell to Ivan Kalita,[6] who did not protest the appointment. In fact, he entered into a good and lasting relationship with his Greek metropolitan.

It seems then that the subject in question in the document is none other than Peter. The fact that he was Russian, in contrast

---

[3]The action taken by Maximos had resulted in two jurisdictions, since the Kievan prince chose a new metropolitan, who was also confirmed by Constantinople. The interests of Byzantine diplomacy were undoubtedly decisive. Thus there was the metropolitan of Great Russia and the one of Little Russia. See Basil Stephanides, *Church History* (2nd ed. rev.; Athens: Astir, 1959), p. 448. (in Greek).

[4]*Ibid.*

[5]A. V. Kartashev, *History of the Russian Church* (Paris: YMCA Press, 1959) Vol. I, p. 304. (In Russian).

to his predecessor and successor, who were both Greeks, brings to mind the so-called "agreement" between Constantinople and the Russians. According to this "agreement," Greeks and Russians rotated in the succession to the metropolitan throne. In view of this, Alexander of Tver followed the established order, asking for a Greek metropolitan to succeed Peter.

TRANSLATION OF GREEK ORIGINAL

Most holy and most honorable Metropolitan of Russia, in the Holy Spirit, dear brother of our humbleness and co-celebrant. May the grace and peace of God be with your holiness. We received a letter from your holiness, stating in detail and at the same time informing us about the arch-priest (bishop) who preceded you in the same most holy church, that he was glorified by God after death and that he was shown to be His pure servant, and especially that he has been performing great miracles and healing every kind of sickness. We rejoiced therefore and became delighted in the spirit about these and we offered the due praise to God. And since your holiness also sought to learn from us as to what must be done concerning these holy relics, your (holiness) knows and is not in ignorance as to the order and custom (usage) of the church of God concerning these matters, and took a firm and undoubted assurance (conviction) on them. At all events, your holiness must use this formula of the church and (offer) in this case to the servant of God hymns and holy honors, reverences and praises, and, you shall hand this down to time thereafter in praise and glory of God, who glorifies those who glorify him, whose grace may be with your holiness.[7]

---

[6]Already in 1328 Ivan had gained the ascendancy by defeating Alexander of Tver with help from the Golden Horde. Eventually, Alexander was eliminated by execution. Ivan, whose family name was Danilovich, acquired the nickname *Kalita* which means "moneybag" because of his position as collector of the Tatar tribute throughout the Russian lands. He spread his influence over the other principalities and increased the financial power of Moscow, which became the wealthiest of all at this time.

[7]This letter is found in the *Acta et Diplomata Graeca Medii Aevi Sacra et Profona*, Volume I: *Acta Patriarchatus Constantinopolitani MCCCXV-MCCCII* (Vindobonae: Carolus Gerold, 1860), p. 191. This important collection of Byzantine documents was edited by Fr. Miklosich and Jos. Müller. The document in question bears entry number LXXXVIII, dated July of the seventh indiction and the year is 6847 (1339).

A LETTER FROM TSAR ALEXEI TO NIKON: COMMENTARY AND TRANSLATION

*by Nikolai Lupinin**

The letter which appears below was written by Tsar Alexei Mikhailovich to Metropolitan Nikon in May of 1652. It is essentially a business letter in that its primary concern deals with day to day affairs. These, though not generally spectacular, do, more often than not, reflect history accurately. And it is a personal letter for Tsar Alexei's attitude toward the soon to be Patriarch (Nikon was elected Patriarch just two months later, in July 1652) mirrors a liking, almost a reverence for his friend. One may perhaps say that Nikon's measures for Church reform, which he undertook soon after his accession to the Patriarchy, would have had little chance had he not had the support and friendship of the Tsar. In any case, the friendship was not severed until 1658 when Nikon left the Patriarchal see.

In most respects the letter is self-explanatory, and where not I have added footnotes. In attempting to retain the tone of the original, few liberties with the text have been necessary. The reader will observe that mention is made of waiting for Nikon in the first part of the text. This occurs because Nikon was, in fact, in transit when he received the letter. He had been sent to the Solovetskiy Monastery to bring back the remains of Metropolitan Philip (a victim of Ivan IV) and did so to Moscow where the relics were met with much jubilation and ceremony on July 9, 1652.

THE LETTER: Moscow, May 25, 1652

From the Tsar and Grand Duke of all Russia Alexei Mikhailovich to the great shining sun, luminous pilgrim and revered Nikon,

---

*NIKOLAI LUPININ is a Ph. D. candidate in the Department of History at New York University where he has been Lecturer in History.

metropolitan of Novgorod and Velikolutsk, from us, an earthly Tsar, a greeting. Rejoice great bishop pursuing all virtue. How has God been merciful to you? And God, thanks to your prayers, has given me health. And let this be known to you: the former metropolitan of Novgorod, Affoniy[1] passed away on Tuesday of the sixth week of Lent; and I, holy bishop, wrote to the Archbishop of Pskov and Izborsk, Makariy, ordering him to have him buried according to his wishes. For it is, holy bishop, too long to wait for you, and for him to lie there until you return is too long. And be not distraught that I have not written you regarding the Savvinsky matter.[2] I have communicated the finding to the cellarer. Truly I forgot. All issues had piled up in one day, your matter and theirs, and that of Vasiliy the barefoot, and that of the Savvin monastery where I wrote to Alexei concerning the treasurer. And I got tired. Forgive me for this, holy bishop, for I did not do so out of guile. And I have ordered them[3] to bring the note unopened to you for you to read so the matter would be known to you and ask you to not be disdainful of our request — read it there graciously and do not be angry with me. Be kind enough, holy bishop, to pray that the Lord God will increase the years of my daughter's life for she is very fond of your holiness. And pray also for my wife that God will grant her (due to your prayers) a safe childbirth[4] for the time is approaching and any misfortune would be to die from sorrow. For the sake of God, pray for her. I would ask you, holy bishop, to show my unworthy letters and list which sent you to our brother[5] Vasiliy the barefoot and have him read them. And let this be brought to your attention; the prayer of "mnogoletiye"[6] is, since the passing of the Patriarch,[7] sung thusly; Bless O Lord the ecumenical Patriarchs, our metropolitans and archbishops and bless all Christians O God. Write us, holy bishop, and tell us whether this is the way it should be sung, or how it should be sung otherwise. And tell us how it is sung by you. Reply also, holy bishop, for the sake of God, to all my letters; when you shall so desire, and when God

---

[1]I transliterate all names from the text.

[2]We do not know what this matter entailed though it likely concerned the Savvin Starozhevsky monastery.

[3]The messengers.

[4]The Tsarina gave successful birth two months later (in August, 1652) to another daughter, (Martha).

[5]The term brother does not here signify a familial re-relationship. Vasily is likely a holy fool, judging by the appellation "the barefoot."

[6]This refers to a rather common prayer for long life. It is not part of the liturgy itself.

[7]Patriarch Iosif had just recently died (in the last week of Lent, 1652).

enjoins your holiness, then write to me. But do not allow the sotnik[8] to return without a letter. And so be glad holy bishop and rejoice in good works. And bless and forgive us, holy bishop, in word, in deed, in thought, and pray for us sinners and do not forget us in your prayers in any day or hour. I, sinning Tsar, so petition you. Written in Moscow, in the year 7160[9] on the 25th day of May. Signed hastily in his own hand by the sinful Tsar.[10]

[8]A sotnik, in the strict definition, is the commander of a hundred.

[9]1652.

[10]Alexei Mikhailovich, Tsar. *Sobraniye Pisem Tsaria Alexeiia Mikhailovicha* (Moscow, 1856), pp. 210-212.

INTRODUCTION TO AND COMMENTARY ON AN UNPUBLISHED LETTER OF V. I. LENIN TO THE MEMBERS OF THE POLITBURO

*by Nikolai Lupinin**

The enmity toward the Church and religion on the part of the leaders of the newly established Soviet state is accepted fact. It was an enmity shared by all functionaries of the new order and as such it was programmed into actual policy. This policy, already from the Civil War on, was one of attack, sometimes frontal, sometimes not. By early 1922 (when Lenin's letter, which follows below, was written) a number of measures had already been taken against the Church and its people. Among these were the prohibition of religious instruction to the young (1921), the cessation of payments by the state to the clergy, appropriation of Church properties, widespread violence against and imprisonment of the clergy.

Lenin and the Communist Party felt that the complete dying out of religion could only occur when society was completely re-educated so as to fit harmoniously into the new mold. Here, for example, is a relevant passage from the Party Program of 1919. "The All-Russian Party is guided by the conviction that only the realization of conscious and systematic social and economic activity of the masses will lead to the disappearance of religious prejudices. The aim of the Party is finally to destroy the ties between the exploiting classes and the organization of religious propaganda, at the same time helping the toiling masses actually to liberate their minds from religious superstitions, and organizing on a wide scale scientific-educational and anti-religious propaganda. It is, however, necessary carefully to avoid offending the religious susceptibilities of believers, which leads only to the strengthening of religious fanaticism."[1] And Lunacharsky, also perhaps wary of the

---

*NIKOLAI LUPININ is a Ph. D. Candidate in History at New York University where he has been an Instructor of History.

[1]Robert V. Daniels, *A Documentary History of Communism* (New York: Random House, Vintage, 1962), vol. 1, p. 167.

possibility of strengthening "religious fanaticism" by means of too severe a repression, once said that "religion is like a nail and the harder you hit the deeper it goes into the wood."

Unfortunately, severe repression has generally been the rule and one can be somewhat sceptical of the rectitude of Lunacharsky's view. The point is rather that continuous repression has seriously impeded the religious process in the Soviet Union and recent studies, which take into account the developments of the 1950's and the 1960's, are by no means optimistic.

Lenin, in the letter here given, is insistent on the use of force, a force that he was not above using as a constant policy of the state. We are again reminded of how implausible are the currently fashionable notions with regard to Lenin's alleged humanism. Control was imperative and control meant force. There is no hedging here. And the force demanded is not one of the indirect variety like the control of the printing press or the licensing of churches (both measures that the Soviet state also undertook at an early stage of its struggle against the Church). It was a force which sought its culmination in wholesale execution.

Aside from the brutality of the measures sought here by Lenin, it is also of interest to observe another example of Lenin the master manipulator who will use any situation to his advantage. Here the situation is famine and it is to be exploited by the State. The famine of 1921 (carrying over to 1922) was severe and the high clergy, with Patriarch Tikhon, undertook the organization of relief for the starving.[2] Lenin shrewdly foresaw that the position of the Church would be enhanced and thus decided that the State should take over. Money was to be obtained via the confiscation of church treasures, though as the letter shows, the finances thus derived were to be otherwise alloted. It was not really a new policy, for during the Civil War Lenin had stepped up seizure of Church properties which netted him seven billion rubles.[3] One notes that he expects a not inconsiderable sum from the church treasures also.

Into this larger framework of events we must place the incident at Shuya (March 15, 1922) to which Lenin refers and which seems

---

[2]*Ed. Note:* The Russian Church had met the demand of the Bolsheviks and were ready to sacrifice everything except those items which were necessary for liturgical use. The Bolsheviks, however, changed their policy and in a decree on the 26th of February categorically demanded the confiscation of all precious Church possessions, including the Holy vessels. Patriarch Tikhon protested these measures in an Encyclical on the 28th of February.

[3]Donald W. Treadgold, *Twentieth Century Russia* (Chicago: Rand McNally, 1959), p. 251.

to have motivated this letter. The incident itself was a bloody confrontation between the people and the State, a confrontation (one of many) that greeted the decrees (and their immediate application) concerning confiscation. The Lenin letter was first published in Paris in the journal of the Russian Students Christian Movement, and contains an excellent commentary by Professor N. Struve.[4] Its historic significance merits publication in America. The Lenin letter is of March 19, 1922 and the meeting of the Politburo, which Lenin is unable to attend, thus necessitating written communication, took place the next day. It is noteworthy that the following letter was not published by the Bolsheviks; the letter is, however, mentioned in the official list of the works of Lenin.

[4]*Vestnik Russkago Studentcheskogo Khristianskago Dvizheniia*, 1970, no. 4. The Lenin letter appears on pp. 54-57; Professor Struve's commentary appears on pp. 58-60.

AN UNPUBLISHED LETTER BY V. I. LENIN TO THE MEMBERS OF THE POLITBURO.*

Strictly confidential

To Comrade Molotov for
the members of the Politburo.

It is requested that no copies be made under any circumstances, and that each member of the Politburo (including comrade Kalinin) is to make his comments on the margins of this document.

Lenin

Referring to the incident at Shuya which has already been put on the agenda of the Politburo for discussion, it seems to me, that it is necessary to make a firm decision regarding the general scheme of the struggle that is to be directed against incidents of this kind. As it is unlikely that I shall be able to attend the meeting of the Bureau on March 20, I shall, therefore, express my thoughts in writing.

The incident at Shuya must be placed in connection with the message recently sent by Rosta (Russian Telegraph Agency, — Vl. D.) to newspapers for internal use. It concerns the preparation of the resistance of the Black Hundred Petrograd clergy to our edict for confiscating the treasures of the church. If this fact is to be compared to the newspaper stories regarding the clergy's attitude to the edict and also with what we know about the illegal appeal of Patriarch Tikhon, then it will become completely clear that the reactionary clergymen, in conjunction with their leader, are carefully making plans to give us decisive battle at this very moment.

It is obvious that at the secret meetings of the most important group of the Black Hundred clergy, this plan has been thought

*VLADIMIR DANILOV, former Instructor of Russian at St. John's University, translated Lenin's letter into English.

over and accepted firmly enough. The occurrence at Shuya is only one manifestation and application of this general plan.

I believe that in this case our enemy is making a monumental blunder by trying to involve us in a decisive struggle at a moment when it is especially hopeless and quite disadvantageous for him. On the contrary, for us, this very moment is not only an exceptionally favorably one, but it is the only moment when we can be 99% sure of being completely successful in crushing our enemy and thus securing for ourselves the necessary position for many decades to come. Precisely now and only now, when there is cannibalism and the roads are covered with hundreds if not thousands of dead, we can (and therefore must) conduct this confiscating operation in the most violent manner, with the most relentless energy and not shrink from the suppression of any kind of resistance.

Now and only now will the huge majority of peasant masses side with us or, at any rate, will not be in a position to lend any reasonably decisive support to a handful of clergymen and reactionary petty bourgeoisie who can and want to test a policy of violent resistance to the Soviet edict.

We must, at any cost, conduct this confiscation of church possessions in the most decisive and rapid manner. We can thus secure for ourselves a fund of several hundred millions of gold rubles (one has only to remember the gigantic wealth of some monasteries and convents). There can be no question of any government work in general, any economic build up in particular, and especially the upholding of our position at Genoa without this fund; all of this would be unthinkable without it. We must acquire this fund of several hundred million gold rubles(possibly even several billion) no matter what. Only now, however, can this operation be successfuly conducted. All considerations show that we shall not succeed in carrying out this operation at a later date as no other time except this moment of desperate starvation will give us an attitude of the peasant masses which will either guarantee us their sympathy or, at least, assure us of their neutrality in the sense that victory in this struggle of confiscating church treasures will be totally and absolutely on our side.

One intelligent writer on political affairs stated correctly that if for the realization of a certain political goal it is necessary to commit a series of atrocities, then they must be carried out in the most energetic way and in the shortest period of time, because the masses will not bear a long period of their application. This consideration is also particularly supported by the fact that in accordance with the international status of Russia, it most likely

may occur or seem to us after Genoa that the undertaking of cruel measures against the reactionary clergy will be politically irrational, perhaps even overly dangerous. Right now victory over the reactionary clergy is fully assured. In addition, the strugggle against us as undertaken by our main groups of enemies among the Russian emigres abroad, i.e. by the socialist-revolutionaries and by the members of the Miliukov party, will be made difficult if at this very moment, in the time of famine, we conduct the suppression of the reactionary clergy with maximum rapidity and mercilessness.

I therefore come to the indisputable conclusion that we must now, and exactly now, conduct the most decisive and merciless battle with the reactionary clergymen and suppress their resistance with a cruelty they should not forget for decades to come. I conceive the strategy for executing this plan in the following manner:

Officially, only comrade Kalinin should speak about any kind of enactments; by no means must comrade Trotsky ever appear either in the press or in any other manner before the public.

The telegram sent by the Politburo concerning the temporary halt of confiscation should not be cancelled. It is to our advantage because the enemy will get the impression of our apparent hesitation; make him think that he has succeeded in intimidating us (due to the fact that this is a secret telegram, the enemy, of course, will find out about it soon enough).

We must send one of the most energetic, intelligent and capable members of the All Russian Central Executive Committee or other representatives of the Central power (better one than several). He must be instructed verbally by one of the members of the Bureau. According to this instruction he must arrest as many people at Shuya as possible, not less than several dozens of the representatives of the local clergy and petty bourgeoisie who are under suspicion of direct or indirect participation in the forcible resistance to the edict for confiscating the church possessions as decreed by the All Russian Central Executive Committee. Immediately upon completion of this task, he must return to Moscow and personally make a report at the meeting of the entire Politburo or to two members authorized by the Politburo for this purpose. On the basis of this report the Politburo must issue detailed instructions to the judicial authorities; these instructions must also be given verbally so that the trial against the insurgents offering resistance against assistance to the starving people be completed with maximum speed; the outcome of this trial should be no other than the shooting of a large number of the most influential and dangerous reactionaries of Shuya.

Possibly this kind of execution should not be limited to Shuya but should include Moscow and several other religious centers.

I believe it would not be advisable for us to touch Patriarch Tikhon, though undoubtedly he is the leader of this revolt staged by these slaveowners. The State Political Office should be secretly instructed to watch and uncover in an even more exact and detailed manner all the connections of this figure; it must be done now. Commit Dzerzhinsky, Unschlicht to report personally on this subject to the Politburo every week.

A secret conference must be arranged at the congress of the party; it must be attended by all or almost all delegates concerned with this matter as well as by the main functionaries of the State Political Office, the People's Commissariat of Justice and the Revolutionary Tribunal. At this conference a secret decision must be made relative to the confiscation of possessions, especially those from the richest monasteries and churches; this operation must be conducted with merciless resolution, halting at nothing and in the shortest period of time. The greater the number of representatives of the reactionary bourgeoisie and of the reactionary clergy that we execute in this connection, the better it will be. It is necessary precisely at this time to teach them a good lesson so that for several decades in the future they will not dare think of any kind of resistance.

For the observation of the most swift and most successful implementation of these measures it is imperative to appoint here at the congress, i.e. at its secret meeting, a special committee with the mandatory participation of comrades Trotsky and Kalinin. This committee should work in secrecy so that all operations be subjugated to its control and conducted not on its behalf, but on behalf of the All Soviet and all the party system. Appoint especially responsible and the best qualified personnel for the implementation of this operation in the wealthiest monasteries and churches.

Lenin

I request comrade Molotov to do his best in circulating this letter among the members of the Politburo tonight (without making any copies) and to ask that it be returned to the Secretary immediately after it has been read and brief comments made. The latter should be as to whether each member of the Bureau agrees with the basic ideas or whether this letter gives rise to any differences of opinion.

Lenin

III. ARTICLES ON RUSSIAN CULTURE AND HISTORY

Г. В. Вернадский

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ НАУКИ В РОССИИ В 1725-1920.

*By George Vernadsky**
Yale University

Часть I. Восемнадцатый Век.

I

Почва для произрастания русской науки подготовлена была еще во второй половине XVII века Киевской Духовной Академией. Эта академия давала своим питомцам солидное знание латинского языка и развивала их мыслительные способности лекциями по логике, физике и философии. Не следует забывать, что латинский язык все еще был тогда международным языком европейской науки. Многие выдающиеся киевские ученые приглашались в Москву и открывали школы там. Некоторые из них пользовались большим влиянием при царском дворе.

В 1687 г. учреждена была своя академия и в Москве — «Славяно-греко-латинская». Некоторые из студентов ее позже, после учреждения Петербургской Академии Наук, были вызваны

*GEORGE VERNADSKY, *Professor Emeritus* of Russian History at Yale University, is the author of a multi-volume *History of Russia.*

туда для окончания их образования и сделались выдающимися учеными.

Но только со времени Петра Великого в России создались возможности для развития науки в современном смысле этого слова. В 1701 году Петр основал в Москве школу математических и навигационных наук, возглавлять которую был приглашен шотландец Фаргварсон. В 1715 г. открыта была Морская академия под начальством Нарышкина, помощником которого был сделан тот же Фаргварсон. В ряде городов учреждены были школы для подготовки мастеров на казенные заводы. В 1706 г. в Москве основана была медицинская школа. Через три года подобная же школа была учреждена и в Петербурге. Все эти учебные заведения носили практический характер. Они были необходимы для обслуживания новой русской армии и флота в обстановке войны со Швецией.

Но Петр смотрел глубже и дальше вперед чем большинство его сотрудников Он сознавал, что Россия нуждается не только в технических и военных знаниях, но и в овладении теоретическими основаниями науки. В Европе к его времени выработалась форма руководящего центра научных изысканий — Академия Наук. Французская Академия Наук была основана в 1635 г. Британское Королевское Общество — в 1663 г. Берлинская Академия Наук открыта была в 1711 году по инициативе и по плану знаменитого философа и математика Лейбница (1646-1716). Он был назначен ее первым президентом.

В первые годы Шведской войны Петр был поглощен военными делами. Только после Полтавской победы 1708 года и наступившего перелома в ходе войны можно было начать думать об учреждении Академии Наук. Во время своих поездок в Германию в 1711, 1712 и 1716 годах Петр неоднократно виделся с Лейбницем и беседовал с ним о распространении наук и просвещения в России. Эти беседы послужили первым толчком к мысли о учреждении Академии Наук в Петербурге. В 1717 г. Петр ездил в Париж, присутствовал на заседании Французской академии Наук и был избран ее членом. Четыре года после того кончилась, наконец, война России со Швецией и ее союзниками.

Мысль Петра об учреждении Академии Наук теперь начала принимать конкретные формы. Главным советником Петра в этом деле был обрусевший немец лейб-медик Лаврентий Лаврентиевич Блументрост (1692-1755). Его отец Лаврентий Алферович, тоже известный доктор, выехал с семьей из Германии в Москву в 1668 году по приглашению царя Алексея Михайловича, был хорошо принят и ужился в Москве (умер там в 1705 г.). Сове-

товался Петр и с известным немецким философом Христианом Вольфом. Петр звал его в Россию, чтобы основать Академию Наук. Переписка между Петром и Вольфом (в которой участвовал и Блументрост) ни к чему не привела. Вольф отказался приехать в Россию. По его мнению, прежде чем основывать академию в Петербурге, надо было подготовить для этого почву и сначала открыть университет, для чего достаточно выписать из Германии несколько профессоров. В конце концов дело пришлось решать самому Петру в сотрудничестве с Блументростом. Решено было основать Академию Наук как ученое учреждение, но при ней открыть университет, где академики в звании профессоров читали бы лекции студентам, и гимназию, где бы эти студенты предварительно обучались.

28 января 1724 г. Петр подписал основанный на этих принципах устав Академии. Ровно через год он умер от простуды, которую он захватил помогая стаскивать с мели бот с солдатами и спасать их, причем ему пришлось стоять в воде по пояс. Академия Наук начала свою деятельность при вдове Петра Екатерине I. Первое организационное заседание состоялось 12 ноября 1725 г., а торжественное открытие 27 декабря того же года. Президентом академии был назначен Блументрост. Воля Петра таким образом была исполнена. Не может быть однако сомнения, что, если бы Петр прожил еще несколько лет, деятельность Академии развернулась бы сразу гораздо шире, чем это было в действительности.

После смерти Екатерины I, в кратковременное царствование Петра II царский двор переехал в Москву. За ним последовал и Блументрост, передав фактическое заведование академией ее секретарю Ивану Даниловичу Шумахеру (1690-1761). Шумахер вызвал своим самоуправством сильное раздражение среди академиков, но тем не менее продолжал управлять академией до 1757 года, когда был заменен Таубертом.

В 1733 году по приказанию императрицы Анны Иоановны, Блументрост был лишен должности и выслан в Москву. Положение его улучшилось после вступления на престол Елизаветы. В 1754 г. он был назначен куратором Московского университета (открытого в 1755 году), но через год умер.

Первый состав членов Академии Наук был приглашен изза границы по выбору Вольфа. Среди них были такие светила науки, как математики Даниил Бернулли и Леонард Эйлер (оба швейцарца) и астроном Николай Делиль (француз). Из них особенно плодотворную роль в ученой жизни академии

сыграл Эйлер (1707-1783). Бернулли вернулся в Базель в 1733 г., Делиль уехал обратно в Париж в 1747 г.

Эйлер приехал в Петербург в 1727 году двадцатилетним юношей, сразу занялся изучением русского языка, которым вскоре овладел. Время царствования императрицы Анны Иоановны и особенно кратковременного регенства Анны Леопольдовны (1730-1741) тяжело отразилось на жизни Академии Наук из-за вмешательства в ее дела Бирона и других временщиков. В конце концов Эйлер не выдержал и принял приглашение прусского короля Фридриха переехать в Берлин. Но связи с Россией он не прерывал. Ему было присвоено звание почетного члена Петербургской Академии Наук и назначена небольшая ежегодная пенсия. К Эйлеру в Берлин посылались студенты Академии Наук для довершения их образования. В числе их был будущий астроном Степан Яковлевич Румовский. Из Берлина же Эйлер завел научную переписку с М. В. Ломоносовым. Сношения между Берлином и Петербургом почти прервались во время русско-прусской войны 1756-1762 гг. По окончании этой войны Эйлер решил вернуться в Россию, но король Фридрих долго не хотел дать ему на это разрешение и только летом 1766 года Эйлер смог вернуться в Петербург. Ломоносов к этому времени уже умер. Несмотря на почти полную потерю зрения Эйлер продолжал свою научную работу с помощью своего старшего сына и учеников. Умер он от удара в 1783 году.

Согласно плану пополнения академии русскими студентами начались призывы подходящих кандидатов. В 1732 году было вызвано 12 лучших студентов московской Славяно-греко-латинской академии. В числе их был будущий географ Семен Петрович Крашенинников. Через три года была вызвана оттуда же вторая партия кандидатов. В ней был Михаил Васильевич Ломоносов. Подобные вызовы продолжались и в дальнейшем.

С. П. Крашенинников (1711-1755) был сыном солдата Преображенского полка. По прибытии Крашенинникова и его сотоварищей в Академию Наук их подвергли экзаменам и лучших из них стали готовить к посылке в экспедицию для исследования Сибири. Во главе этой экспедиции стояли академики И. Г. Гмелин и Г. Ф. Миллер. Лето 1733 г. Крашенинников и его товарищи прослушали курс лекций этих профессоров по ботанике, зоологии и географии.

Крашенинников провел в Сибири десять лет (последние пять лет в Камчатке). Во время своих поездок он собирал не только географические и естественно-исторические сведения, но также этнографические и исторические. Все его наблюдения были необыкновенно точны. В 1745 году Крашенинников, на основании

отзывов Гмелина и Ломоносова, был назначен адъюнктом Академии Наук, а два года спустя директором ботанического сада. В 1750 году Крашенинников был сделан профессором ботаники в академическом университете. В конце этого года он начал писать главный свой научный труд: «Описание земли Камчатки». Закончил он его перед самой своей смертью (1755). Книга была напечатана посмертно и несколько раз переиздавалась. Последнее издание вышло в Москве в 1949 году. Труд Крашенинникова был переведен на английский, немецкий, голландский и французский язык.

II

Богатырская фигура Михаила Васильевича Ломоносова наложила свою печать на жизнь Академии Наук 1740-х-1750-х годов и на дальнейшее развитие русского просвещения и русской науки. По его инициативе и плану учрежден был в 1755 г. Московский университет. Ломоносов родился 8 ноября 1711 г. на берегу Белого моря близ города Холмогоры. Отец его, помор Василий Дорофеевич был судостроителем и мореплавателем — развозил грузы по портам Поморья вплоть до Норвежских и шведских портов. Мать Михаила — Елена Ивановна, рожденная Сивкова — была дочерью дьякона. Но она рано умерла, отец женился второй раз, мачеха не взлюбила пасынка и ругала его за его любовь к чтению. Михаил научился грамоте у своего соседа по деревне, а затем обучался у дьячка приходской церкви. Когда Михаилу исполнилось 10 лет отец его начал брать с собой в морские поездки. На Михаила эти путешествия произвели неизгладимое впечатление, запомнившиеся на всю жизнь. Тогда уже проявилась в нем проникновенная любовь к природе и пытливость ума.

В 1763 г., описывая условия мореплавания в Поморье в своем сочинении: «Краткое описание путешествий по северным морям», Ломоносов вспоминает: «Сие приметил я по всему берегу Норманского моря» (во время поездки его с отцом).

Четырнадцати лет Ломоносов изучил «Арифметику» Магницкого и «Славянскую граматику» Смотрицкого. Это была вершина премудрости, доступной тогда в глухом краю. Чтобы учиться дальше надо было поступить в Славяно-греко-латинскую Академию в Москве. Туда, зимой 1730 года и отправился Ломоносов — пешком, следуя за обозом рыбы, в стужу, почти без денег в кармане. Но цели своей он достиг — был принят в духовную Академию. Из Москвы, как было уже сказано, Ломоносов был вызван в 1735 году в Петербург в Академию Наук для поступления в гимназию при ней. Удостоверившись в его знаниях и

способностях академическое начальство отправило Ломоносова в Германию для завершения подготовки к научной деятельности. Ломоносов поступил студентом в Марбургский университет, где учился философии, физике и механике у Христиана Вольфа. Ломоносов обучился также немецкому и французскому языкам (латынь и греческий он освоил еще в Славяно-греко-латинской Академии в Москве).

Лекции Вольфа оказались чрезвычайно полезными для Ломоносова. Они помогли ему развить его философское и научное мировоззрение, логичность и ясность мысли, а также ознакомили с тогдашней научной терминологией, которую он потом приспособил к русскому языку. Под руководством Вольфа Ломоносов познакомился с трудами выдающихся философов, физиков и химиков XVII и начала XVIII столетия, в том числе и с сочинениями английского физика и химика Роберта Бойля (1627-1691). Бойль принимал существование в природе абсолютно пустого пространства, в котором находятся мельчайшие материальные частицы (атомы) определенной величины и формы. Атомы жидкостей находятся в постоянном движении, а твердых тел — в покое. Исследовать эти частички надо при помощи математики, физики и химии. Эти мысли Бойля произвели громадное впечатление на Ломоносова. По данной ему инструкции Ломоносов должен был после учения у Вольфа изучить металлургию и горное дело во Фрейберге под руководством Генкеля. Знание рудного дела много помогло Ломоносову в дальнейшем для его исследований в области химии и минералогии. Пробыл он во Фрейберге недолго и вернулся к Вольфу в Марбург. В 1740 году он женился на немке Елизавете Цильх. Брак этот он почему то долгое время скрывал. В 1741 году он вернулся в Петербург. Через полгода по позвращении в Россию и представлении им предварительного отчета о своих занятиях в Германии, Ломоносов был назначен адъюнктом Академии.

После того он привел в порядок записи своих исследований в Германии и начал печатать основанные на них труды. Теперь встал вопрос о назначени его полноправным членом Академии. Шумахер послал несколько «диссертаций» Ломоносова на отзыв Эйлера в Берлин. Эйлер высоко оценил их. «Все сии сочинения — написал он в своем отзыве — не только хороши, но превосходны, ибо он (Ломоносов) изъясняет физические и химические материи самые нужные и трудные, кои совсем неизвестны и невозможны были к истолкованию самым остроумным ученым людям, с таким основанием, что я совсем уверен о точности его доказательств».

В 1745 году Ломоносов был назначен полноправным членом

Академии Наук и профессором химии. Упрочив свое положение, Ломоносов выписал из Германии свою жену и для него настала более упорядоченная жизнь.

Дальнейшее научное творчество Ломоносова Б. Н. Меншуткин разделяет на три периода. Сперва он несколько лет занимался главным образом физикой, затем главным образом химией (1749-1756), а в последнее десятилетие его жизни разнообразными естественными науками — географией, метеорологией, астрономией, минералогией и геологией.

В физике первой половины XVIII века большое значение придавалось опытам. Но опыты эти не всегда давали ясные результаты. Для объяснения их нужно было строить гипотезы. В этих гипотезах фигурировали таинственные тонкие жидкости-материи теплоты, света, тяжести и т.д. Материи эти были невидимыми и не выделяемыми. Сущность теплоты объяснялась «огненной материей» (теплород или «теплотвор»). «Химия находилась под властью гипотезы флогистона, просуществовавшей до конца XVIII века» (Меншуткин). Флогистоном называли горючий принцип. Считалось, что все тела способные гореть или изменяться от действия огня содержат флогистон.

Непременным условием для своей научной работы Ломоносов считал постройку химической лаборатории. В течении нескольких лет он настойчиво добивался этого перед академическим начальством, но получал от Шумахера все тот же ответ: нет денег. Наконец Елизавета издала указ о постройке лаборатории на счет кабинета ее величества. В 1748 году лаборатория была построена по плану и под наблюдением Ломоносова. Стоимость постройки была 1344 рубля. Каменный дом был размером всего 6 1/2 сажень длины, 5 сажен ширины. Внутри было три помещения. Все оборудование разработано самим Ломоносовым. Так создана была первая в России химическая лаборатория. Позже Ломоносов устроил еще маленькую лабораторию у себя в доме.

В своих химических опытах Ломоносов одним из первых тогдашних ученых систематически применял весы. Количественное исследование химического состава различных веществ тогда только начиналось.

С помощью этого метода он отверг гипотезу теплорода, объявив все явления происходящие при нагревании вращательным («коловратным» как он писал) движением частичек тел и твердых, и жидких, и газообразных.

Термин «флогистон» Ломоносов иногда употреблял вскользь, не придавая ему особенного значения, но своими опытами он нанес сильный удар этой гипотезе.

Размышляя о процессах горения и окисления Ломоносов

обратил внимание на то, что при прокаливании металла вес его увеличивается и предположил, что это зависит от присоединения к металлу частиц, текущего над ним воздуха. Это предположение Ломоносова противоречило некоторым опытам и взглядам его любимого Бойля. Для проверки этого вопроса Ломоносов в 1756 году сделал несколько специальных опытов. На этот раз он с Бойлем не согласился. Описал он их так: «Делая опыты в заплавленных накрепко стеклянных сосудах, чтобы исследовать прибывает ли вес металлов от чистого жару. Оными опытами нашлось, что славного Роберта Бойля мнение ложно, ибо без пропущения внешнего воздуха вес отожженного металла остается в одной мере». «Этим было доказано: (1) что привес металла при обжигании обусловлен соединением его с воздухом; (2) что объяснение процесса обжигания металла при помощи флогистона невозможно: если бы флогистон уходил из металла, то заплавленная реторта с металлом должна была бы иметь иной вес после нагревания». (Меншуткин). Результаты своих опытов Ломоносов сообщил конференции Академии Наук, но не опубликовал.

Через двадцать семь лет французский химик Лавуазье (не зная об опытах Ломоносова) сделал точно такой же эксперимент. При этом он сделал одно важное наблюдение: только часть воздуха запаянной реторты соединилась с металлом. Отсюда Лавуазье сделал вывод, что воздух состоит из двух газов, из которых один соединяется с металлом, а другой — нет (кислород и азот). До этого открытия Лавуазье воздух рассматривался как цельный элемент. Сторонники теории флогистона повели отчаянную борьбу против выводов Лавуазье, но в конце концов должны были сдаться.

В основе научных взглядов Ломоносова на природу лежала мысль о постоянстве материи и движения. В своем «Рассуждении о твердости и жидкости тел» (1760) он писал: «Все перемены в натуре случающиеся, такого суть состояния, что сколько у одного тела отнимается, столько присовокупиться к другому... Сей всеобщий естественный закон простирается и в самые правила движения; ибо тело, движущее своею силою другое, столько же оныя у себя теряет, сколько сообщает другому, которое от него движение получает».

Отправной точкой в занятиях физикой и химией послужили Ломоносову поразившие его в годы учения у Вольфа идеи Бойля. Ломоносов говорил: «После того, что я прочел у Бойля, мною овладело страстное желание исследовать мельчайшие частички тел. О них я размышлял восемнадцать лет». На основании этих своих размышлений Ломоносов думал написать большое сочи-

нение о значении «частиц» или «корпускул» для понимания законов физики и химии — «корпускулярную философию», как он говорит в одном из своих писем Эйлеру. Это «великое начинание» (по выражению Меншуткина) Ломоносов не успел осуществить. Но отдельные части этого плана он изложил в некоторых своих диссертациях, а также в его публичных речах, главным образом на заседаниях Академии Наук.

Уже в одной из своих ранних работ: «Элементы математической химии» (1741) Ломоносов предложил свою теорию строения вещества — из «корпускул» и «элементов». «Корпускула есть собрание элементов, образующее одну массу... Корпускулы однородны, если состоят из одинакого числа одних и тех же элементов, соединенных одинаковым образом... Корпускулы разнородны когда элементы их различны и соединены различным образом или в различном числе; от этого зависит безконечное разнообразие тел». На языке химии первой трети XX века то, что Ломоносов называл «элементом» — это атом, а корпускула — молекула. «Это различие лежит ныне в основании всего стройного здания современной химии» пишет Меншуткин (1937).

Большое значение имеют работы Ломоносова по геологии и минерологии. Геологическая жизнь земли рассматривалась им в динамическом аспекте, как длительный и сложный физико-химический процесс. Ломоносов едва ли не первый оценил огромную роль организмов в образовании торфа, каменного угля и чернозема. Он собирался также написать «Российскую минералогию» и в 1763 г. через Академию Наук обратился к рудникам и заводам с требованием прислать в Академию образцы различных руд и минералов. Большинство образцов поступило в академию уже после его смерти. Так было положено начало минералогической коллекции Академии Наук.

В числе физических проблем, которые изучал Ломоносов, был вопрос об атмосферном электричестве и воздушных явлениях, связанных, по его мнению, с электричеством, в том числе северных сияний. «С 1743 года, писал он позже, редко пропущено мною северное сияние, мною виденное, без записки». Эти его записи до сих пор не потеряли своего значения (см. В. И. Вернадский, Химическое строение биосферы земли и ее окружения, стр. 124 (1965).

Продолжая заниматься этими вопросами, Ломоносов, наблюдал также грозовые явления, зарницы и хвосты комет. Ломоносов пришел к заключению, что все эти явления связаны с низходящими и восходящими токами воздуха. С 1745 г. начал изучать грозовое электричество также и коллега Ломоносова по академии физик Георг-Вильгельм Рихман.

Приблизительно в это же время в Америке занялся свойствами электричества Бенжамин Франклин. Он поставил вопрос, наэлектризованы ли грозовые облака. Французский физик Далибар установил около Парижа высокий железный шест, изолированный деревянной подставкой. Во время грозы 10 мая 1752 года над шестом прошла гроза, шест наэлектризовался, из него пошли искры. В июне того же года, не зная об опытах Далибара, Франклин запустил под облака шелковый воздушный змей с прикрепленным к нему металлическим острием. К острию приклеплена была пеньковая бичева, за которую держали змей. На нижнем конце бичевы был привязан ключ, а к ключу шелковая веревочка, изолировавшая всю систему. Когда бичева намокла от дождя, то из ключа можно было извлекать искры (излагаю это по Меншуткину). В июле 1752 года Рихман построил у себя дома прибор, получивший название «громовой машины». Он продел железный прут длиной в 6 футов, через бутылку с отбитым дном, к концу прута прикрепил железную проволоку и провел ее изолированно в комнату. К концу ее он подвесил железную линейку, а к линейке — шелковую нить. Когда электричество было в проволоке, нить отходила и «гонялась за пальцем» По примеру Рахмана сделал подобную машину у себя в квартире и Ломоносов.

26 июля 1753 года в первом часу дня в доме Ломоносова собирались сесть обедать. В это время поднялись громовые тучи. «Гром был нарочито силен, дождя ни капли». Ломоносов пошел к громовой машине посмотреть, что происходит. «Пока кушанье на стол ставили — писал потом Ломоносов И. И. Шувалову — дождался я нарочитых электрических из проволоки искор, и к тому пришла жена моя и другие... Внезапно гром чрезвычайно грянул в самое то время, как я руку держал у железа и искры трещали. Все от меня прочь побежали... Любопытство удержало меня еще две или три минуты, пока мне сказали, что щи простынут, а при том и электрическая сила почти перестала». Щи Ломоносову не пришлось попробовать — прибежал человек Рихмана с докладом, что «профессора громом убило». (Рихман в то же время, что Ломоносов сидел у своей громовой машины). Ломоносов сейчас же побежал на квартиру Рихмана, но тот уже был бездыханным. «Итак он (Рихман) плачевным опытом уверил, что электрическую громовую силу отвратить можно; однако на шест с железом, который должен стоять на пустом месте, в которое бы гром бил сколько хочет. Между тем умер господин Рихман прекрасною смертью, исполняя по своей профессии должность. Память его никогда не умолкнет». Ломоносов

исходатайствовал перед Шуваловым, чтобы вдове Рихмана была назначена пенсия в размере его жалованья.

Ломоносов интересовался и астрономическими явлениями. 26 мая 1761 г. он наблюдал прохождение планеты Венеры по солнечному диску. Он заметил «тонкое как волос» сияние, окружавшее часть диска Венеры, еще не вступившей на солнечный диск. Ломоносов объяснил это явление «преломлением лучей солнечных в Венериной атмосфере». Существование атмосферы на Венере было тогда неизвестно астрономам. Свое открытие Ломоносов опубликовал в мемуарах Академии Наук. Тридцать лет спустя английский астроном Гершель вновь открыл «Венерину атмосферу».

В круг интересов Ломоносова входило и мореплавание. В своем «Рассуждении о большей точности морского пути» (1759) Ломоносов рассмотрел ряд теоретических вопросов мореплавания, указал лучшие способы определения широты и долготы на море и предложил ряд практических советов для мореходов. В 1763 году Ломоносов написал «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможности проходу Сибирским океаном в восточную Индию». В этом сочинении Ломоносов установил направление движения льдов в Северном океане и пришел к выводу, что лучший путь для достижения северного полюса проходит между Шпицбергеном и Новой Землей.

Между другими своими опытами в химической лаборатории Ломоносов в 1749 году с увлечением занялся новым для него делом — мозаикой. В этом деле искусство связалось с химией цветного стекла, оптикой и техникой. Ломоносову пришлось выполнить тысячи пробных плавок прежде чем овладеть техникой изготовления и компановкой кусочков стекла в художественную мозаичную картину. Сохранилось двенадцать таких картин, выполненных в лаборатории Ломоносова (в том числе «Полтавская баталия»). В знак признания работ Ломоносова по мозаике Болонская Академия Наук избрала его своим почетным членом.

В 1752/53 учебном году Ломоносов прочел в академическом университете курс лекций по физической химии для более подготовленных студентов. Записалось на курс несколько студентов, из которых Ломоносов особенно одобрял Степана Румовского, (о котором я дальше буду говорить особо). Лекции сопровождались показательными опытами.

В следующем году Ломоносов принял деятельное участие в учреждении Московского университета. Ломоносов был главным советником И. И. Шувалова в этом деле. Излюбленная мечта Шувалова, которую разделял и Ломоносов, была установить в России законченную систему народного образования, от низших

школ до университетов. Академический университет сыграл большую роль в подготовке русских ученых, но это было замкнутое учреждение для специалистов, почти не связанное с общественной жизнью. Это не был «настоящий» университет.

Университет решено было открыть в Москве, находящейся в центре России. Туда всего легче можно было собрать достаточное количество учащихся. При университете постановлено открыть гимназию. Ломоносов всегда отстаивал принцип всесословности обучения (чему и Шувалов сочувствовал). В студенты университета положено было принимать и дворян и разночинцев. Но в отношении гимназии Шувалову пришлось сделать уступку нравам московского дворянства. Открыто было две гимназии — одна для дворян, другая для разночинцев. Крепостным крестьянам доступ и в гимназию и в университет был закрыт. Окончившие одну из гимназий поступали в университет по особому вступительному экзамену. И Шувалов и Ломоносов понимали, что для начала прийдется удовлетвориться университетом скромного масштаба в смысле количества профессоров и студентов и оборудования учебной и ученой части. Но оба они работали для будущего с твердой верой в него. Дело было организовано на следующих началах: университет не подчинен никакому иному присутственному месту кроме Правительствующего Сената и ни от какого иного места не обязан принимать повелений.

Во главе университета стояло несколько кураторов. Главным из них был сам Шувалов. Университет делился на три факультета: юридический, медицинский и философский. На все факультеты предназначено было десять профессорских кафедр. Химия, натуральная история и анатомия преподавались на медицинском факультете; физика — на философском.

Для начала вместо десяти профессоров было назначено всего пять: двое русских и трое иностранцев. Русские были рекомендованы Ломоносовым: профессор элоквенции Поповский и математик Барсов. Иностранцев выписали по указанию Г. Ф. Миллера. К 1762 году число профессоров наконец было доведено до десяти (один из них третий русский — математик Аничков). Дальше дело стало развиваться немного быстрее. В 1767 году был назначен профессором юридического факультета Семен Ефимович Десницкий, закончивший свою подготовку в Глазго под руководством Юма и Блэкстона. Десницкий может считаться украшением Московского университета XVIII века (умер в 1789 году).

Ломоносов был универсальный гений. Его главная «утеха», как он иногда говорил, были физика и химия, но у него была и другая область творчества. Он явился создателем современного

русского языка и в прозе и в поэзии. И именно в этой сфере он сразу заслужил признание и популярность в тогдашнем русском обществе.

До Ломоносова, с половины XVII-го века в славяно-русской поэзии господствовало силлабическое стихосложение, возникшее под влиянием польского языка, совершенно русскому языку не свойственное. В своем письме «О правилах российского стихотворчества» (1739) Ломоносов убедительно показал, что русскому языку соответствует тоническое стихосложение. Его он и ввел в обиход русской поэзии.

Свое учение о литературных стилях Ломоносов основал на существовании в русском языке трех разрядов слов: (1) общеупотребительных в церковнославянском и русском; (2) книжных по преимуществу и (3) простонародних, исключая «презренных, подлых слов«. Отсюда Ломоносов выводил три стиля: (1) *высокий,* из слов словено-российских — для героических поэм, од, прозаических речей о важных материях; (2) *средний,* но не надутый и не подлый, из словено-российских и русских — для стихотворных дружеских писем, сатир, эклог, элегий и описательной прозы; (3) *низкий,* из соединения среднего стиля с простонародными низкими словами, для комедий, эпиграмм, песен, прозаических дружеских писем и описаний обыкновенных дел.

Здесь следует заметить, что Ломоносов был создателем и современного русского научного языка, заложив правильные основания русской технической и научной терминологии. После петровских реформ русский технический и научный язык был совершенно засорен голландскими, немецкими и польскими словами. Ломоносов выработал следующие правила: (1) чужестранные научные термины надо переводить на русский язык; (2) оставлять непереведенными слова лишь в случае невозможности подыскать вполне равнозначущее русское слово, или когда иностранное слово получило уже всеобщее распространение; (3) в этом случае придавать инстранному слову форму наиболее свойственную русскому языку. Очень многие из научных терминов, составленные по этим правилам самим Ломоносовым, вошли во всеобщий обиход: «воздушный насос», «законы движения», «земная ось», «равновесие тел», «удельный вес и т.д.

В 1748 году Ломоносов издал первую на русском языке «Риторику» с примерами взятыми главным образом из своей собственной ораторской прозы. В 1755 году вышла в свет его «Российская грамматика», выдающийся научный труд по русскому языку. Грамматика выдержала 14 изданий и была переведена на немецкий, французский и новогреческий язык . . .

Едва ли не лучшая ода Ломоносова — «Вечернее размышление о Божьем величестве при случае великого северного сияния» (1743). Она проникнута глубоким чувством космоса.

Лице свое скрывает день,
Поля покрыла мрачна ночь,
Взошла на горы чорна тень,
Лучи от нас склонились прочь.
Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.
Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном ветре тонкий прах,
В свирепом как перо огне,
Так я в сей бездне углублен
Теряюсь, мысльми утомлен!
Уста премудрых нам гласят:
Там разных множество светов,
Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков;
Для общей славы Божества
Там равна сила естества
Но где ж, натура, твой закон?
С полночных стран встает заря
. . . . . .
Се в ночь на землю день вступил!*

В 1749 году Ломоносов в торжественном собрании Академии Наук произнес «Слово похвальное императрице Елизавете Петровне», в котором, как и в некоторых одах, прославлял Петра Великого — насаждателя наук в России. Это «Слово» обратило внимание на Ломоносова при дворе, а в академии создало ему немало завистников, во главе которых стоял Шумахер. Но зато тогдашний фаворит Елизаветы, просвещенный вельможа Иван Иванович Шувалов (1727-1797) взял Ломоносова под свое покровительство и более того, оценил Ломоносова мудрость и начал советоваться с ним по вопросам народного просвещения, а в 1755 году, как было уже сказано, привел в исполнение план Ломоносова о создании университета в Москве.

В «Похвальном слове» Елизавете Ломоносов между прочим упомянул о том, что одной из задач исторического департамента

*Д. Оболенский. D. Obolensky editor. "The Penguin Book of Russian Verse." pgs. 52-54.

академии является написание русской истории. Елизавета и Шувалов возложили эту задачу на самого Ломоносова. Он охотно взялся за это дело, но не мог оторваться и от своих научных работ. Подготовка русской истории шла медленно. Шувалов торопил его и написал ему, что если другие его занятия ему мешают, то их можно оставить. В начале 1755 года Ломоносов ответил Шувалову, что сам понимает необходимость сочинения русской истории, но что «оное великое дело ... такого есть свойства, что требует времени ... Что ж до моих в физике и химии упражнений касается, чтобы их вовсе покинуть, то нет в том ни нужды, ниже возможности. Всяк человек требует себе от трудов успокоения; для того, оставив настоящее дело, ищет себе с гостями или домашними препровождения времени картами, шашками и другими забавами, а иные и табачным дымом, от чего я уже давно отказался затем, что не нашел в них ничего кроме скуки. И так уповаю что и мне на успокоение от трудов, которые я на собрание и на сочинение российской истории и на украшение российского слова полагаю, позволено будет в день несколько часов времени, чтобы их вместо бильярду употребить на физические и химические опыты, которые мне не токмо отменою материи вместо забавы, но и движением вместо лекарства служить имеют, а сверх сего пользу и честь отечеству конечно принести могут едва меньше ли первой».

Ломоносов отстоял себя и к счастью для науки продолжал свои опыты по физики и химии. Но он, поскольку мог, выполнил свое обещание и относительно русской истории. Его «Краткий российский летописец» вышел в 1760 году, а первый (и единственный) том «Древней Российской истории» (до 1754 года) — в 1766 году, уже после смерти автора. (Ломоносов умер 4 апреля 1765 года).

«Древняя Российская история» была переведена на немецкий язык, а с него на французский; «Краткий Летописец» появился в английском и немецком переводах.

По существу о Ломоносове как историке я скажу ниже в связи с трудами Миллера и Шлецера.

Новейшее полное собрание сочинений Ломоносова было издано в Москве в десяти томах в 1950-57 годах.

III

В 1748 году был вызван в Академию Степан Яковлевич Румовский (1732-1815), сын священника, для поступления в академическую гимназию при Академии Наук, а оттуда студентом

в академический университет. Для завершения своей подготовки к наукам Румовский ездил к Эйлеру в Берлин. В 1752/53 году, как было уже упомянуто, он прослушал курс Ломоносова по физической химии. В 1760 г. Румовский был назначен преподавателем математики академическим студентам, а через несколько лет — профессором астрономии. В течении 30 лет он редактировал ежегодное издание астрономических календарей. В 1761 году он был командирован в Селенчинск для наблюдения прохождения Венеры через солнечный диск (то самое, которое Ломоносов наблюдал в Петербурге). Наблюдения над этим прохождением Венеры велись также и во Франции и в Англии. Получились разногласия в некоторых данных. Английский вычислитель отпределил солнечный параллакс (угол, составленный линиями, идущими от наблюдаемого светила к центру земли и к наблюдателю) в 8.5", а французский — в 10.5". Эта разница ставила под сомнение методы наблюдения и математический аппарат для обработки данных наблюдения.

В 1769 году Петербургская Академия по совету Эйлера поставила себе задачей проверить и усовершенствовать методику наблюдения и приемы математического анализа. Была организована грандиозная экспедиция. Наблюдательные материалы должны были доставить несколько русских ученых, в числе которых был и Румовский. Все руководство математической обработкой данных наблюдений взял на себя Эйлер. Наблюдательные пункты были расположены в далеко отстоящих друг от друга местах. Румовский командирован был в Колу, П. Б. Иноходцев и Г. Ловиц — в крепость Гурьев при устье реки Урала (тогда еще называвшегося Яик).

По вычислениям Румовского средний солнечный параллакс выражался величиною не более 8.62". По другому исчислению — 8.67" Таким образом французское вычисление было отвергнуто.

Во время своих путешествий Румовский определял географическое положение многих мест в России, а позже (1786) напечатал первый каталог астрономических пунктов в России. В 1800 г. он был назначен вице-президентом Академии Наук. Помимо своих работ по математике и астрономии Румовский перевел с латинского на русский язык «Анналы» римского историка Тацита. Перевод этот в свое время считался классическим.

Когда в 1804 г. был учрежден Казанский университет, Румовский был назначен его попечителем. Сам математик и астроном, Румовский пригласил из Германии в новый университет выдающихся профессоров для этих предметов.

IV

Знаменательным рубежом в истории русской науки оказался 1768 год. В этом году Академия Наук организовала ряд экспедиций для всестороннего исследования природы и населения России. Труды их составили эпоху в развитии географической науки. Экспедиции были хорошо задуманы и оборудованы и во главе их поставлены выдающиеся ученые. Экспедиции эти продолжались шесть лет (до 1774 года). Для руководства экспедицией Академия Наук наметила талантливого немецкого натуралиста энциклопедических знаний Петра-Симона Палласа (1741-1811). Его основной специальностью была зоология, но он постепенно расширил свой научный охват и включил в курс своих изучений ботанику, геологию, палеонтологию, минералогию, географию, этнографию и языкознание.

В 1767 году он был избран членом Академии Наук и переселился из Берлина в Петербург. Академия Наук предложила ему прежде всего разработать план экспедиции и составить инструкцию участникам, для чего ему разыскали в архиве Академии инструкцию, составленную Г. Ф. Миллером для участников Сибирской экспедиции 1733-42 гг. Эта инструкция оказалась очень полезной для Палласа.

Важнейшие цели экспедиции изложены были Палласом в трех пунктах: (1) изучение народностей, населяющих Россию, их обычаев и обрядов; (2) исследовать природу страны — собирать коллекции минералов, растений и животных; (3) изучать способы обработки и пользования естественными произведениями — работу в рудниках, горных заводах, соляных копях, условия сельского и лесного хозяйства. Экспедиция была разделена на два главных отряда. Во главе одного стал сам Паллас; во главе другого — адъюнкт Академии Наук Иван Иванович Лепехин (1740-1802).

Сын солдата, Лепехин был принят в академическую гимназию в 1751 году. К тому времени он уже был грамотен. В 1760 году он сделался студентом академического университета. В это время общее заведывание учебной частью в академии принял Ломоносов, под влиянием которого и начали слагаться научные интересы Лепехина. Через два года Лепехин был послан в Страсбург, где занимался главным образом медициной. Из Страсбурга Лепехин переписывался с Ломоносовым, который предназначал его для занятия кафедры ботаники в академии. Получив в Страсбурге ученую степень доктора медицины Лепехин в 1767 году вернулся в Петербург и был назначен адъюнктом академии.

К Палласу было прикомандировано двое русских ученых —

В. Ф. Зуев и Н. П. Соколов (в то время Паллас еще не овладел русским языком). В помощь Лепехину придано было три академических студента — А. Лебедев, Т. Мальгин, и Н. Озерецковский. Оба отряда были прекрасно оборудованы и снабжены всем необходимым. При каждом состояли рисовальщики, чучельщики и стрелки («для стреляния птиц и животных»).

Маршруты обоих отрядов были так составлены, что они то сближались, то расходились. Оба отряда начали с Поволжья и Прикаспия, а потом направились в Приуралье. За Урал Лепехин дошел только до Тюмени. Паллас пошел дальше на восток через всю Сибирь до Монголии. Лепехин из Тюмени перевалил через северный Урал и спустился по Северной Двине к Белому морю. Больше года он исследовал Белое море и Архангельский край. Отряд Лепехина вернулся в Петербург в декабре 1772 года. В 1773 году по предложению Академии Лепехин совершил еще путешествие по Белоруссии. В 1771 году — еще не возвратившийся из путешествия Лепехин был избран членом Академии Наук.

В своем путевом дневнике Лепехин талантливо описал свои наблюдения не только над природой тех местностей, где проходил, но и над жизнью населения, промыслами, социальными отношениями. Лепехин собрал много ценных материалов по ботанике, экономической жизни, этнографии. Главный труд Лепехина — «Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства» в четырех томах (1771-1805).

Еще большее значение имели материалы и коллекции, привезенные Палласом — ценные сведения по географии, зоологии, ботанике, геологии, этнографии и археологии. Говоря словами Л. С. Берга (1929), отчеты об экспедиции Палласа, «до сих пор еще служат сокровищницей, из которой продолжают черпать последующие исследователи».

В 1793 и 1794 годах Паллас совершил два путешествия в Крым и подробно описал их. Палласу так полюбился Крым, что ему захотелось там поселиться. Узнав об этом Екатерина подарила ему дом в Симферополе и два имения. В 1810 году Паллас вернулся в Берлин и через год там умер.

Паллас был неутомимый писатель. Список его работ, составленный его биографом Ф. П. Кеппеном, занимает более тридцати убористых страниц (Журнал Министерства Народного Просвещения, 1895, апрель). Укажу здесь только русский перевод описания Палласом его экспедиции 1768-1774 годов — «Путешествие по разным провинциям Российской империи» (три тома, 1773-1788).

V

Состояние и развитие русского естествознания в последней четверти XVIII века менее изучено, чем за предыдущий период. Академия Наук оставалась главным средоточием и рассадником русских ученых. В Московском университете естествознание в это время было представлено слабо. Математику преподавал талантливый Аничков. Он написал и напечатал первый на русском языке «Курс чистой математики».

Медико-хирургическая академия была открыта в Петербурге только в самом конце XVIII века (1799).

Среди русских ученых в конце XVIII века людей калибра Эйлера и Ломоносова не было, но многие из них были очень способные люди. Важно, что семья ученых разрасталась и появилась ученая среда, в которой могли обсуждаться научные вопросы. Росла и научная литература. Знаменательно, что это ученое сообщество не было изолировано. Интерес к науке проявлялся и в других кругах русского общества.

Число образованных людей в России неуклонно росло.

В начале 1770-х годов историк князь М. М. Щербатов сделал любопытный подсчет по этому вопросу. Он считал, что «дворян, офицеров чужестранных и других чиновных людей» было тогда в России около 50 тысяч. В регулярной армии было около 5 тысяч офицеров. Получается более или менее образованных людей 63 тысячи человек. Т. И. Райнов к этому прибавляет от 5 до 10 тысяч человек не учтенных Щербатовым — духовенства, разночинцев, купцов и т.д. Получается от 70 до 75 тысяч читателей.

Цифры Райнова явно преуменьшенные. К ним надо прежде всего прибавить численность духовенства. Духовенство было самым грамотным сословием. Число духовных школ в XVIII веке неуклонно возрастало. В 1762 г. их было 26 с общим числом учащихся в 6.000.* В 1783 году в духовных школах училось уже 11000 человек.**

Что касается купечества, по данным 4-й ревизии (переписи окладного населения) 1783 года разработанным академиком Шторхом, купцов в России было 107 тысяч.*** К концу царствования Екатерины II число купцов достигло 240 тысяч.***

---

*Данные А. В. Карташева, Очерки по истории русской церкви, II, стр. 548. Я обязан К. Г. Белоусову Iза это указание.

**Милюков, Очерки по истории русской культуры, том II, часть 2, стр. 743.

***А. А. Корнилов, Курс истории России XIX века (перепечатка второго издания, Москва 1918), том I, стр. 19 и 26.

Из них, особенно из тех, которые жили в Петербурге и Москве, значительное число было грамотно. Таким образом общее число образованных людей в России в конце царствования Екатерины надо считать не меньше как 100 — сто пятьдесят тысяч человек.

И Щербатов и Райнов очевидно ведут счет только мужчинам. Между тем среди дворянства, духовенства и многих разночинцев были также и образованные женщины. Далее, данные Щербатова относятся к началу 1770-х годов, а к концу века число образованных должно было сильно увеличиться. Конечно только небольшая часть интересовалась науками, но и то можно предполагать, что контингент читателей научных книг был для того времени не малый.

Среди дворянской знати появились люди сами занимавшиеся наукой или собиравшие богатые научные коллекции — так называемые «кабинеты натуральной истории».

П. Г. Демидов (1738-1821) получил образование в Геттингенском университете и Фрейбергской Академии. Находился в переписке с Бюффоном и Линнеем. Занимался математикой, физикой, химией, минералогией, ботаникой и зоологией. Составил большую естественно-историческую коллекцию, которую в 1802 году он подарил Московскому университету. Кн. А. А. Урусов издал в 1780 г. «Опыт естественной истории».

Дипломат кн. Д. А. Голицын (1734-1803) занимался опытами по электричеству и защищал вихревую теорию электричества и магнетизма. В 1768 г. он был назначен посланником в Гаагу и там оставался до конца жизни. Был избран председателем Иенского минералогического общества, которому завещал свой богатый минералогический кабинет. Был также членом Петербургского «Вольного экономического общества», в «Трудах» которого напечатал несколько статей. Граф Г. К. Разумовский был известен своими работами по минералогии. Богатый физический кабинет Д. П. Бутурлина был куплен в 1802 году Медико-хирургической академией. Коллекции кн. Е. Р. Дашковой были пожертвованы в 1807 году Московскому университету.

К концу XVIII века русская продукция ученой литературы (на русском и иностранных языках) в области физико-математических наук заметно возрасла. Согласно подсчетам Райнова за десятилетие 1771-1780 было напечатано 41 книги в этой области (из них 16 переводных); за следующее десятилетие — 121 книга (из них 56 переводных); за девятилетие 1791-1799 — 112 книг. Приблизительно в этой же пропорции возрастало и количество специальных научных статей в специальных журналах Академии Наук.

В отношении методов исследования, в последней трети XVIII

века выявилось две тенденции — одна, шедшая от Ломоносова, другая — от Эйлера.

Для «Эйлеризма» характерна тенденция ставить и решать некоторые вопросы естествознания средствами одного математического исследования. Эйлер готов был принять во внимание результаты интересного для него эксперимента как бы в абстрактном и идеализированном виде, изучая его помощью средств математического анализа. Непосредственной экспериментальной ценности этот метод не имел, но впоследствии оказался полезен для анализа физической действительности.

От Ломоносова пошла другая традиция — неразрывной связи теории с экспериментальными данными. Математике он также придавал большое — но не исключительное значение.

Подводя итоги — труды русских и иностранных ученых в России XVIII века заложили незыблемое основание для дальнейшего развития русской науки.

VI

От естествознания обратимся теперь к наукам историческим. Трое выдающихся ученых, выписанных из Германии, положили начало русской исторической науке в современном смысле этого слова — Готлиб-Зигфрид Байер (1694-1738), Герард-Фридрих (Федор Иванович) Миллер (1705-1783) и Август-Людвиг Шлецер (1735-1809).

Байер был в составе первого призыва иностранных ученых, приглашенных стать членами Петербургской Академии Наук. Он окончил Кенигсбергский университет и еще со студенческой поры начал изучать восточные языки — китайский и семитические. Русского языка он не знал и даже не старался ему научиться. Русскими летописями он пользовался в латинском переводе. Но он хорошо знал византийские и скандинавские источники. Байер занимался только древнейшим периодом русской истории — до IX века включительно. Он написал серьезное исследование о варягах и начале Руси и о первом походе руссов на Константинополь. С помощью В. К. Тредьяковского (1703-1769) ему удалось определить значение славянских названий Днепровских порогов в сочинении Константина Багрянородного «Об управлении империей». Этими трудами Байера потом пользовались и Шлецер и русский историк Татищев.

Байер может считаться основателем скандинавской (норманской) теории о происхождении русского государства.

Миллер, как и Байер, был выписан в Петербург в 1725 году,

но не как профессор академического университета, а как студент (ему было в это время двадцать лет). В противоположность Байеру Миллер сразу начал учиться русскому языку. Первые годы по приезде Миллер преподавал латинский язык, историю и географию в академической гимназии. Не позже 1730 года он заинтересовался историей и географией Сибири. Он изучил знаменитую книгу голландского ученого Витзека «Северная и Восточная Татария» (первое издание 1692 г., второе — 1705 г. Миллер пользовался обоими). В 1731 г. Миллер назначен был членом Академии Наук и профессором академического университета. В 1732-33 были напечатаны первые работы его по истории Сибири.

В это время были уже во всем разгаре приготовления к большой Сибирской экспедиции — той, в которой участвовал и Крашенинников. Экспедиция была организована совместно Сенатом и Академией Наук. Участниками ее кроме Крашенинникова были назначены два академика — астроном Делиль и натуралист Гмелин.

Миллер также стремился ехать. Случай помог ему — Гмелин заболел. Оберсекретарь Сената, Иван Криллович Кирилов, «великий рачитель и любитель наук», разрешил Миллеру ехать в Сибирь вместо Гмелина. Последний довольно скоро выздоровел. Сенат разрешил и ему ехать в экспедицию.

Миллера сопровождало несколько помощников — студентов. Главной задачей Миллера было описание архивов Сибирских городов и снятие копий с возможно большего количества исторических материалов в каждом архиве. Но Миллер попутно собирал также сведения по языковедению, экономике, этнографии и археологии, а также составлял «ведомости» о городах и уездах Сибири.

При этом Миллер проявил не только свою необыкновенную трудоспособность но также твердость и настойчивость в добывании нужных ему сведений от местной администрации. Миллер начал свою поездку с Тобольска, тогда столицы Сибирской губернии, куда он прибыл в конце января 1734 года. Как он позже вспоминал, он сам еще не знал, что ему нужно требовать от Сибирского губернатора и о чем спрашивать. Для этого у него не было опыта, который он приобрел уже практикой.

За немногими исключениями сибирские архивы находились в полном безпорядке. Существовавшие «реестры» дел были неполные. Миллеру пришлось составлять (или требовать составления) новых описей. Сам он проделал колоссальную работу, разбирая архивные книги и столбцы по годам и отмечал для своих помощников или местных писцов, с каких документов надо снять

копии. К концу 1736 года Миллер добрался до Якутска, откуда вернулся в Иркутск. К этому времени он переутомился (заболел «ипохондрической болезнью») и в Камчатку с Крашенинниковым уже не мог ехать. На смену ему Академия послала Иоганна-Эбергарда Фишера (1697-1771), о чем Миллер получил извещение в Енисейске летом 1739 г. С Фишером Миллер встретился в Сургуте (Тобольской губернии) в июне 1740 г. Миллер дал ему указания для собирания материалов, обещав прислать подробную инструкцию из Тобольска. Эту инструкцию Миллер посла Фишеру 13 декабря 1741 года. Другой экземпляр Миллер послал в Сенат.

Эта тщательная и хорошо продуманная инструкция представляет собой, по выражению А. И. Андреева, «большую научную работу». Инструкция была расчитана на ученого более крупного размаха, чем Фишер. Видимо тот не обратил на нее никакого внимания. Позже ею, как руководством, воспользовался Паллас.

Миллер оставался еще два года в Сибири (главным образом в Тобольске) и осматривал архивы в нескольких городах, но в то же время начал уже писать свою «Историю Сибири». Что касается личной его жизни — в Верхотурье он женился (1742). Вернулся он в Петербург 14 февраля 1743 года.

Миллер привез из Сибири громадное количество архивных и других материалов, составивших богатейший фонд для научного изучения русской истории.

В Академии Миллер был встречен враждебно Шумахером и некоторыми другими недоброжелателями, в том числе Фишером, когда тот вернулся в Петербург в 1750 году.

Начались всякие дрязги.

В 1748 году Миллер принял русское подданство и получил звание историографа с обязательством сочинить «генеральную российскую историю».

Дело об издании «истории Сибири» затянулось. Миллер написал ее по немецки. Переводчик, которого ему подыскали, оказался плох. Нашли другого, перевод которого был приемлем. Перевод этот Шумахер разослал нескольким лицам, между прочим русскому историку В. Н. Татищеву. Тот дал благоприятный отзыв: «с великим моим удовольствием — писал он Шумахеру — присланное от Вас начало Сибирской истории прочитал... Сие есть начало русских участных (областных) историй, и нельзя иного сказать, как хваления и благодарения достойное в ней».

Первый том «Истории Сибири» Миллера был наконец напечатан в 1750 году. Следующие два тома оставались еще в рукописи. Находя, что Миллер затягивает писание Сибирской истории, академия поручила Фишеру писать продолжение ее. «Сибирская

история» Фишера (напечатана по немецки в 1768 году, в русском переводе в 1774 г.) есть не продолжение Миллера, а сокращенный пересказ сочинения Миллера (как напечатанного первого тома, так и части оставшейся в рукописи).

Миллер перестал писать продолжение истории Сибири и занялся подготовкой писания русской истории. Он был одним из первых русских ученых заинтересовавшихся более поздними этапами русской истории. Среди его трудов есть «Опыт новейшей истории России» и «Известие о дворянах российских».

В 1765 году указом Екатерины II Миллер был назначен главным надзирателем новоучрежденного в Москве Воспитательного дома с оставлением за ним звания историографа. Как Миллер сам написал в своей автобиографии, принял он эту должность «в уповании, что при том возможно мне будет пользоваться московскими архивами для российской истории, о чем я и был обнадежен».

Ввиду переезда в Москву Миллер просил Академию разрешения взять туда все привезенные им из Сибири архивные материалы. Просьба его была удовлетворена. Уже в 1766 г. он был уволен из воспитательного дома и назначен «членом государственной коллегии иностранных дел при московском архиве». Через год Миллер был назначен начальником архива.

Миллер поставил себе целью сделать из архива научное учреждение. Он создал целую школу ученых архивариусов: Штриттер, Малиновский, Бантыш-Каменский. В этот архив Миллер положил и свои «портфели», среди которых было тридцать фолиантов актов, списанных из сибирских архивов.

Но заняться писанием «российской истории» Миллер был уже не в силах. В 1767 г. он написал Екатерине II, что рекомендует ей для этой задачи кн. М. М. Щербатова.

В 1772 г. Миллер был поражен параличем, но тем не менее продолжал неустанно работать до самой своей смерти (1783).

Миллер заложил прочный фундамент для занятий русской историей, собрав громадное количество актового архивного материала и показав необходимость на нем основывать исследование русской истории. Несколько поколений русских историков и издателей документов по русской истории пользовались сокровищами Миллеровских портфелей.

Шлецер положил начало критическому изучению текста русских летописей.

В Россию Шлецера забросил случай. Еще будучи студентом Геттингенского университета Шлецер заинтересовался библейским Востоком, для чего хотел поехать в Палестину. На это у него однако не было денег. Он тогда решил отправиться в Пе-

тербург, надеясь там заработать денег и оттуда пробраться на восток.

В 1760 г. Шлецер написал Миллеру о своем намерении приехать в Петербург и просил Миллера помочь ему устроиться при академии. Миллер предложил ему место домашнего учителя для своих детей и помощника по изданию серии трудов по русской истории (Sammlung Russischer Geschichte) с жалованием 100 рублей в год. Шлецер ухватился за это предложение и приехал в Петербург. Сразу по приезде Шлецер начал изучать церковнославянский и русский язык.

Довольствоваться скромным положением в доме Миллере и быть помощником в его научной работе Шлецер не намеревался. Себя он считал уже сложившимся ученым, а Миллера невеждой. Шлецер сблизился с секретарем Академии Таубертом — врагом Миллера — и через него получил должность адъюнкта Академии.

Уйдя от Миллера, Шлецер занялся изучанием русскои истории. Актового материала русской истории Шлецер почти не касался. «Если мне только верно сообщили — говорит он — древнейший акт до сих пор найденный, принадлежит Андрею Боголюбскому, который умер в 1158 году». (Андрей был убит в 1174 году). Шлецер сосредоточился на изучении русских летописей. Тауберт передал ему рукописный немецкий перевод начальной летописи, сделанный монахом Александро-Невской Лавры — Адамом Селлием, датчанином по происхождению.

Шлецер сделал себе конспект перевода, а затем научился читать «Повесть Временных Лет» в оригинале, сравнивая несколько списков (в числе их некоторые — в составе поздних летописных сводов). Шлецер сразу же заметил зависимость начальной летописи от византийских источников. Тут Шлецер создал свою гипотезу, что разночтения в летописных списках произошли главным образом из-за ошибок невежественных переписчиков. На этой гипотезе он и основал дальнейшую свою работу над критикой летописного текста. Цель, которую он себе поставил — восстановить первоначальный текст «очищенного Нестора».

Не удовлетворенный своим положением в Петербурге, Шлецер решил в 1764 году вернуться в Геттинген. По личному повелению Екатерины II Шлецер был назначен ординарным академиком с жалованьем 860 рублей в год. Вместе с тем императрица разрешила выдать ему заграничный паспорт. Контракт был подписан до 1770 года. По возвращении в Геттинген Шлецер получил кафедру философии в тамошнем университете. В 1769 году он издал пробный лист летописи с латинским переводом и разноречиями. (Probe Russischer Annalen). После этого Шлецер был

назначен почетным академиком с пожизненной пенсией. К нему иногда посылали для занятий молодых русских ученых. Немаловажное влияние оказал Шлецер на Карамзина. Когда в 1804 г. было основано в Москве «Общество истории и древностей Российских» Карамзин и Шлецер были избраны почетными членами.

Шлецер вернулся к русским летописям только в конце жизни, написав книгу, которую он озаглавил «Нестор». В ней он развил прежние свои взгляды на русское летописание и древний период русской истории. Книга была издана по немецки в четырех томах в 1802-1805 гг. и посвящена Александру I. Русский перевод появился в трех томах в 1809-1810 годах.

Несмотря на то что Шлецер шел по ложному пути, книга его имела громадное положительное влияние на дальнейшее развитие русской исторической науки. Важен был самый факт внесения каких бы то ни было критических приемов в изучение летописных текстов. На этой основе и процвела в дальнейшем эта отрасль русской исторической науки.

Четвертым академиком, занимавшимися русской историей, был Ломоносов. Его задачей было написать хорошим слогом популярную историю России, чтобы показать в противовес Байеру и Шлецеру, что русские, уже на заре их истории, сумели создать свое государство и что они не были дикари. Подход Ломоносова к его историческому труду был таким образом литературный и патриотический. При этом естественно, что Ломоносов выступил против норманской теории.

Чтобы понять его взгляды надо вспомнить как описывал Шлецер культурный уровень Руси IX-X веков. «Конечно — писал Шлецер — люди тут были, Бог знает, с каких пор и откуда, но люди без правления, жившие подобно зверям и птицам, которые наполняли их леса».

В противоположность такого рода взглядам немцев-норманистов Ломоносов заявил, во вступлении к своей «Древней Российской Истории». «Не мало имеем свидетельств, что в России толь великой тьмы невежества не было, какую представляют внешние (т.е. иностранные) писатели». В этом вопросе, как показали дальнейшие исследования русской истории, особенно конца XIX и XX века Ломоносов был прав.

Ценными чертами книги Ломоносова историк С. М. Соловьев считает умелое использование автором известий иностранных источников о славянах и Руси, а также вдумчивое сближение древне-русских языческих верований с современными Ломоносову простонародными обычаями, играми и песнями.

Другой труд Ломоносова «Краткий российский летописец» представляет собой сжатый очерк русской истории от древнейших

времен до Петра Великого включительно. Очерк начинается историей происхождения русского народа, затем сообщаются главные события каждого царствования. К этому приложена родословная таблица российских государей. В эпоху Екатерины II «Краткий российский летописец» служил школьным учебником русской истории.

VII

Перейдем теперь к трудам В. Н. Татищева, кн. М. М. Щербатова и И. Н. Болтина.

Ни один из них не был профессиональным ученым и тем не менее вклад каждого в русскую историческую науку был очень значителен.

Василий Никитич Татищев (1686-1750), младший современник Петра Великого, был одним из талантливых дельцов, выдвинутых Петровской эпохой. Он занимал ответственные посты на государственной службе (последняя его должность — астраханский губернатор). Изъездил всю Россию и основательно ознакомился с ее экономикой, управлением, этнографией и условиями народной жизни.

Татищев был сыном псковского помещика. О ранних годах его жизни почти ничего не известно. В молодости он учился артиллерийскому и инженерному делу в артиллерийской академии под руководством одного из самых просвещенных сподвижников Петра — Якова Вилимовича Брюса (1670-1735). Татищев деятельно участвовал в русско-шведской войне. Побывал в Германии (1713-14) и вывез оттуда много книг, положивших начало его богатой библиотеке.

В 1717 году Татищев был командирован Петром в Гданск для переговоров о выплате городом наложенной на него контрибуции.

В том же году Татищев участвовал в Аландском Конгрессе представителей России и Швеции для переговоров о заключении мира. Татищев состоял при Брюсе, одном из двух русских уполномоченных. Сговориться о мире не удалось и конгресс разъехался.

В 1719 году Петр хотел поручить Брюсу составление подробной географии России. Брюс был в это время по горло занят (он был сенатором и президентом берг- и мануфактур-коллегии) и вместо себя рекомендовал Петру Татищева.

Татищев представил Петру докладную записку о плане своей работы, которую Петр одобрил. Уже в это время Татищев увидел, что ввиду неразработанности истории России ему необ-

ходимо будет изучать совместно и географию и историю русского государства. Петр выдал ему из своей библиотеки «Древнюю Несторову летопись», которую Татищев скоро списал.

В начале 1720 года Брюс командировал Татищева на Урал для устройства горных заводов. Дело было ответственное и хлопотливое. Тем не менее Татищев сумел найти время для собирания исторических и географических материалов. Он нашел еще список «Нестеровой летописи» и сверяя его со своей копией обнаружил значительную «разность», что побудило его продолжать поиски. В это время он начал уже вырабатывать план своей «Истории Российской».

Прибыв в начале 1722 года в Петербург Татищев показал Брюсу и архиепископу Феофану Прокоповичу план своей истории и просил их помочь нужными ему книгами, часть которых имелась в Петербурге, а часть была выписана для него из Германии.

В декабре того же года Татищев опять был послан на Урал и в Зауралье, как помощник главного директора «Сибирских заводов» В. И. Геннина. В конце 1723 года Татищев был вызван в Петербург с докладами Геннина и там остался.

В ноябре 1724 г. Петр послал Татищева в Швецию «для некоторых секретных дел». Он должен был ознакомиться с положением в Швеции горного и монетного дела и мануфактур, нанимать на русскую службу разных мастеров, «стараться о помещении русских в учение горному делу и «смотреть и уведомиться о политическом состоянии, явных поступках и скрытых намерениях оного государства».

Татищев не преминул воспользоваться поездкой в Стокгольм и для своих научных интересов и вошел в сношение со шведскими историками, указавшими ему на существование важных для русских историков скандинавских саг еще языческого периода. Ему помогло, что еще ранее в Сибири он познакомился с некоторыми сосланными туда военнопленными шведами, в том числе с полковником Табортом, который путешествовал по всей Сибири, собирая материалы для ее описания. Вернувшись в Швецию после окончания войны он был возведен в дворянство под фамилией Страленберг. Когда Татищев встретил его опять в Стокгольме, Страленберг готовил к печати (по немецки) свою книгу «Северная и восточная часть Европы и Азии». В марте 1734 г. Татищев был назначен главным начальником горных заводов Сибири и Пермского края. В данной ему инструкции был особый пункт об изучении всего обширного края, в котором находились заводы. По всей вероятности этот пункт был внесен по совету самого Татищева. Вскоре после прибытия в Екатеринбург Татищев составил вопросник (анкету), которую по его

просьбе Сибирский губернатор из Тобольска разослал во все сибирские города. Поступление ответов шло медленно, некоторые ответы были слишком кратки, но все же у Татищево накопилось достаточно сведений, чтобы начать составлять «Общее географическое описание всея Сибири». Труд этот остался незаконченным. Вместо того Татищев приступил к составлению «Общего географического описания всея России». Работа шла медленно из-за недостатка известий, поступивших в ответ на его анкеты.

Татищев успел написать только общее введение. Много из своих материалов и писаний Татищев посылал в Академию Наук. Далеко не все это сохранилось (вероятно не все еще найдено). В своей совокупности эти труды Татищева имеют большое значение в развитии русской географической науки. В 1950 году А. И. Андреев опубликовал «Избранные труды Татищева по географии России» отдельным сборником.

Одновременно с собиранием географических сведений и своей административной службой Татищев продолжал и писание «Истории Российской». Закончил он ее в 1746 году. Через два года он составил вторую редакцию своего труда. В этой редакции она и была издана в пяти томах уже после смерти автора. Первые три тома были напечатаны Г. Ф. Миллером (1768-1774); четвертый том появился в 1784, а пятый — только в 1849 году.

Недавно Ленинградское отделение института истории Академии Наук предприняло новое издание Татищева и после длительной подготовки выпустило его в свет в семи томах (1962-1968). В редакции этого издания и в ряде пояснительных статей в отдельных томах приняли участие такие видные историки и археографы, как А. И. Андреев, С. Н. Валк и М. Н. Тихомиров. В новом издании приняты во внимание обе редакции Татищевского труда, что очень важно, особенно для второй части (от начала Руси до Батыева нашествия 1238 года). В этой части Татищев несколько «подновил», а в некоторых местах распространил изложение древнего текста летописей. Между тем для историков совершенно необходимо было ознакомиться с первой редакцией, сохранившей точную передачу Татищевым своих источников. Многие из этих источников не сохранились, так что вторая часть Татищевской «Истории Российской» является для нас как бы первоисточником.

Теперь этот пробел востановлен. В новом издании Татищевского труда вторая редакция напечатана во II и III томах, а первая — в IV томе. В следующих томах даются, где надо, варианты и разноречия для дальнейших времен.

Основным источником Татищеву служили летописи, включая и поздние летописные своды, Хронограф, Степенная Книга и

сочинения князя А. М. Курбского и Авраамия Палицына. Кроме того некоторые юридические источники, в особенности «Русская Правда» XI-XII веков и «Судебник 1550 года», которые он сам открыл в 1730-х годах. Татищев переписал «Русскую Правду» (из списка Новгородской летописи конца XV века) и, снабдив переводом и примечаниями, представил в Академию Наук. Издана была «Русская Правда» Шлецером (по рукописи Татищева) в 1767 г. Рукопись Судебника Татищев поднес императрице Анне Иоановне, а снятую им копию передал в Академию Наук. С этой копии Судебник был издан Г. Ф. Миллером в 1768 году.

В предисловии к своему труду Татищев разделяет ход русской истории на четыре периода: (1) древнейший (до 860 г.), в котором действовали скифы, сарматы и славяне; (2) от 860 года до нашествия татар в 1238 г.; (3) от пришествия татар до свержения их власти «первым царем Иваном Великим» (Иван III); (4) от Ивана III до избрания на престол Михаила Федоровича Романова. Этого разделения на периоды держались в общем все последующие русские историки.

В черновой рукописи остались у Татищева материалы о царствовании Федора Алексеевича и правлении царевны Софьи. Эти материалы напечатаны в VII томе нового издания.

У Татищева не было специальной подготовки к ученому труду, но у него была широта кругозора и глубокое чувство связи прошлого с настоящим. Он вносит в понимание прошлого свой личный жизненный опыт. Так, он объясняет смысл московского законодательства обычаями судебной практики его времени и воспоминаниями о нравах конца XVII века. Приобретенное им на государственной службе личное знание жизни инородцев (калмыков, башкир, татар) помогло ему уяснить древнюю этнографию России.

В своем общем мировоззрении Татищев может быть назван утилитаристом. Основой его взглядов была модная в то время теория естественного права и естественной морали. Свое миросозерцание Татищев изложил в сочинении «Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ».

Этот «Разговор» написан под влиянием основателя теории естественного права Самуила Пуфендорфа и «Философского Словаря» протестантского богослова Иоанна-Георга Вальха. «Естественный закон» не противоречит «закону Божественному» так как желание благополучия в человеке от Бога вкорено есть». Разумное удовлетворение потребностей и есть добродетель. Для нашего благополучия нам нужна любовь и помощь других, потому мы «должны любовь к другим заимодательно изъявлять».

Природные силы ума надо развивать наукой. «Главная наука

есть чтобы человек мог себя познать». Нужные для человека науки включают «телесное», «политическое» и «душевное» самопознание (медицина, экономика, законоучение, логика, богословие). Историю Татищев понимал как народное самопознание.

VIII

Преемником Миллера в звании российского историографа был князь Михаил Михайлович Щербатов. Князья Щербатовы происходили от Михаила Черниговского и были отраслью князей Оболенских. Михаил Михайлович был пропитан чувством достоинства своего аристократического происхождения.

Взгляды свои он развил в своих выступлениях на заседаниях Екатерининской комиссии для составления нового уложения (1767-68), куда он был выбран депутатом от ярославского дворянства. Щербатов восстал там против законов Петра, согласно которым доступ в дворянство был открыт выслугой по государственной службе. Щербатов старался доказать, что дворянство пошло от предков, отличившихся доблестями на пользу отечества. Эти доблести сделались наследственными качествами дворянского сословия. Это исторически воспитанное сословие и должно стать во главе народа. Щербатов возражал также против приписки крестьян к горным заводам и требовал, чтобы только дворяне могли владеть крепостными крестьянами.

Речи Щербатова были восторженно встречены большинством депутатов от родовитого дворянства, но вызвали яростные возражения со стороны дворян, достигших дворянства службой, а также со стороны депутатов от купечества и крестьян.

Интерес Щербатова к истории своего рода и вообще знатных дворянских родов выразился, между прочим, в собирании им сведений по истории дворянства в России — еще до того как он начал писать свою «Историю Российскую. Это уже дало ему некоторые знания по русской истории.

В государственной службе Щербатов пошел по гражданскому ведомству. Был одно время герольдмейстером, потом президентом камер-коллегии и наконец, сенатором.

К писанию русской истории Щербатов приступил не раньше 1767 года. Екатерина дала ему разрешение брать нужные ему для работы материалы из патриаршей и типографической библиотек, которые были главным хранилищем летописных списков, а также пользоваться документами московского архива Коллегии иностранных дел.

Несмотря на обязанности Щербатова по государственной

службе дело писания истории пошло быстро. К средине 1769 года он уже окончил два первые тома, дойдя до монгольского нашествия 1238 года (напечатаны в 1770-1771 годах). Дальнейшие тома следовали с небольщими промежутками. Последние два — XIV и XV — напечатаны уже после смерти автора. Изложение русской истории Щербатову удалось довести до свержения с престола царя Василия Шуйского (1610).

«История» Щербатова — первое в русской историографии подробное прагматическое изложение хода русской истории. Труд Щербатова некоторые современники его подвергли строгой критике, указывали между прочим на его ошибки, но это не разрушает его выдающегося положения в русской историографии XVIII века. Слабее всего его первые тома, основанные главным образом на летописях. Но по мере того, как изложение Щербатова основывается на все более обильном актовом материале, возрастает и ценность его труда.

Основная точка зрения Щербатова на историю может быть названа рационалистическим прагматизмом. Ход событий объясняется как результат сознательной деятельности правящих личностей, подчиняющих своей воле волю массы.

«Хотя конечно должность всякого государя есть — наиболее всего пользу и спокойствие своих народов наблюдать, но к несчастью рода человеческого, история света нам часто показывает, что благо государства был только вид, прямая же причина деяний — или славолюбие, или собственное какое пристрастие государей».

Третий выдающийся русский историк XVIII века Иван Никитич Болтин родился в 1735 г. и умер в 1792 г. Происходил из старинной дворянской семьи. Первоначальное образование получил дома. Служил в армии. В 1768 г. вышел в отставку с чином премьер-майора и одно время служил по гражданскому ведомству. Последняя его должность — член Военной коллегии с чином генерал-майора.

Болтин начал писать о русской истории только к концу своей жизни, но начал думать о ней и собирать сведения о ней с раннего возраста. У него было не менее сильное, чем у Татищева, врожденное чувство исторического процесса, неразрывной связи настоящего с прошлым и невозможности осмыслить одно без другого.

Строгий в понимании обязанностей историка Болтин считал, что его дело прежде всего — собирание и предварительная обработка материалов для писания истории.

Нужен был подходящий повод, чтобы он начал пользоваться собранными им знаниями. Этим поводом было появление, на

французском языке, «Истории России» французского доктора Николая Леклерка. Леклерк несколько раз приезжал в Россию при Елизавете и при Екатерине. Одно время был врачем при президенте Академии Наук графе Кирилле Разумовском, а затем лейб-медиком при цесаревиче Павле. Побывав в России, он счел себя специалистом по россиеведению и написал шеститомную обширную компиляцию по русской истории. Первый том ее был напечатан в 1783 г. Леклеркова «История России» написана с большим самомнением и полна ошибок.

Болтина задело за живое и он решил критически разобрать книгу Леклерка и попутно высказать свои взгляды на русскую историю. Ключевский думает, что Болтина на это выступление подвиг Г. А. Потемкин, его бывший однополчанин на военной службе.

Так появился на свет двухтомный труд Болтина «Примечания на историю древней и нынешней России г-на Леклерка» (1788). Так как Леклерк перед тем как начать писать свое сочинение получил резюмé русской истории (от Рюрика до царя Федора Ивановича) и некоторые другие материалы от Щербатова, то Болтин в своей книге задел и Щербатова. Последний напечатал возражение Болтину (1789). Болтин немедленно написал резкую отповедь, а затем начал писать «Критические примечания на историю кн. Щербатова». Этот его труд, в двух частях, появился уже по смерти обоих писателей (1793-94).

При изложении хода древней русской истории Болтин пользовался главным образом Татищевым. Болтин интересовался не столько событиями сколько характером и условиями народной жизни — законами, учреждениями, уровнем культуры, нравами и обычаями.

Сильная сторона Болтина — его вдумчивый комментарий к тексту древних памятников русского права. «Некоторые термины, учреждения, черты быта древней Руси объяснены им так основательно, что с небольшими поправками его объяснения имеют силу и теперь (например толкование терминов «Русской Правды») (Ключевский).

Болтин первый из русских историков поставил вопрос о происхождении крепостного права. «Первый источник этого состояния он видит в падении крестьянского права перехода. Он (Болтин) только смешивает ограничение этого перехода с полным его запрещением, которое он относит к концу XVI века, к царствованию Федора. Крестьяне, по мнению Болтина, сначала были прикреплены к землевладельцу по земле; потом владельцы присвоили себе право переселять крестьян, а наконец, при-

своили и безконтрольное пользование самой личностью крестьян, как холопством» (Ключевский).

IX

К концу XVIII века серьезный интерес к отечественной истории сильно возрос. К этому времени издано было значительное количество летописных списков и ценных памятников русского права. Возник довольно широкий круг любителей русской старины, искавших в истории аргументов для защиты самобытности русской культуры в противоположность повальному увлечению французскими модами и французским вольнодумством.

Одним из видных таких любителей был граф Алексей Иванович Мусин-Пушкин (1741-1817). Он получил образование в артиллерийском училище и состоял одно время адъютантом при графе Г. Орлове. По выходе в отставку он предпринял трехлетнее путешествие по Европе. По возвращении он был церемонийместером при дворе Екатерины, потом обер-прокурором Синода и наконец президентом Академии художеств.

Главная его страсть была собирать письменные памятники отечественной старины. В провинции он имел комиссионеров для покупки старинных рукописей. Когда он был назначен обер-прокурором Синода (1791) среди его подчиненных оказались знающие дело помощники из духовенства. По его совету Екатерина издала указ об извлечении из монастырских архивов старинных документов и посылке их в распоряжение Синода.

Таким образом у Мусина-Пушкина образовалось громадное собрание драгоценных памятников старины, с которыми он сам только постепенно знакомился и самые интересные находки издавал. Так в 1795 году он нашел у себя сборник древне-русских повестей, составленый и записанный, по всем признакам, в Пскове в XVI веке. В конце этого сборника помещено знаменитое «Слово о полку Игореве».*

В 1795-96 г. была сделана копия «Слова» для Екатерины II. В 1800 году Мусин-Пушкин напечатал «Слово» по подлиннику с помощью ученых архивариусов Н. Бантыш-Каменского и А. Малиновского. Вероятно по их совету незадолго до 1812 года Мусин-Пушкин обратился к Александру I с прошением о присоединении

*См. вступительные замечания Р. О. Якобсона в книге "La Geste du Prince Igor" Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves, VI (New York), 1948, pp. 5-11.

его рукописного собрания к московскому архиву иностранных дел.

Прошению не был дан сразу ход, в 1812 году французы пришли в Москву и дом Мусина-Пушкина сгорел до-тла вместе с его библиотекой, в том числе и подлинником «Слова».

1770-е и 1780-е годы — время необыкновенного оживления умственной и литературной деятельности в России. Появилось множество литературных журналов и журнальчиков, полемизировавших между собой. На гребне этого подъема стоял Николай Иванович Новиков (1741-1818). Он интересовался и русской историей и издал ряд ценных исторических материалов («Древняя Российская Вивлиофика»).

В русском обществе появился интерес к обсуждению литературы и общественных вопросов — и в частных беседах и в различных дружеских кружках. Это была эпоха зарождения в России общественного мнения.

Большинство этих кружков и содружеств принимало форму масонских лож. В царствование Екатерины II масонство широко распространилось среди русской аристократии и офицеров армии и флота. Цели масонства XVIII-го века — нравственно облагораживать своих адептов и объединять их на началах братства, равенства, взаимопомощи. Заседания лож облечены были в сложный символический ритуал, описанный Львом Толстым в «Войне и мире».

Масонами были и князь Щербатов и Болтин и Новиков. В 1785 г. вступил в масонство будущий историк Н. М. Карамзин. Пробыв в масонстве три года, он из него вышел.

В первую половину царствования Екатерины в русском масонстве господствовали рационалистические течения, а в конце 1770-х годов и в 1780-х годах возобладал мистицизм. К мистицизму склонен был и Новиков.

В мае 1779 года куратор Московского университета М. М. Херасков (масон) предложил Новикову взять в аренду на десять лет университетскую типографию и издание газеты «Московские Ведомости». Новиков согласился и переехал из Петербурга в Москву. Там он развил свою издательскую и просветительную деятельность с необычайным размахом. Вместе с тем он вступил в московскую масонскую организацию, состоящую тогда из нескольких лож.

Из Москвы заправилы масонских лож вошли в сношения с орденом розенкрейцеров, претендовавших на знание высших тайн (центр розенкрейцеров был в Германии). Новиков стал во главе московской ветви розенкрейцеров и даже занялся алхимией, которая была в почете у розенкрейцеров. Новиков исполь-

зовал свои алхимические знания для составления лекарств, которыми он лечил своих знакомых.

1 мая 1789 года кончился десятилетний контракт Новикова с Московским университетом относительно аренды типографии и издания «Московских Ведомостей». Новиков расчитывал на продолжение контракта, но Екатерина запретила университету это сделать.

Екатерина уже перед тем стала относиться подозрительно к деятельности Новикова. Одной из причин ее безпокойства были связи ее сына Павла Петровича, (с которым она была не в ладах) с Пруссией, в частности с Берлинскими розенкрейцерами. К тому же прежний союз России с Пруссией был в 1780 году заменен сближением с Австрией, а отношения с Пруссией у России испортились.

Затем началась французская революция. В 1792 году Новиков был арестован и заключен в Шлиссельбургскую крепость. Екатерина умерла 6 ноября 1796 г.

В первый же день своего царствования Павел Петрович издал приказ об освобождении Новикова. Новиков был заключен в крепость еще в полном развитии сил и энергии, а вышел оттуда «дряхл, стар, согбен». Он поселился в своем имении Авдотьино Московской губернии и прожил там почти безвыездно до смерти.

Значение Новикова в истории русского общества очень велико. Новиков пробуждал в окружающих самостоятельную мысль и заражал их горением своего духа. В частности, общение с Новиковым и его кружком было поворотным пунктом в нравственном и литературном образовании Н. М. Карамзина.

Карамзин (1766-1826) стоит на грани двух веков. Основы его как писателя и историка, заложены были в XVIII веке, а главный его труд «История Государства Российского» открывает собою уже новую эпоху в русской историографии.

БИБЛИОГРАФИЯ

Приводятся только самые необходимые для моей задачи труды. Во многих из них имеются дальнейшие библиографические указания. Главные труды самих ученых упоминаются в тексте статьи.

Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. Выпуск 2, XVII век, первая половина. (Москва-Ленинград, 1965).

Андреев А. И. и Модзалевский Б. Л., редакторы. «Ломоносов, сборник статей и материалов». (Москва-Ленинград, 1940).

Берг Л. С. Очерк истории русской географической науки вплоть до 1923 года. (Ленинград. 1929).

Вернадский В. И. О значении трудов Ломоносова в минералогии и геологии. «Ломоносовский сборник». (Москва 1901). (В этом сборнике каждая статья имеет отдельную пагинацию).
Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II (Петроград, 1917).
Vernadsky G. Rise of Science in Russia 1700-1917. "Russian Review". Vol. 28, pg. 37-52 (1969).
Гейерсман Г. А. Татищевские списки Русской Правды, «Проблемы источниковедения» III, стр. 162-174 (Москва-Ленинград, 1940).
История естествознания в России, под редакцией Н. А. Фигуревского, В. П. Зубова и С. П. Микулинского. 3 тома (Москва, 1957-62).
Кеппен Ф. П. Ученые труды П. С. Палласа, Журнал Министерства Народного Просвещения, 1895, апрель, стр. 386-437.
Кизеветтер А. А., Московский университет, исторический очерк, «Московский университет 1755-1930» (Париж, 1930), стр. 9-140.
Ключевский В. О. Лекции по русской историографии, «Сочинения», VIII. (Москва, 1959), стр. 396-488.
Кузнецов И. В., редактор. Люди русской науки, 2 тома (Москва, 1961-62).
Менщуткин Б. Н. Жизнеописание М. В. Ломоносова. (Москва-Ленинград, 1937).
Миллер Г. Ф. Описание моих служб. (Автобиография). Миллер, История Сибири, I (Москва-Ленинград, 1937) стр. 147-155.
Пыпин А. Н., Русское масонство, XVIII и первая четверть XIX века. Редакция и примечания Г. В. Вернадского (Петроград, 1916).
Райнов Т. И. Русское естествознание второй половины XVIII века и Ломоносов. «Ломоносов» под редакцией А. И. Андреева и Б. Л. Модзалевского, стр. 318-388.
Рязановский В. А., Обзор русской культуры, часть II, выпуски 1-2 (Нью Йорк, 1947-48).
Рязановский В. А., Развитие русской научной мысли в XVIII-XIX столетиях (Науки о природе) (Нью Йорк, 1949).
Соловьев С. М., История России с древнейших времен, тома XIII-XXIX (Москва 1962-66).
Черепнин Л. В., Русская историография до XIX века. (Москва, 1957).
Vucinich, A. Science in Russian Culture. A History to 1860 (Stanford, 1963).

STUDIES IN THE HISTORY OF SCHOLARSHIP IN RUSSIA: THE EIGHTEENTH CENTURY

*By George Vernadsky**
Yale University

The foundation for the development of modern scholarship in Russia was created by Peter the Great in the form of the Academy of Sciences. The idea was suggested to him by the German mathematician and philosopher G. W. von Leibniz in 1711. Since at that time there existed no universities in Russia, Peter had to adjust the new institution to Russian conditions. The Academy as a learned body was supplemented by a university to educate native scientists and a gymnasium to prepare students. The Academy was opened a few months after Peter's death.

The plan proved workable. The first members of the Academy were imported from Switzerland, Germany, and France, but before long there appeared talented and competent native scientists. Outstanding among them were M. V. Lomonosov (a universal genius, whose major achievements were in the fields of chemistry and physics); S. P. Krasheninnikov (botany and geography); and I. I. Lepekhin (geography).

By the end of the eighteenth century publication of scientific books and articles (both original Russian and translated into Russian) markedly increased. No less important, a thin but steadily growing community of scientists was formed who could discuss scientific problems among themselves. Besides, scholars were no more in a vacuum since interest in scholarship began spreading at large.

The Academy had a History Department whose two outstanding members were G. F. Miller and A. L. Schlözer. Schlözer laid the

---

*GEORGE VERNADSKY, *Professor Emeritus* of Russian History at Yale University, is the author of a multi-volume *History of Russia*. Before joining the Yale University faculty, Professor Vernadsky had taught at the Universities of Petersburg, Perm, and Simferopol.

foundation for the critical analysis of the text of Old Russian chronicles. Miller, who became a Russian subject, concentrated on gathering archive materials and during his ten year expedition to Siberia collected an enormous quantity of extremely valuable documents. Upon his return from the expedition, he was appointed head of the Moscow Archive. He transformed it into a scholarly institution and created a highly competent school of learned archivists.

Outside of the Academy three native scholars made substantial contributions to the field of Russian history: V. N. Tatishchev, I. N. Boltin, and Prince M. M. Shcherbatov. None was a trained historian; all served in the administration. The oldest of them, Tatishchev, was commissioned by Peter the Great to write a Geography of Russia. Tatishchev combined it with the study of Russian history; his was a pioneering work of considerable value. Boltin's work is not a systematic history of Russia, but rather a series of studies, most of them penetrating and competent. Shcherbatov's *Russian History* (15 voumes covering Russian history until the early 17th century) is the first large scale general history of Russia. The bulk of it is based on archive documents (supplied to him by Miller).

The appearance of serious historical works and the polemics between historians (especially between Boltin and Shcherbatov) did not pass unnoticed by the readers. Toward the close of the 18th century interest in Russian history and antiquities considerably increased in Russian society. Like the scientists, historians became part of Russia's intellectual life.

КОММУНИЗМ И СВЕРХКАПИТАЛИЗИ В ЗЕРКАЛЕ ПРАВА

*By George Guins**

На пороге нового века закончились кодификационные работы в Германии и Швейцарии. В этих странах составлены были новые гражданские кодексы, которые отражали некоторые особенности, созданные развитием капитализма, разных промышленных объединений, юридических лиц, и, в связи с новыми условиями жизни, некоторые новшества в семейной жизни и положении женщины. Знаменитый германский юрист Рудольф фон Иеринг подготовлял молодых юристов к предстоящему пересмотру тех правовых основ, которые завещали человечеству римские юристы. Иеринг рекомендовал будущим законодателям свой призыв не бояться новшеств: "Durch das Römisches Recht, aber durch dasselbe genaus."

До первого января 1900 г. в Германии еще действовало так называемое «пандектное право», римское право без того, что отошло в историю вместе с изменившимися политическими и социальными условиями жизни. Вступившее в силу новое Гражданское Уложение Германии (B.G.B.) внесло некоторые существенные изменения и новшества. Достаточно напомнить, что в этом новом кодексе было сказано, что «собственность есть обязанность». В отличие от римского правом, которое не ограничивало собственника в принципе, предоставляя ему пользоваться своей собственностью так, как он этого пожелает, вплоть до бесполезного с точки зрения других лиц использованья (uti et abuti), Германское уложение подчеркивало, что общество и государство ожидают от собственника того, что может служить государству и обществу в целом. Этим принципом подготовлялось расширение прав государства, возможность ограничений и даже известных

*GEORGE GUINS was a former Minister in the Kolchak Government in Siberia and Professor of Law at Harbin University. † September 24, 1971.

требований по отношению к собственности. В курсах гражданского права появились рассуждения о «злоупотреблении правом» и новые идеи «обобществления», в связи с расширением имущественной общности и развития разного рода совместных предприятий. Так называемые «германисты», особенно наиболее темпераментный и убежденный сторонник германских, вернее немецких, тендений, Отто Гирке, автор многотомного труда о германской Общине (Genossenschaft), противопоставляли римскому индивидуализму немецкое чувство «общности», совместности усилий в деле труда и предприимчивости.

Отразились в Германском Гражданском Уложении и новые течения в жизни семей. Родительская власть стала терять прежний характер неограниченности прав главы семьи, который рассматривался столь же независимым в деле возглавления семьи, воспитания детей, родительской власти, как независим был собственник в распоряжении его имуществом. Если почти революционным казался лозунг нового Германского уложения, назвавшего собственность «обязанностью», то не менее смелым нововведением было лишение родителей их власти в случае их бездеятельности или злоупотребления властью приводящих к развращению детей или недосмотру за будущими гражданами государства.

Новые кодексы не оставляли без внимания и положения женщин. В Германском уложении предусматривались различные виды общности имущества мужа и жены, наравне с раздельностью их имуществ. В немецких газетах начала нашего века еще можно было читать обявления о предстоящем бракосочетании «сына владельца такой то фирмы с дочерью владельца другой». Наименования фирм были не меннее важны, чем фамильи вступающих в брак, поскольку «общность имуществ подымала кредитоспособность и предсказывала возможность расширения предприятий.

Указанных новшеств достаточно, чтобы ввести читателя в курс тех новых течений юридической мысли и тех законодательных новшеств, которые сулили дальнейшие отступления от римского права, новые начала в деле определения взаимоотношений личности и государства или отдельного лица и общества в более широком смысле слова. Швейцарское гражданское Уложение было не менее интересным в его новшествах, а в России был также составлен Проект Нового Гражданского Уложения взамен устаревшего т. X. ч. I. свода законов. Проект был внесен на рассмотрение Государственной Думы, но не был еще ею рас-

смотрен, когда происшедшая в 1917 г. революция свела на нет большую работу по составлению проекта уложения.[1]

В качестве общего направления законодательства начала века можно отметить усиление публично-правовых начал, по сравнению с частно-правовыми. Как указано, уже право собственности ограничивается в интересах государства и общества; родительская власть сокращается. Наряду с правами, которые казались неограниченными, устанавливаются обязанности, или расширяющиеся по сравнению с прежними, или вновь устанавливаемые. Эти тенденции всё более усиливаются. Новый этап в развитии права начался с 1914 г., в связи с Первой Мировой войной. Неслыханный до той поры масштаб военных действий, вовлечение в войну нескольких народов и колоссальные экономические затраты, вызвали необходимость принудительных норм и для установления цен на предметы первой необходимости, рационированья распределения их и урегулированья перевозок.

Народное хозяйство было таким образом регламентировано. Оно было подчинено во время войны не только контролю государства, но и его распоряжениям, лишавшим собственников свободы распоряжения продуктами их производства. Призыв на военную службу многих миллионов людей требовал и распределения или, вернее, перераспределения рабочих сил. Германия была окружена со всех сторон, лишена рынков снабжения и первая должна была перейти к регулированью своего хозяйства. За ней последовала Россия. Положение Англии и Франции, с их свободными выходами в океан, было легче, но и они не избежали необходимости устанавливать разного рода ограничения прав и возложения обязанностей на мирное население, не принимавшее прямого участия в войне.[2]

С точки зрения науки права те тенденции, которые характеризовали военное законодательство, означали вытеснение «частного» права правом «публичным». Господство римского права

---

[1]Комментарии к проекту с пояснениями, какие варианты предлагались, как подобные вопросы разрешены были в других странах их законодателями, и почему принята та редакция, которая включена была в Проект — представляли большую ценность и могут быть небесполезны и теперь для ученых юристов и практиков.

[2]В качестве юрисконсульа Мининстерства Продовольствия (первоначально только «Особого Совещания по продовольственному делу), автор настоящей статьи редактировал большинство законов военного времени в России и под его редакцией и с его примечаниями издан *был Сборник Законов по продовольственному делу,* вышедший в начале 1918 г. в Петрограде. Помимо того, автор настоящей статьи составил краткое изложение законов военного времени разных стран с теоретическим их обоснованием. Этот небольшой труд вышел в Омске в 1918 г., под заглавием *Продовольственное законодательство* (Очерк народного хозяйства во время войны).

было господством частного права, так как публичное право Рима, как государства с его особенными государственными установлениями, не было воспринято новыми народами. Отступления от римского права были отступлениям и от начал его частного (или иначе — гражданского) права. Военное законодательство 1914-1918 г.г. расширяло права государства и тем самым сокращало действие частного права, т.е. прав отдельных граждан.

Эта тенденция продолжается и в некоторых странах даже усиливается после Второй Мировой войны и ряда революций, последовавших после раздела влияний «капиталистических» и «социалистических» стран. Расширение сферы действия публичного права наблюдается и в несоциалистических государствах, но в социалистическом Советском союзе оно выразилось в почти полном вытеснении частного права и в преобладающем или «доминирующем» размере оно действует в настоящее время в Советском союзе и его сателлитах. В других государствах, сохраняются частное предпринимательство и конкуренция на основах гражданских кодексов, хотя и с некоторыми ограничениями.

Этих двух типах современной организации экономической деятельности и частной инициативы с одной стороны, или государственного планового хозяйства, распоряжения трудом граждан и отсутствия конкуренции, с другой — составят предмет последующего изложения.

— — —

Представление о социалистическом государстве во второй половине прошлого века и начале настоящего основывалось на тех учениях, которые составляли сущность так называемого «научного» социализма. Основоположники его: Маркс и Энгельс отказались от утопий своих предшественников. Развитие капитализма создает, согласно учению Маркса, неизбежное поглощение крупными капиталистическими предприятиями более мелких, что, в конце концов, приведет к тому «сверхкапитализму», при наличии которого, уже не составит затруднения «экспроприировать экспроприаторов». Государство примет управление всем хозяйством на себя. Капиталисты исчезнут, учил Маркс, эксплоатируемый класс пролетариата станет основным и господствующим классом и *его* правительство возглавит социалистическое государство. Революция, если бы таковая всё же произошла, была бы только некоторым ускорением естественного процесса. Научный социализм не допускал никакого другого процесса развития, народного хозяйства индустриальных государств... Равным образом не возникало сомнений и относительно того,

будет ли лучше, с точки зрения дальнейших успехов материального и социального характера, если аппарат управления народным хозяйством станет аппаратом государственным, а не частным, и если не будет больше конкуренции. Благосостояние населения должно было повыситься уже потому только, что исчезнет эксплоатация: государство будет пролетарским, а пролетариат не будет, как это казалось несомненным создателям научного социализма, эксплоатировать крестьянство. Но вопрос о том, как же будет разрешен аграрный вопрос все же не был окончательно разрешен, как равно не было и одного мнения относительно того, какое хозяйство, мелкое крестьянское или крупное государственное, представится более выгодным.

Преимущества крупных промышленных предприятий казались несомненными и этого было достаточно чтобы рисовать картины возрастающего в социалистическом государстве благополучия народных масс. Бебель дополнил учение Маркса картиной такого благополучия, описанной в его известной книге, *Женщина и социализм*. Таким образом теоретически всё казалось обдуманным и увлекательным. Ленин решил осуществить социализм, не дожидаясь естественного поглощения мелких предприятий крупными, с помощью уже подготовленных во время войны аппаратов управления. Такими аппаратами были: Министерство Продовольствия, со всеми его агентствами по покупкам, распределению снабжения по всей стране, продовольственными карточками, складами; — Оссбое совещание по перевозкам, руководившее железным транспортом (следует напомнить, что почти все железные дороги в России составляли собственность государства), и, наконец, Особое Совещание по топливу. Созданные в первый год войны Совещания первоначально только вырабстывали планы и инструкции, но постепенно разрастались. Одно из них стало министерством и после февральской революции заняло Аничков дворец. Другие два остались совещаниями, но координировали работу железных дорог, заготовку и распределение угля, дров и т.д. Существование этих органов военного времени очень облегчило большевикам и план перехода от системы частной собственности к собственности государственной.

Захватив власть, Ленин стал издавать один за другим декреты, согласно которым все единоличные и коллективные предприятия (акционерные компании и товарищества), земли, леса, недра и воды стали государственными. В своей книге «Государство и революция» Ленин пояснял, какие юридические и фактические перемены характеризуют переход всех предприятий и пр. во владение государства. Он подчеркивал, что пролетарское государство не прежнее «буржуазное», но указывал одновре-

менно, что в *начальный период* своего существования пролетарское государство будет пользоваться силой принуждения, что ему придется подавлять сопротивление буржуазии.

Ленин в своих предсказаниях о неизбежной суровости пролетарского государства (Государство и революция) цитировал «Письмо Энгельса Бебелю», и предупреждал товарищей, склонных к утопическим представлениям о будущем пролетарском государстве, что государство не может обойтись без принуждения. Государство издает законы, но без принуждения писал Ленин: «Законы не могут существовать, ... законы ничего не стоят, если не существует аппарата, который обладает возможностью принудить людей соблюдать их».[3]

Ссылаясь на письмо Энгельса Бебелю, Ленин пишет в другом месте: «Пока пролетариат пользуется государственным аппаратом, он делает это не в интересах свободы, а для того чтобы низвергнуть, противников и только после того как это осуществится, перестанет существовать и государство». А пока оно существует, оно будет «диктатурой пролетариата», которую Ленин изображал не жалея красок: «система власти беспощадной, быстро расправляющейся с врагами, решительно подавляя эксплоататоров, капиталистов, землевладельцев и их прислужников. Те, кто не понимают этого — не революционеры. Таких надо исключить из числа лидеров или советников пролетариата».[4]

Мысли Ленина о государстве и праве понимались долго, как указание на временную необходимость издания законов, установления санкций и существования государства, как организации, издающей законодательные акты и карающей тех, кто их не выполняет. Право и государство будут, учил он, постепенно «увядать» и сойдут со сцены. Прошло пятьдесят лет, но увядания государства и права уже никто в Советском союзе не ожидает. Издание законов и санкции, гарантирующие их выполнение, истолковывались, как «*выражение воли господствующего класса*». Вышинский излагал эту новую теорию права «пролетарского государства, которая уже не ограничивала какими либо сроками ни существование государства пролетарской диктатуры, ни любого вида его законодательства. Это учение соответствовало прежде всего «воле Сталина», в то время господствовавшего в Советском союзе.[5] Новую точку зрения обосновывал и Молотов. В качестве министра иностранных дел, Молотов ссы-

---

[3]Ленин, *Сочинения*, Изд. 1931 т. XXI, стр. 434; т. XXV, изд. 1949, стр. 451.
[4]Ленин, *Государство и революция*, Сочинения т. XXIX, 1950, стр. 358.
[5]См. статью А. Вышинского. «XVIII-ый Конгресс Коммунистической партии С.С.С.Р. и задачи теории Советского права» *Государство и право*, 1939, Но. 3, стр. 8-9.

лася на капиталистическое окружение Советского союза и на необходимость быть готовыми к отражению их нападений. «При этих условиях, писал он, не может быть речи об отмирании права».[6]

Советское государство — страшилище характера библейского Левиафана, и его правящая Коммунистическая партии, возглавляются — «Политбюро», которое обладает неограниченною властью и фактически назначает все другие правящие органы. Оно же указывает, кого выбирать, смещая неугодных, кем бы они ни были избраны. Оправдание террора и произвола, которым советские власти объясняли вначале своего существования необходимостью уничтожить классовых врагов; теперь это оправдание изменилось только в том отношении, что террор и произвол направляются не против врагов пролетариата, а против «инакомыслящих граждан» советского союза. Централизовав руководство не только деятельностью граждан, но и их мыслями и стремлениями, советское государство обладает непомерно разросшимся аппаратом власти и могущественной организацией сыска и надзора в целях сохранения, считающего себя непогрещимым партийного господства. Законодательство С.С.С.Р. осуществляется не только в открытых формах, но и путем инструкций от имени руководящих органов партии.

Настоящей конституцией Советского союза является не тот основной закон, который носит название «Конституции С.С.С.Р.», а Устав Партии. Это становится ясным, при ознакомлении со ст. 126 Конституции С.С.С.Р., в которой указывается, что наиболее активные и политически сознательные граждане объединяются Коммунистической партией, составляющей авангард трудового населения союза и руководящие ядра *всех* организаций, как общественных, так и государственных. Обращаясь после этого к Уставу Коммунистической партии, читатель найдет там подробно установленную иерархию, в полном смысле слова представляющую собой пирамиду с широким основанием из великого множества мелких ячеек в основе, подчиненных более крупным по территории, ими инспектируемой и так далее вплоть до вершины, где всю эту организацию завершает всемогущее политбюро, в котором, в свою очередь, доминирует по своему значению и власти один из членов политбюро. Непревзойденным типом какового был Сталин, следовавший, однако, примеру диктаторского руководства партией, установленного самим создателем всей этой иерархии, Лениным.

---

[6]Молотов, «XXI-ая годовщина Октябрьской революции журнал», *Большевик*, 1938, No. 31-32, стр. 34-35.

Наличие коммунистических ячеек во всех правительственных учреждениях и частных организациях, как, напр., юнионах, союзах писателей, инженеров, офицеров и т.д. — ставит под контроль партии всю общественность, все политические, профессиональные, экономические, организации, кооперативы, и т. п. Такое государство носит на юридическом языке название «полицейского» в отличие от демократического, в котором население избирает и переизбирает носителей власти и в которых общественные организации независимы от администрации.

Поскольку Советский союз считает себя государством «социалистическим», он, согласно конституции, ставит своей задачей подымать благосостояние страны и, конечно, ее населения путем соответствующего распределения государственных доходов, получаемых в результате «планового» хозяйства. Этот вопрос относится не к юридическим, а к экономическим проблемам, но, насколько известны достигнутые результаты советского планового хозяйства и поскольку благоприятные результаты могут оправдывать установленную систему «полицейского» контроля, юрист не может обойти этого вопроса молчанием.

В результате советской системы все группы населения, кроме господствующей, зависят от государства. Никто не может существовать, не подчинившись существующе системе. Нет ни одного более или менее значительного предприятия, кроме кустарных, художественных или расчитанных на частные нужды: парикмахерские, портняжные, косметические и др., — которое не было бы в зависимости от государства. Одни из них, включены в программу планового хозяйства, другие зависят от государства в отношении снабжения материалами, топливом и т.п.

Стачки в целях улучшения условий труда не допускаются, протесты могут повести к потере места службы, лишению жилища, словом к ухудшению положения вместо улучшения его. Место работы тоже не зависит от выбора его трудящимся. Государственные органы распределяют рабочую силу.

Известно, что наиболее обездоленным является в Советском союзе крестьянство, преобладающее количественно, и что наиболее слабым местом советской экономики является именно сельское хозяйство. Известно также, что многие продукты советского производства уступают по качеству продуктам других промышленных государств. Наибольшие успехи и достижения наблюдаются в области военной промышленности. Социалистическое государство заняло видное место в числе империалистических держав. Это еще один из парадоксов «пролетарского» государства.

Прошло свыше пятидесяти лет со времени октябрьской рево-

люции, а советская власть все еще не может избавиться от внутренних врагов. Она ссылает в лагеря недовольных интеллигентов, объявляет сумасшедшими и помещает в психиатрические больницы (дома заключения) критиков режима, и выражает неодобрение правителям своих сателлитов.

Что же происходит внутри союза? Каково общество социалистического государства? Высшеми слоями советского общества, так сказать его аристократией, являются члены высших партийных учреждений и бюрократы, занимающие руководящие места в советских учреждениях, К числу таких своего рода советских «аристократов» принадлежат также выдающиеся ученые и инженеры, наконец, высшие чины армии, флота и воздушных сил. Члены каждой из этих групп связяны своими специальными интересами и часто сотрудничеством, но не классовой солидарностью. Члены коммунистической партии, наиболее лойяльны. Вероятно почти все они дорожат своими преимуществами в отношения вознаграждения, квартир, дач. Но, как это стало известно из сообщений печати, даже некоторые привилегированные лица позволяют себе выступать с критикой советской действительности. Это такие же чисто личные выступления, как и личные смелые выступления заслуженного генерала Григоренко, которого, в конце концов, засадили в психиатрическую больницу.

Более опасным для режима могли бы быть выступления группового характера в непривилегированных кругах населения: крестьян в колхозах, рабочих на фабриках и заводах.

— — —

Совершенно иной тип государства представляют собой С.Ш.А. Изменения общества и его нравов и стремлений происходят во всякой стране с развитой городской жизнью и культурой. Происходят они в Соединенных Штатах, как происходят они в Европе, и на других материках. Но эти изменения не должны непременно отразиться на основных законах страны, в частности на конституции Соединенных Штатов. Она представляет собой один из замечательных исторических актов, не теряющий своего значения несмотря на то, что в недалеком будущем исполнится двести лет со времени его утверждения и вступления в силу.

Основные идеи Американской конституции изложены в шести пунктах ее преамбулы. Значение каждого из этих шести пункт — не всегда одинаково. Один из них, шестой, подчеркивает основную задачу конституции обеспечить гражданам безопасность, свободу и возможность достижения благополучия. Конституция обеспечила эти увлекательные возможности, охраняемые силами

государства, оговорив в преамбуле, *что безопасность, свобода и благополучие обеспечены гражданам, соблюдающим законы страны*. Суммарная гарантия преамбулы была потом развита в форме дополнения к конституции (Amendments).

Под гарантией имелись в виду мероприятия непосильные отдельным штатам. В качестве примеров подобных мероприятий указаны были сооружение Панамского канала, приобретенье Аляски, улучшение транспорта и т.п. Центр тяжести заключался в основной задаче — объединить все тринадцать штатов, создав одно общее государство.

Создатели нового государства и авторы его замечательной конституции ясно выразили в преамбуле их понимание всех преимуществ большого государства, объединяющего население, разбросанное на большой территории с разнообразными ресурсами и, создающего возможность тесного экономического и политического сотрудничества.

История развития С.Ш.А. и современное положение этого государства в качестве Великой державы, вполне оправдали надежды творцов конституции. Миролюбивая по своему положению и хорошо обеспеченная природными богатствами новая нация долго оставалась вне той международной обстановки, которая вызывала войны и создавала потрясения в других частях мира. Но это не могло продолжаться бесконечно. Начиная с первой мировой войны, человечество вступило в новый период мировой истории. До нашего 20-го века «мировая история» не вовлекала С.Ш.А. в дела Европы и Азии в смысле их непосредственного участия в разрешении международных проблем. Международные события особенно крупного масштаба происходили в форме вторжений народов Азии в Восточную и Западную Европу или, обратно, Европейских наций в Азию. Африка задевалась лишь отчасти. У народов Азии представление об Европе не совпадало с представлением европейцев относительно Азии. Речь идет не о культуре, в отношении которой Азия долго оставалась впереди Европы, а в чисто географическом соотношении: вся Европа казалась азиатским политикам лишь большим полуостровом Азии, в то время как Азия казалась всегда европейцам огромным континентом, населенным воинственными народностями.

В настоящее время, после двух мировых войны, каждая часть нашего земного мира живет в сознании, что эта часть неразрывно связана с остальными. С.Ш.А. уже не изолированы и объединение, присоединившее к начальному числу тринадцати еще тридцать семь штатов, вовлечено теснейшим образом в сложный клубок международных взаимоотношений. Первые пять

пунктов преамбулы получают вновь бóльшее значение чем последний — «задача благополучия», так как достигнутое благополучие становится под угрозу, поскольку события на других континентах и в Латинской Америке грозят втянуть С.Ш.А. в новые военные столкновения, а внутри страны формируются группы граждан, которых нельзя считать «законопослушными», а потому, по смыслу п. 6 преамбулы, нельзя считать и за "law a bidings", *каким только и гарантирует конституция благополучие и свободу.*

С.Ш.А. стоят перед проблемою либою строгого применения санкций, охраняющих существующие законы, либо пересмотра конституции. Как это подчеркнуто выше, конституция С.Ш.А. представляет собой один из замечательных исторических актов политической культуры и следует позаботиться о его сохранении и надлежащем применении, а не пересматривать и изменять. Но это будет зависеть не от желания, а от соотношения сил умеренных граждан и формирующихся революционных групп, а также от независимых от внутреннего положения в стране международных обстоятельств. С.Ш.А. стали как бы лидером одной из двух главных соперничающих международных сил. С.Ш.А. представляют демократические страны; Советский союз — силы социалистические, в их «коммунистическом» варианте. С.Ш.А. не стремятся к господству в мире, в подчинении других стран их политике; Советский союз, наоборот, ставит своей задачей создать «интернационал», как объединение всех стран одной общей руководящей организацией, каковой и мнит себя в будущем Советский союз, избегающий включения в свое официальное наименование слова «Россия».

Интересы двух держав, соперничающих за международное влияние, расходятся. Они могут договариваться с целью обеспеченья мира, но не могут быть союзниками и должны быть каждая «на стороже».

Обращаясь к тем движениям, которые происходят в С.Ш.А , следует отметить, что, сохраняя традиционную свободу частной инициативы, впротивовес государственной регламентации всей экономической системы в Советском союзе, С.Ш.А. обеспечили населению максимальное благополучие. «Пролетариат» по названию, т.е. промышленные рабочие в С.Ш.А. совершенно не похожи на тех плохо оплачиваемых рабочих, которых социализм должен был спасти от эксплоатации предпринимателями. Юнионы рабочих в С.Ш.А. представляют собою мощные союзы, обладающие большим влиянием и в экономической, и в политической жизни страны. При этом юнионы ведут большею частью неза-

висимую один от другого политику, сосредоточивая свою деятельность на обслуживаньи прежде всего интересов своих членов: горнорабочих, грузчиков, транспортников. Не исключается возможность, что стачки рабочих, напр., грузчиков, или рабочих транспорта вызывают сокращение или даже приостановку работ других предприятий и т.о. лишают заработков других «пролетариев», не говоря об еще более важных интересах самого государства.

Помимо благосостояния трудящихся, существующая в С.Ш.А. демократическая организация создала возможность для государства создать прекрасную систему обеспеченья старости, поддержки безработных и пенсионеров, и, в последнее время, медицинской помощи за счет государства.

Советский союз далеко отстал со своим «социализмом» от тех видов широкой помощи, которую действительно, и не только на бумаге, оказывают населению и трудящимся «буржуазные» С.Ш.А. Не менее значительным преимуществом С.Ш.А. являются и те политические свободы, которые вообще характеризуют демократическую систему: свободу печати, свободу слова, митингов, собраний. Никто из граждан С.Ш.А. не может себе представить, чтобы правительство преследовало тех, кто смеет думать иначе чем думают члены правительства и чтобы контроль над мыслями доходил до того, чтобы преследованья начинались даже раньше чем «вредные мысли» находят свое выражение а не просто подозреваются.

В С.Ш.А. не существует ни сплоченной «буржуазии», ни сплоченного пролетариата. В С.Ш.А. государство не эксплоатирует промышленных рабочих, и нет в них прикованных к колхозам крестьян, напоминающих «государственных» крестьян дореформенной России. Правительство С.Ш.А. не представляет к. н. одной классовой части населения.

В С.Ш.А. поянтия «пролетариата» и «буржуазии», как двух враждебных классов, утратило свое значение. При наличии высокой оплаты труда происходит расслоение и одного, и другого класса. Некоторые группы предпринимателей с небольшими капиталами и мелкого характера предприятими, обслуживают население пригородов, создают удачно или неудачно работающие небольшого масштаба торговые заведения, столовые, места развлечений, или занимаются строительством и разным видами специальных слесарных, плотничных, литейных и малярных работ. При таких условиях, создаются сложные взаимо-образные интерсы и соотношения. Одна группа нуждается в сотрудничестве другой, среднего, мелкого и даже единоличного характера.

Для понимания общественного строя и взаимоотношений в

С.Ш.А. небесполезно напомнить, что современное американское общество чрезвычайно пестро: оно составилось не только из коренных американцев, но также и из иммигрантов различных национальностей, различных вероисповедании и культуры вообще, выходцев почти из всех европейских стран и многих стран Азии, особенно — Китая и Японии. Каждая из этих групп ценит возможность сохранять свой язык, веру и даже любовь к своей родине. Но еще больше ценит каждая из них то, из за чего она покидала родину: возможность сохранить свободу, религию, язык и обладать возможность обеспечить свою жизнь и дать образование детям, которые, нередко, если не в первом, то во втором поколении теряют черты происхождения своих родителей и их предков.

Страна с таким разнообразием ее племенного состава и с прочными демократическими традициями не может стать диктатурой какой нибудь одной партии. В стадии сверхкапитализма стали обнаруживаться тенденции, которых Маркс не предугадал. Он был прав, указав на тенденцию укрупнения промышленных предприятий и его форму — поглощение крупными более мелких и экономически более слабых. Но он не был психологом, не учитывал сложности крупного хозяйства и сложности управления грандиозными концернами, вследствие которой контроль переходит к специальным концернам финансового характера. Конкуренция сохраняется, но объединение содействует развитию к каждого отдельного предприятия. Нередко происходит и обратный процесс: очень крупные компании стремятся освободиться от производства к.л. мелких нужных им товаров и поддерживает для этого предприятия более млкого калибра, но специальные по задачам производства, в области которого эти предприятия добиваются и лучшего качества, и удешевления.

Сверхкапитализм оказался не каким то чудовщным орудием эксплоатации, а мощным двигателем экономического прогресса страны и вовсе не предвестником социализма, а проводником гуманного социального законодательства и организацией общественных учреждений благотворительного и культурного характера. Таким, напр., является Фонд им. Форда, основателя автомобильной промышленности, в С.Ш.А. Г. Форда, потомок его Генри Форд II-ой, продолжает следовать своему деду, уделяя значительные суммы на цели большого общественного значения.

При существующей системе организации народного хозяйства и демократической системе управления страной, правительство С.Ш.А. не может объединить всю хозяйственную деятельность и все население общим планом и одним и те же сверху установленным режимом. Сохраняются все различия отдельных групп

населения; происходит конкуренция между предприятиями; расходятся интересы разных групп населения и разных видов предприятий. Тем не менее, народное хозяйство успешно развивается; население проявляет много инициативы, не всегда достигая успеха, но, в конечном результате, страна выигрывает.

Что же способствует успеху такой «как бы неупорядоченной» системы? Происходит это, оттого что интересы населения различны, но они объединяются общим интересом, стоящим выше частных, а именно — интересом государства, в существовании и мощи которого все группы населения заинтересованы. Каждый юнион представляет собой объединение трудящихся на основе общих интересов всех его членов. Их объединяет чувство *солидарности.* Государство не вмешивается в деятельность каждой отдельной организации, но если между разными группами возникает конфликт, который они своими силами не могут устранить, государство принимает на себя роль посредника. Демократическое государство тем сильнее, чем более тесно связано оно со всеми значительными группами и организациями. Промышленность сама себя организует, объединяя однообразные предприятия, когда это представляет выгоды, Входят в соглашения и разные виды предприятий, промышленных, торговых, кредитных, транспортных и этими соглашениями упорядочивают свою работу и обслуживанье страны.

Результатами такой системы в С.Ш.А. является технический прогресс, повышение производительности, постоянные улучшения, повышение заработной платы, а в тех случаях, когда это не удается, вследствие обострения расходящихся интересов, государство примиряет эти интересы, сдерживает производство или, наоборот, содействует подъему, которого предприятия не могут достигнуть без его поддержки. Государство этого типа можно назвать «корпоративным», как теперь часто называют организацию промышленности в виде сосуществования ряда крупных независимых одно от другого объединений, согласующих свои интерсы самостоятельно или при посредстве государства. Роль государства заключается всегда, в соответствии его главной функции оберегать интересы нации, путем согласования расходящихся интересов отдельных групп, примирением их в интересах нации в ее целом.

— — —

Нововведения в области права начались в двадцатом веке разными отступлениями от принципов римского права, выражавшихся в форме ограничения прав отдельных лиц и расширении сферы деятельности и прав государства. Собственники земель,

домов и промышленных предприятий уже не так свободны, как они были бы на основе римского принципа (jus uti et abuti) предоставлявшего право пользоваться любым способом. Права государства и органов самоуправления расширялись. Устанавливались разного рода ограничения и обязанности в интересах соседей, города или самого государства. Законы этого рода включались в собрание тех актов, которые носили название административных и, соответственно, курсы административного права необычайно расширились. Печатные курсы этого рода представляли собой уже лет 25-30 тому назад большие тома.

Применяя общепринятые термины, можно охарактеризовать происходившие и происходящие перемены, как вытеснение частного права правом публичным. Расширение сферы публичного права за счет частного было настолько разительно, что возник вопрос, не пришел ли конец разделению права на эти два вида его. Один из видных юристов нашего времени, Ганс Кельсен, признал такое различие ошибочным. По его мнению все области права являются отраслями публичного права. Нет основания предполагать, что этот видный ученый приспособлялся к духу времени. Его специальностью было право публичное и, как публицист по специальности, Кельсен не замечал, как важно то разделение права на частное и публичное, которое установили римские юристы. Тонкое понимание ими всех оттенков частного права, его гибкости, позволяющей разного рода интерпретации и приспособления к развивающийся и осложняющейся экономической деятельности и осложнениям общественной жизни, дало им возможность оставить незаменимое по ценности наследство, именуемое исторически «римским правом», но в действительности не чистым римским правом, а приспособленным к условиям современной жизни. Это наследство служило и служит до сих пор развитию юридической мысли, умению пользоваться разного рода понятиями, определениями, толкованиями и терминами. Частное право открывает человеку свободу действий и соглашений. Частное право это право самоопределения в области распоряжения имуществом, заключения сделок и договоров, — сесемейного права и назначения наследников ... Публичное право, применяемое с возможной точностью почти не допускает толкования, во всяком случае толкования распространительного,[7] так как иначе власти могут бы приписывать себе новые права и возлагать на граждан новые не указанные в законе обязанности, а равно-расширять разного рода ограничения. Публичное право-

[7]Во Введении к Герм. Гр. Улгрению распространительного толкование публично-правовых норм было определенно запрещено.

характеризуется существованием власти и подчинения. Частное — наличием у граждан прав, лишь в некотором отношении ограниченных в интересах государства и общества, а потому частное право является основой свободы человека, живущего в обществе и самым сильным стимулом к предприимчивости и творчеству.

Советское право пользуется *терминологией.* частного права. В С.С.С.Р. существует «Гражданский кодекс», но в этом кодексе вытравлено все то, что могло сохранить гражданам право свободно распоряжаться тем, что может обеспечить доход, что позволяет стать хозяином в области производства и обмена. В С.Ш.А. частное право, наоборот, сохраняется и защищается в полном объеме. Демократичность власти не позволяет подчинить граждан неограниченному контролю государства. Наоборот, власти контролируются свободой слова, собраний и печати, а свобода имущественная поощряет инициативу, риск и творчество.

Говоря о советском праве, нельзя без оговорок применять обычные термины. Ленин правильно говорил: «у нас нет частного прав, у нас все право публичное». Гражданский кодекс так же, как и конституция С.С.С.Р., условен. Все права граждан признаются постольку, посколку режим их терпит и поскольку пользованье ими не может сделать советского гражданина независимым от государства. Но и публичное право понимается в Советском союзе не так, как его понимает теория права современного демократического государства. Слова Ленина: «у нас все право публичное» — означают полное господство государства именно того типа, который имел в виду Ленин — по изванию, государство «пролетарской диктатуры» а по его действительности государство коммунистической партии. Партия распоряжается всем достоянием народа так, как распоряжается хозяин своего имения. Оно устанавливает цели своего существования и, сообразно установленным целям, напр. превосходства вооружения, расходует доходы страны. Оно устанавливает размеры заработной платы и систему вознаграждения крестьян, оклады высших чинов и размеры и формы вознаграждения коммунистических лидеров. Руководители коммунистической партии не имеют над собой контроля: они полные хозяева «пролетарского государства».

В демократическом государстве *публичное право это совокупность обязанностей,* как граждан по отношению к государству, так и правительства по отношению к населению и стране. Правительство и его агенты, в соответствии с положением по должности, ответственны перед избирателями и присягают на верность государству. В С.Ш.А. конституция в её преамбуле подчеркнула значение объединенного государства для всех его

граждан. Государство обеспечивает теперь граждан в старости и болезни, помогает им во время безработицы. Это государство не грозный контролер, а ревностный опекун. Между тем практика последнего десятилетия, как она находила свое выражение в решениях Верховного Суда, подчеркивала другую тенденцию — внимание *к отдельной личности в бо́льшей степени чем внимание к прогности власти.* Мягкое отношение к авндализму анти-государственных элементов вредит всем. Все, что причиняет вред государству, вредит и гражданам, пользующимся многими благодеяниями современного культурного государства и его «социального» законодательства.

Борьба с ненормальными явлениями последних лет может быть профилактической карательной и воспитательной. Именно эта последняя и имеется в виду автором настоящей статьи. Молодежь должна быть воспитываема в понимании сущности современного демократического государства, государства, в котором демократичность выражается не только в его системе выборных правительственных органов, но и в его социальных мероприятиях, в системе «социального обеспеченья» «медикэр» и др. К этого рода деятельности необходимо привлекать и все общественные организации и крупные предприятия.

В современном «корпоративном» государстве широко проявляется психология «общественной солидарности». Государство становится верховной силой, которая может примирять сталкивающиеся интересы. Это неизбежно в стране со столь разнообразыми группами населенияе, и столь многочисленными интересами разного рода, как в С.Ш.А. Но здесь еще *слишком переоценивается частно-правовой строй и недостаточно ясно и правильно освещается публично-правовой* характер современного государства.

В Советском союзе, наоборот, граждане лишаются тех частноправовых свобод, которые дают возможность каждой личности найти и осуществить свое природное влечение и свои индивидуальные способности. Коммунистическое государство не объединяет общественные группы, а разъединяет их, ставя каждую в зависимость от государства. Психология солидарности не соответствует тенденциям коммунистических лидеров господствовать над всем населением и подчинить всех и каждого единой вере в Маркса и Ленина, и в непогрешимость «политбюро».

В советском государстве доводится до крайности принцип публично-правовой централизации, с устаревшим для временной политической культуры абсолютностью высшей власти, а в С.Ш.А., вопреки нуждам теперешнего переходного времени, преобладает индивидуалистическое понимание конституции и за-

бывается то понимание значения «объединенного» государства, которое выражено в преамбуле Конституции почти двести лет тому назад. Изменения системы права выражаются либо в толковании, приспособленном к духу времени, либо в порядке законодательства под давлением общественного мнения. В Советском союзе общественное мнение лишено свободы его выражения, но оно проявляется в форме брожения восстаний и, в конце концов, революции, если власти упорно не идут навстречу обществу. В С.Ш.А. — перемены могут происходить и без вмешательства властей. Так, напр., сотрудничество общественных групп вполне здесь возможно. Но власти, со своей стороны могут способствовать консолидации интересов. В период подготовки законопроектов для представления их в Конгресс, правительственные учреждения могли бы приглашать представителей разных заинтересованных групп, чтоб разъяснить их представителям точку зрения и цели правительственного проекта и узнать отношение и аргументы заинтересованных сторон, раньше чем это будут делать «лоббиисты» в коридорах Капитола в Вашингтоне.

Не менее существенно было бы влияние науки, если бы в высших учебных заведениях, особенно тех, в которых преподаются юриспруденция или политические науки, были бы введены курсы «политики права», т.е. науки, разъясняющие психологическое воздействие действующего права на поведение людей, указывающие на различие и сравнительное превосходство одних систем права по сравнению с другой или другими, в зависимости от особенностей эпохи и нужд времени. В настоящее время юридическое образование в С.Ш.А., за исключением немногих школ, носит чисто профессиональный характер, без знакомства с философией права, — подготовляя адвокатов и судей к их практической деятельности и не разъясняя им значения права, как фактора поведения и воспитания. Недостаточно, повидимому, разъяснется и значение государства в наше время, когда современная реорганизация общества, возникновение крупных концернов и могущественных юнионов требуют наличия примиряющего интересы разных групп государства, а не равнодушного наблюдения за их соперничеством или за закулисными влиянимя.

Нормальный процесс развития обеспечен в С.Ш.А. более чем где нибудь уже существующей практикой договоров между юнионами и предпринимателями. В Советском союзе нет нужных клапанов в котлах, в которых накапливается недовольство. Многие группы пользуются привилегиями. Многие преданы государству по патриотическим мотивам, как нап., офицерство,

всегда ищущее военного превосходства; или — ученые, которых удовлетворяет их работа, связанная с творческими порывами и отвечающая нуждам страны. Но... если в низах накапливается раздражение и ненависть к существующему строю, их настроения не остаются без последствий.

Resume of the article

"COMMUNISM AND SUPERCAPITALISM IN THE MIRROR OF LAW"

The U.S.A. and the U.S.S.R. are two great countries where economic similarities and vast legal and social differences in their systems are presented in a most striking manner. Both are powerful industrial empires with rich resources and multinational population, but their social trends are utterly dissimilar being based, in the case of the United States, on the Preamble to the Constitution, and with regard to the Soviet Union on the marxist revolutionary doctrine.

The author of the article reminds us that the tendency of the increasing significance of public law at the expense of private law has been becoming more and more evident since the beginning of the 20-th century. The socialist doctrine, as the ideology supported by the revolutionary bent of marxism, coupled with the practical needs and trials of World War I, brought forth the socialist revolution in Russia with almost the whole economic life of the country coming under the state control and promoting a social experiment on a coutry-wide scale.*

In the United States the tradition of individualism, nurtured by the principles embedded in the constitution, continue to survive. Yet even here the role of the state is gradually growing and widening. The author reminds us that the first points of the Preamble, emphasizing the significance of the "UNION", demand a careful application of the laws and regulations protecting individualistic trends.

The author sets forth the characteristics of the peculiarities of both systems and their possible evolution under the pressure of social movements and forces both in the U.S.S.R. and the United States.

---

*For more details see G. C. Guins, *Soviet Law and Soviet Society* (The Hague: M. Nijhoff, 1954) and his *Communism on the Decline* (The Hague: M. Nijhoff, 1956).

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ XIX ВЕКА

*By Eugene Spectorsky**

«Не дремлют времена — писал блаженный Августин, — но производят в умах удивительное действие». Проявляется это действие в том, что мы осмысливаем дела давно минувших дней и извлекаем из них уроки, благодаря которым история не напрасно считается учительницею жизни. Чему же нас учит история XIX столетия? По таким его плодам можно судить о нем теперь, спустя полвека?

Главною особенностью культуры этого столетия было сочитание безпримерного подъема техники со столь же безпримерным упадком этики. Технократия убила этократию.

У техники и этики общим является признание человеческой свободы. Техника немыслима без преодоления сопротивления материала творческим актом свободного человека, заставляющего косную стихитю служить ему. Равным образом этика возможна только в том случае, когда мы признаем свободу человека, то есть возможность выбирать добро или зло и нести ответственность за выбор. Где свобода, там и цели, которые себе ставит человек. Но здесь начинается возможность расхождения между этикою и техникою. Техника готова служить всяким целям. А этика признает только такие цели, которые соответствуют нравственному долженствованию. Там чистая и безприципная телеология. А здесь контролирующая цели и сдерживающая деонтология.

И вот в XIX веке техника стала совершенствоваться с необычайною силою и славою. Так, например, в начале века, как заметил Зомбарт, средства передвижения оставались в сущности такими же первобытными, как и за тысячилетия до этого: конская тяга считалась верхом достигнутых успехов. А спустя сто лет стали совершаться молниеносные перелеты. И вообще востор-

*EUGENE SPECTORSKY (d. 1951) was Rector of Kiev University and Professor of Law at the Universities of Prague, Belgrade, and Lubliana.

жествовал такой техницизм, что, как заметил тот же Зомбарт, ту нетронутую человеком природу, возврат к которой — проповедовал Руссо, уже можно найти только в искусственно оберегаемых заповедниках вроде Иеллоустонского парка. Сейчас перед техникою открываются совершенно головокружительные возможности. И современный «человек мастер», homo faber, начинает не на шутку считать себя владыкою не только нашей провинциальной планеты, но всей вселенной. Ну а Этика?

В первые десятилетия прошлого века еще процветала ее первая предпосылка, а именно вера в свободу как духовную, так и общественную, или либерализм — слово тогда же придуманное в Испании. О свободе Шатобриан писал, что ее любит даже самый темный человек Ею увлекалась молодежь. За нее умирали на баррикадах. Бенжамен Констан истолковал христианство как «огромную свободу». Шеллинг уверял, что «свобода это альфа и омега всей философии». Виктор Гюро объявил, что романтизм — это либерализм в литературе. Юристы, государствоведы, экономисты восславляли свободу.

Но одновременно с этим идея свободы стала все более и более вытесняться возрождением того старинного учения, которое в XVII веке весьма настойчиво провозгласил Спиноза: у человека нет никакой свободы, потому что он не более как «частица природы», — «духовный автомат», полностью подчиненный естественной необходимости. Внешние и телесные условия душевной жизни и духовной деятельности человека были превращены в причины, безусловно детерминирующие и эту жизнь и эту деятельность. Мнимо свободную волю человека Шопенгауэр без остатка растворил в какой то мировой воле, стихийной, слепой, не ведающей, что она творит. Огюст Конт подчинил человека законам, но не в смысле заповедей, предписывающих должное, а в смысле формул, описывающих действие природных стихий на человека. Это же действие проявляется в том, что «самые благородные явления всюду подчиняются самым грубым». И вот в XIX веке начался подрыв той многовековой этической традиции, которой несмотря на легкомысленное материалистическое озорство еще оставалась верна философия XVIII века, провозгласившая и отстаивавшая священные права человеческой личности, не только гражданские, но и духовные.

Кант различал две антропологии, то есть науки о человеке: одна учит о том, что человек делает из природы, другая — что природа делает из человека. Так вот властители дум XIX века признали только вторую антропологию. Сообразно с этим началась деградация всего, чем человек превышает материальные стихии. Все духовное в нем стали сводить к душевному, душевное

к телесному, телесное к биологии, биологию к химии, химию к физике и механике. В результате получилось данное Ле Дантеком определение человека: «механизм, состоящий из механизмов, в свою очередь состоящих из механизмов». Тен заявил, что добродетели и пороки это такие же выделения, как желчь и сахар. При этом он не считался с тем, что желчь и сахар это продукты, которые можно видеть, осязать, обонять, измерять на весах, тогда как с добродетелями этого никак нельзя сделать. Даже художники отвергли великое моральное призвание святого искусства и поддались натурализму. Зола старался подогнать свое творчество под биологическое учение о наследственности, предопределяющей характер и поведение людей. Бодлер украсил зло цветами, а Оскар Уайлд заявил, что понятие добра и зла существует только у людей, лишенных всяких других понятий. В связи с натуралистическим умонастроением появилась «психология без души», заменившая сознательное «я» безсознательным «оно». Все же содержание этого «оно» Фрейд свел к похоти, достигающей апогея в «комплексе Эдипа», то есть в неудержимой потребности убить отца и изнасиловать родную мать, потребности, которые якобы проявляются чуть не у всех людей и притом уже в младенчестве. Достойным дополнением такого решения загадки единичного человека оказалось решение загадки общества, этого, как уверял Карлейль, «чуда из чудес». Появилась новая наука социология или, как предпочитал называть ее О. Конт, социальная физика. Ей была поставлена задача — открыть такие естественные законы и естественные же «факторы» человеческого общежития, которые исключают свободу и личную ответственность человека. Человека вообще забыли: все «правила социологического метода» Дюркгейм свел к изучению каких-то «социальных вещей». Хотя Ницше и предупредил, что без оценки пуст орех бытия, устранили из всех общественных наук какие бы то ни было оценки, исходящие из долженствования. Слово «ценность» было усвоено и присвоено натуралистическою экономикою, сблизившею ее с ценою товаров, оборот которых был подчинен формуле «деньги — товар — деньги», причем в предисловии к «Капиталу» Маркс торжественно заявил, что человеческая личность это ничто. И так называемая трудовая теория превратила рабочего из живого человека в силу оцениваемую механическою работою, которая им производится.

Правоведение утратило данный ему римскими юристами смысл «познания божественных и человеческих вещей, науки о справедливом и несправедливом» и было переработано в духе натуралистического социологизма. Так называемое естественное право, то есть вечная и непреложная правда, было высмеяно и

изгнано из правовой теории и практики. Иеллинек согласился только на «этический минимум» в праве. Иеринг же превратил субъективное право из закономерной свободы в интерес, а объективное право — в политику государственной власти. Так получилось то, чего опасался Паскаль: вместо того, чтобы усилить правду, оправдали силу. И, как выразился Нельсон, правоведение оказалось без права. Криминалисты не устояли перед натуралистическою криминологиею, отрицающею не только злодеяния, но и всякие вообще деяния, провозгласившею устами Гарофало и Дюркгейма преступность вполне нормальным явлением и возложившею ответственность за нее на общественную среду или, вслед за Ломброзо, на строение челюсти и лицевого угла у человека. Таким образом, как недоумевал Достоевский, гуманную формулу «виновен, но несчстен», заменили апофеозом безответственности: «убил, но не виновен». Надо ли удивляться, что когда после первой мировой войны в Харбине, бывшем тогда под властью китайцев, открыли русский юридический факультет, то правительство назначило преподавателем философии права китайского юриста, объясняя это тем, что у европейцев утрачено ясное понятие о справедливости. Не следует удивляться и тому, что когда тоже в XX веке с большою помпою был провозглашен Келлогов пакт, поставивший войну вне закона, то это оказалось не более как реторическим упражнением, ибо исчезла вера в такие надгосударственные законы, перед которыми когда то трепетали даже злодеи.

Как же было понято то государство, которому юристы не задумываясь передали все право? В начале столетия еще находили возможным связывать его с гением христианства и уподоблять его кораблю с якорем на небесах. А госпожа Сталь называла политику поэтическим занятием. Но иллюзия скоро разсеялась. Ренан отверг возможность объективного государствоведения и заменял его субъективными диалогами с одинаково сомнительным правом на так называемую истину. Бастиа определил государство как «великию фикцию, при посредстве которой все хотят жить на счет всех». Английский ученый Остин разъяснил, что в государстве одни приказывают, а другие повинуются, причем нет никаких высших норм, направляющих и сдерживающих усмотрение властвующих. Немецкие государствоведы с Лабандом и Иеллинком во главе объявили, что только носители публичной власти компетентны установить собственную компетенцию и посему свободны от какого бы то ни было контроля. Кельсен назвал эту компетенцию пранормою, то есть основным правилом государственного порядка, исключающим какие бы то ни было высшие нормы. Таким образом с полным

пренебрежением ко всякого рода конституционным гарантиям наиболее авторитетные государствоведы XIX века устранили принципиальную разницу между самодержавием суверенной власти и самодурством. И Гегель провозгласил такое государство земным божеством, которое в своем шествии топчет иные нежные цветочки. А тут еще социологи наложили свою тяжелую руку на понятие государства. Парето и Михельс подчинили внутреннюю политику «железному закону анархии». А Гумплович перенес на внешнюю политику формулу Спинозы о больших и малых рыбах и провозгласил ее единственным законом, что большие государства поглащают малые и в свою очередь поглащаются еще большими. Когда мадъярский ученый Этвеш заменил в трехчленной французской формуле братство народностью, то, предваряя расизм, Гумплович свел ее к такой «борьбе рас», что поэт Грильпарцель счел необходимым предостеречь от перехода «от гуманности через национальность к бестиальности».

Так постепенно, но чрезвычайно последовательно угашался дух, а вместе с ним подрывалась вера в способность человека к творчеству и ответственности. Такой теории вопиющим образом противоречила практика, особенно успехи технологии. Эти успехи слишком очевидно свидетельствовали, что человек это совсем не покорный раб безсознательной и безсмысленной стихии, а напротив, свободное существо, успешно стремящееся сделать природу своим рабом, работающим за него и для него; поэтому возникла даже «кибернатика», наука об управлении природою. Но с этим противоречием не считались. Требуя от интеллигентного, то есть буквально, понимающего человека, чтобы он отрекся от духовной свободы, с него в виде компенсации снимали нравственную ответственность за его поведение. Эту ответственность полностью возложили на естество. И чтобы окончательно избавить человека от какой бы то ни было тревоги, проповедники натурализма стали убаюкивать его сознание и совесть учением о том, что без всякого участия человеческой воли совершается такой прогресс, который неизбежно ведет к грядущему золотому веку и всяческому совершенству. При этом, не довольствуясь общими обещаниями, авторитетные обществоведы имели неосторожность рисовать и подробности. О. Конт и Спенсер заявили от имени позитивной науки, что военный тип общества отходит в безвозвратное прошлое, уступая место промышленному типу, исключающему какие бы то ни было войны. Дюркгейм уверял, что сама собою совершенно исчезнет преступность. Маркс и Энгельс утверждали, что нас ожидает бесклассовое общество и государство совершенно исчезнет, так что придется присоединить

все его внешние аттрибуты к каменными стрелам и тому подобным первобытным орудиям, хранящимся в музеях. И Ленин в 1905 году обещал, что при социалистическом строе «будет свободная литература».

Такова была идеология, преобладавшая в XIX веке. Конечно далеко не все служители духа совершали тогда такое, как выразился Бенда, предательство, вдохновившее Роденова «Мыслителя» этого рослого детину с чудовищными мускулами и низким лбом. Неоднократно раздавались иные голоса, отстаивавшие вечные и непреложные духовные ценности и не соглашавшиеся видеть в человеке только прах земной без образа и подобия Божия. В частности в России не сдались наши великие писатели, или такие правоведы как Б. Н. Чичерин, П. И. Новгородцев, кн. Е. Н. Трубецкой, или такие философы как Н. О. Лосский и Владимир Соловьев, который однако не напрасно дал одной из своих лучших книг апологическое заглавие «Оправдание добра». Не было недостатка и в зловещих предостережениях о катастрофе, к которой вело такое умонастроение. Достоевский уже в семидесятых годах предупреждал: «да она накануне падения ваша Европа, повсеместного, общего и ужасного»; «все подкопано и, может быть, завтра же рухнет безследно на веки веков». Владимир Соловьев писал в 1900 году: «магистраль всеобщей истории пришла к концу. Кончено все. Христианства нет; идей не больше, чем в эпоху троянской войны; только тогда были молодые богатыри, а теперь старички идут». И прислушиваясь к гулу «мирового оркестра», Блок слышал в «порыве мирового ветра» жуткие слова: «горькой доле много лет». Но, все эти предостережения делались втуне и заглушались самодовольным прославлением достижений культуры XIX века, катившейся по столбовой дороге техники без этики.

Она докатилась до нашего столетия. И оно стало пожинать плоды того, что сеялось целых столет. Начались катастрофы, совершенно уничтожившие оптимым теории прогресса: промышленность стала военною и начались войны по своей жестокости и опстошительности безконечно превзошедшие наивные столкновения прежних веков. Отправляясь на войну в августе 1914 года, Пегюи писал: «мы идем за всеобщее разоружение и за последнюю войну». В сентябре он был убит пулею, попавшею в его лоб. А в 1940 году неприятельская бомба попала в висок памятника, поставленного ему в Орлеане. Преступность не только не ослаблела, но напротив усилилась, причем вооружилась самоновейшими техническими изобретениями. И вместо того, чтобы исчезнуть, государство в целом ряде стран стало свирепо тоталитарным. Все иллюзии XIX века были потеряны. Прежние

ожидания от науки «великія и богатыя милости» сменились страхом перед нею, ибо через технику, свободную от этики, она служит не созиданию, а разрушению. Натуралистический детерминизм разнуздал темного гада, копошащегося в подполь человеческой души. Люди озверели и часто совершают злодеяния, на которые прежде не решались даже варвары. Среди тех, которые еще не утратили способность к рефлексии все чаще и чаще раздается «насмешка горькая обманутого сына над промотавшимся отцом». Стали появляться книги с меланхолическими заглавиями: «Европа без мира» (Нитти), «Закат Запада» (Шпенглер): «Агония христианства» (Унамуно). А после второй мировой войны Мориак писал, правда с вопросительным знаком: «нет больше Европы».

Что же будет дальше? Нам не дано знать, что день грядущий нам готовит. Но мы и можем и должны точно знать, что мы готовим дню грядушему. И вот если мы будем продолжать думать и действовать в духе той традиции XIX века, которая поощряла технику и убивала этику, то мы собственными руками уничтожим всю цивилизацию. Если бы будем безучастны, то нам остается только пассивно ожидать потопа без Ноева ковчега. Но если мы найдем в себе силы сбросить натуралистическое наваждение прошлого века, то наше сознание и совесть обретут побуждение к творческому и плодотворному действительно прогрессивному познанию и деланию, водимым верою в непререкаемые и вечные духовные ценности. К счастью есть признаки, что именно к этому, хотя пока еще неверными шагами уже идут наиболее вдумчивые служители духа, не исключая даже ученых физиков. Они все более и более демонтируют все построения натурализма и снимают с науки покрытый ржавчиною колпак метафизики XIX века. Но пока по крайней мере это еще не влияет на менее изысканные умы. В разгаре современной техники американский ученый Осборн предупредил, что начинают истощаться материальные рессурсы нашей планеты и что их надо беречь. И в августе 1949 года Объединенные Нации собрали международную конференцию на предмет сохранения этих рессуров. Ну а как обстоит дело с духовными рессурсами?

IV. ASSOCIATION NEWS

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ ГОДОВЩИНЫ

Из жизни Русской Академической Группы в С.Ш.А.

К 85-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА А. А. БОГОЛЕПОВА

Правление РАГ приветствовало проф. А. А. Боголепова по случаю исполнившегося в 1971 г. его 85-летия. Сожалея о том, что он ввиду своего возраста еще в 1970 г. отказался выставить свою кандидатуру на предстоявших выборах, правление выразило ему благодарность за его успешную пятилетнюю деятельность в качестве председателя РАГ, при котором завершилась давнишняя работа правления по подготовке издания научных Записок РАГ. Вместе с тем правление высказало пожелание Александру Александровичу всякого благополучия и дальнейших успехов в его научной деятельности.

Как уже было сообщено в IV томе Записок в виду заслуг А. А. Боголепова общее собрание РАГ в 1970 г. избрало его почетным членом Русской Академической Группы в С.Ш.А.

Правление

О РУССКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

По поводу исполнившегося в этом году 85-летия проф. А. А. Боголепова хочу сказать несколко слов. Проф. Боголепов дорог и ценен людям, чтущим и старающимся сохранить традиции русской культуры, как представитель и носитель ряда особенно ценных черт прежней русской академической традиции: стремление к вдумчивому и возможно объективному изучению научных данных при уважении к чужим убеждениям и широкой терпимости к чужим взглядам, поскольку авторы стремятся к добросовестному и честному исследованию фактов и преднамеренно не искажают их в духе извне приносимой в научную работу предвзятой нетерпимости. Ошибки и заблуждения исследователей возможны и часто неизбежны; главное чтобы было честное стремление к возможно объективному и добросовестному изучению и освещению данных. Этот дух характерен для русской академической традиции и воплощен например в таких исследователях русской старины, как Ф. Буслаев, Тихонравов, историк инокописи Кондаков, в таких историках как С. Соловьев, Бестужев, Ключевский,

Платонов, в таких исследователях истории человеческой мысли и убеждения как Лопатин, бр. Трубецкие. П. И. Новгорлдцев, в таких исследователях всеобщей истории и свемирной литературы как Герье, Гревс, П. Г. Виноградов, Д. И. Петрушевский, бр. Веселовские, испанист Петров, в таких историках церкви как Болотов, Каптерев, Тураев, в таких знатоках древних Отцов Церкви как И. В. Попов (автор знаменитой книге о бл. Августине) и как многие и многие другие. Хорошо, когда иногда мы почувствуем веяние их духа, исполненного истинного свободолюбия и служения Правде и Добру.

Николай Арсеньев

ФЕДОР ПАРФЕНТЬЕВИЧ БОГАТЫРЧУК

Ф. П. Богатырчук родился 14-го декабря 1892 г. в Киеве, в 1916 г. окончил медицинский факультет киевского университета св. Владимира. В 1919 г. начал работать в качестве рентгенолога в разных больницах города Киева. В 1924 г. был приглашен заведовать рентгеновским отделением в бывшей больнице для чернорабочих, которая несколько лет спустя реорганизуется во второй Медицинский Институт. В 1925 г. получил разрешение за свой счет поехать в Германию и Австрию для усовершенствования в своей специальности. В 1926 г. возвратился в Киев и стал принимать деятельное участие в организации медицинского института на базе больницы. Когда второй Медицинский И-т был основан начал читать в нем курс рентгенологии, сначала в качестве лектора а с 1930 г. в качестве доцента послеутверждения в этом звании Комитетом по делам Высшей Школы. В том же 1930 г. получил звание кандидата медицинских наук, а в 1940 г. защитил диссертацию на степень доктора медицинских наук на тему: «Макро и Микрорентгенография при Экспериментальных Вазографических Исследованях». В Киеве, вскоре оккупированном немцами, был избран председателем Украинского Красного Креста. Активная деятельность проф. Богатырчука на пользу голодающих и военнопленных пришлась не по вкусу немцам и они распустили Красный Крест, арестовав всю его администрацию во главе с проф. Богатырчуком. Однако вскоре его выпустили на свободу и разрешили занять место директора Института Экспериментальной Медицины. Через два года проф. Богатырчук вместе с семьей эвакуируется в Польшу и еще через год в Германию, где попадает в центр организующейся борьбы с большевизмом. Он встречается в Берлине с генералом А. А. Власовым и принимает его предложение вступить в освободительное движение народов России. В ноябре 1944 г. проф. Богатырчук избирается членом президиума Комитета Освобождения Народов России и на торжественном заседании в Праге подписывает Манифест Комитета.

В 1949 г. проф. Богатырчук эмигрирует в Канаду и после 10 лет перерыва вновь возвращается к научной и педагогической работе. Он назначается профессором при кафедре Анатомии Оттавского у-а, ведет преподавание рентгеновской анатомии и работает в области изучения процесса старения костей. Для этих исследований Ф. Богатырчук предложил и разработал метод комбинированного применения лучей Рентгена и гистологии недекальцифицированной кости. О применении этого метода Ф. Богатырчуком написано 24 работы. Одна из них «Стареющий Позвоночник» удостоилась медали и приза имени Барклая, присужденного обществом

Британских Рентгенологов. Всего Ф. Богатырчуком было опубликовано 40 работ. Одна из них монография на темы микровазографии.

Проф. Богатырчук избран почетным членом Канадского Общества Рентгенологов и состоит членом многих научных обществ в С.Ш.А., Канаде и Англии. С 1960 г. он член Русской Академической Группы в С.Ш.А.

По приезде на этот континент Ф. Богатырчук наряду с научной и преподавательской деятельностью продолжает принимать активное участие в борьбе за свободную Россию.

В июле 1970 г. Федор Парфентьевич ушел в отставку. Он надеется теперь посвятить все свое время тому, чтобы закончить исследования по тем темам, которые были им затронуты в последние годы. Для этой цели Оттавский У-т организовал для него лабораторию при университетском госпитале, где он продолжает работать.

До эмиграции проф. Богатырчук посвящал все то немногое свободное время, которое у него оставалось, шахматам. Он был бессменным чемпионом Киева. Два раз выиграл первые призы на международных турнирах, организованные в Германии после войны. За все эти успехи ему присвоено звание международного мастера. Международная Шахматная организация присвоила ему также звание международного мастера в игре по переписке.

В будущем году исполняется пятидесятилетие педагогической, сорокалетие научной, тридцатилетие политической деятельности проф. Богатырчука. Коллеги и друзья желают ему еще многих лет доброго здоровья и дальнейшей плодотворной деятельности во всех тех областях, в которых он уже добился столь значительных успехов.

Библиография

За время своего пребывания в пределах СССР проф. Богтырчуком было опубликовано много научных статей и учебных пособий для студентов. С 1942 года до настоящего времени была опубликована 31 научная работа, главным образом в области рентгенологии, и кроме того много статей в газетах и журналах на разные другие темы.

ФЕОДОССИЙ АНДРЕЕВИЧ КОССОВИЧ

В текущем году исполнилось 75 летие неизменного казначея РАГ в США и 23 летие пребывания его в этой хлопотливой и отнимающей много свободного времени должности.

По окончании Первого Московского Кадетского корпуса поступил в Михайловское Артиллерийское Училище в Петрограде, которое в числе первых и окончил в 1915 году и был выпущен в 13 Конную батарею при 7 каваллерийской дивизии, в рядах которой он провел всю I Великую войну. В 1919 году поступил в Добровольческую Армию, пробыл в ней до окончания войны и вместе с ней в 1920 году оставил Россию. После годичного пребывания в Галлиполи и двухгодичного в Югославии перебрался в Чехословакию, где в 1928 году окончил Пражский Политехнический Институт со званием инженера-строителя. По получению диплома работал в Словакии в министерстве общественных работ по постройке гидроэлектрических станций. В 9145 году до занятия Братиславы большевиками эвакуировался в Германию, где в 1946 году был приглашен старшим ассистентом и инструктором по водным постройкам в Интернациональный Университет в Мюнхене, где руководил практическими работами студентов

старших курсов и их проэктировкой. В 1949 году переехал в США, где до сих пор работает в качестве инженера-конструктора у частных предпринимательских фирм.

Правление РАГ в США от души желает ему еще много лет успешной и плодотворной деятельности, как по своей специальности, так и на пользу Академической Группы.

К. Б.

КОНСТАНТИН ГАВРИЛОВИЧ БЕЛОУСОВ

В текущем году исполнилось 75 летие и 41 год научной деятельности К. Г. Белоусова. Более подробная био-библиография будет опубликована в следующем номере Записок.

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

ФЕДОР ВАСИЛЬЕВИЧ ВЕРБИЦКИЙ 1881-1971

Окончил Чесниговскую клас. гимназию в 1899 г., в 1904 г. Петербургскую Императорскую Военно-Медицинскую Академию и был оставлен при ней на 3 года для подготовки к преподавтельской деятельности. В 1906 г. защитил диссертацию на ученую степень Доктора Медицины. После чего был командирован за-границу для продолжения научной работы. Работал в Берлинском Бактериологическом И-е, откуда вышли 4 научных труда на немецком языке (Архив фюр Гигиене, 1909 г., № 69). В Парижском Пастеровском И-е выпустил 2 труда на французском языке и во Франкфуртском И-е Экспер. Терапии выпустил 3 работы на нем. языке, в том числе: «Безблефароблястные трипанозомы», цитируемые европеской и американской литературой.

В 1910 г. — приват-доцент Воен.-Мед. Акад., в 1911 г. — экстраординарный профессор Саратовского Университета, в 1914 г. и до Эвакуации ордин. проф. Киевского Университета. С 1945 до 1948 г. проф. и декан Мед. факультета Интерн. Университета в Мюнхене, потом декан Зубоврачебного И-а в Мюнхене. В Югославии с 1929 по 1943 г. Был личным врачем короля Александра Первого и тов. председателя О-а Русских ученых и писателей. С 1949 до смерти в 1971 г. был в Аргентине, с 1951 до 1965 в И-е Микробиологии, отдел «вирусов». Сотрудничал во многих журналах, газетах и публикациях.

Имеет 48 научных трудов по бактериологии, биологии и клинике внутренных болезней.

Со дня приезда в Ю. Америку был действ. членом Русской Академической Группы в США и был в последнее время старейшим ее членом.

ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ МЕЛАНДЕР ФОН ХОЛЬЦАППЕЛЬ 1896-1971

В. А. по окончании Смоленской гимназии поступил на физико-математический факультет Московского у-а, который и закончил в 1918 г. В том же г. получил место преподавателя Педагогического и-а и заведующего Музея в г. Ельна. В 1926 г. был переведен в Смоленск и одно время

был директором музея. С 1930 г. стал главою департамента Зоологии в Педагогическом И-е и в 1938 г. был выбран профессором зоологии, шесть лет состоял деканом естественного отделения этого и-а. Был членом нескольких научных обществ. Опубликовал 18 научных работ, и 6 приготовленных, но не опубликованных статей.

БИБЛИОГРАФИЯ

БОРИС ЛЕОНИДОВИЧ ПАСТЕРНАК
БИБЛИОГРАФИЯ. Н. А. ТРОИЦКИЙ. 1969, Стр. 148

Н. А. Троицкий член Русской Академической Группы в С.Ш.А., бывший Русский Библиограф Корнельского Университета, ныне вышедший на пенсию, является составителем первой научной библиографии о Б. Л. Пастернаке. Библиографические данные включают произведения Б. Пастернака, его переводы, литературу о нем, данные о его архивах участии в редакторстве, его заметки, рецензии, декларации, письма и речи. Все эти данные охватывают напечатанное только на русском языке в России, СССР и заграницей.

Предисловие к книге предпослано на английском языке. В этом предисловии составитель указывает, что абсолютно полных библиографий не бывает, всегда возможны пропуски. В рассматриваемой библиографии это может относится к более ранним периодам, матерьяли которых здесь на Западе часто отсутствуют. Кроме данная библиография является выборочной и ряд рецензий, отзывов, статей, просто не включены, так как не представляют научного интереса. Но все же составитель сделал все возможное, чтобы библиография была наиболее полной, что он и достиг. Мы с удовольствием отмечаем выпуск этого научного труда, который будет служить основным пособием для литературоведов, профессуры, студентов и любителей русской поэзии.

Надо отметить, что на нашей родине, при существующих там в данное время ограничениях, выпуск такого труда невозможен. И мы будем искренне рады и надеемся, что данная библиография проникнет с СССР и будет использована нашими коллегами учеными в их исследованиях современной русской поэзии.

Книгу можно получить в русских книжных магазинах и в Русской Академической Группе.

ДВУХСОТЛЕТИЕ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. 1755-1955
Нью Йорк, 1956. Стр. 150

Книга была издана редакционной коллегией, в которую входила и Русская Академическая Группа, состоит из отдельных статей, в большинстве написанные воспитанниками московского университета, продолжающие научные традиции старейшего русского у-а и за рубежом. Любовь к великому прошлому России — резко отличает этот сборник от всех изданий в Советском Союзе, посвященных юбилею, московского у-а.

В этой книге помещены статьи и речи профессоров — многих ныне уже умерших, а также благополучно здравствующих. Весь матерьял настолько интересный и многосторонний, что невозможно дать о нем краткий обзор. Сборник содержит в себе разносторонние аспекты русской культуры и исторически ценные воспоминания. Этот сборник очень ценен для объек-

тивной исторической оценки роли московского у-а, столько сделавшего для развития русской и международной мысли и культуры. Каждый занимающийся вопросами русской культуры должен прочесть эту книгу.

А. К.

ПОПРАВКА

А. А. Борман обратил внимание редакции на четыре неточности на стр. 69, IV тома Записок: 1) Ген. Корнилов был смертельно ранен в бою под Екатеринодаром в 1918 г. и не приходя в сознание скончался. 2) Добровольческая Армия была создана в Новочеркасске в ноябре 1917 г. ген. Алексеевым. 3) Ген. Врангель прибыл на территории Белых Армий осенью 1918 г. 4) Ген. П. Н. Краснов не имел никакого отношения к формированию Добр. Армии.

И. А. Курганов согласился с этим замечанием и сообщил, что в его тексте слово «летом» следует читать «к началу 1918 г.» и вычеркнуть фамилии ген. Врангеля и Краснова.

A. ROSSEELS PRINTING Cº
Vaartstraat 70 — 3000 Louvain
☎ 016 / 360.01 — Belgium